

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2023. № 7(175)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2023
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфвич Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councillor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);
Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPa

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;
Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);
Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);
Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8 ШАМАХОВ В. А.**
Эффект колеи и проблемы управления. Взгляд историка
- 9 ХЛУТКОВ А. Д.**
Эффект колеи и проблемы управления. Взгляд экономиста

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10 ШУМИЛОВ М. М., ГУРКИН А. Б.**
Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023)

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 28 ХАЛИН В. Г., ЧЕРНОВА Г. В.**
Цифровизация и киберриски
- 42 ИЛЬЯСОВ Р. Х., ПЛОТНИКОВ В. А.**
Макрорегиональный анализ углеродоемкости экономики
- 53 КУКЛИНА Е. А., ДЕМЕНТЬЕВ К. И.**
ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 72 КИМ М. Н., ПАК Е. М.**
Организационно-технологические аспекты деятельности конвергентной редакции
- 82 МИНИНА М. В., РЕХАККАЙНЕН Д. А.**
Роль Генерального плана в развитии современных городов на примере Санкт-Петербурга
- 94 НИКИТИНА О. О.**
Использование нестандартных методов продвижения в event-индустрии в условиях ограниченных ресурсов

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 103 ГРИДНЕВ В. П.**
Мужество и героизм советских воинов в битве под Курском

A LINEA

- 109 ГРИНЕВ С. А.**
Феномен чрезвычайности в социально-экономическом и стратегическом аспектах

- 121 САВЕЛЬЧЕВ Л. А.**
Взаимообогащение или «утечка мозгов»?
Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии
- 142 ГОРЫНЦЕВА Е. А.**
Проблема всеобщей цифровизации в зеркале российских аудиовизуальных православных СМИ (на примере телеканала «Спас»)

НОВОСТИ

- 151** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Path Dependence and Problems of Governance: The Historian's View
- 9** **ANDREY D. KHLUTKOV**
Path Dependence and Problems of Governance: The Economist's View

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10** **MIKHAIL M. SHUMILOV, ALEXANDER B. GURKIN**
Prerequisites, International Context and Features of NATO's Proxy War against Russia in Ukraine (2022–2023)

POWER AND ECONOMY

- 28** **VLADIMIR G. KHALIN, GALINA V. CHERNOVA**
Digitalization and Cyber Risks
- 42** **RUSLAN KH. ILYASOV, VLADIMIR A. PLOTNIKOV**
Macro-Regional Analysis of the Carbon Intensity of the Economy
- 53** **EVGENIA A. KUKLINA, KIRILL I. DEMENTIEV**
ESdiGital-Transformation of Russian Oil and Gas Companies:
Risks and Assessments

SOCIETY AND REFORMS

- 72** **MAXIM N. KIM, CATHERINE M. PUCK**
Organizational and Technological Aspects of the Activities of the Convergent Editorial Office
- 82** **MARINA V. MININA, DARIA A. REHAKKAINEN**
The Role of the General Plan in the Development of Modern Cities on the Example of St. Petersburg
- 94** **OKSANA O. NIKITINA**
Using Non-Standard Methods of Promotion in the Event Industry in Conditions of Limited Resources

HISTORY AND CULTURE

- 103** **VALERY P. GRIDNEV**
Courage and Heroism of Soviet Soldiers in the Battle of Kursk

A LINEA

- 109** **SERGEY A. GRINEV**
The Phenomenon of Emergency in Socio-Economic and Strategic Aspects

- 121 LEONID A. SAVELCHEV**
Mutual Enrichment or Brain Drain? The Analysis of International Student
Mobility in the Cases of Russia and Germany
- 142 EKATERINA A. GORYNTSEVA**
The Problem of Universal Digitalization in the Mirror of Russian Audiovisual
Orthodox Media (On the Example of the Spas TV Channel)

NEWS

- 151** News of RANEPА Saint Petersburg

Эффект колеи и проблемы управления

Взгляд историка

Path Dependence and Problems of Governance: The Historian's View

Независимо от того, сложнее становится жизнь или проще, мы обращаемся к предшествующему опыту, оцениваем его и переоцениваем. Фактически речь идет о том, что мы примеряем наш прошлый опыт к современным управленческим практикам. С точки зрения институциональной теории, так любимой экономистами, это вполне нормально. Однако историк на уровне профессионального рефлекса постоянно пытается понять, насколько рецепты прошлого окажутся эффективными в настоящее время. «Эффект колеи» или «зависимость от колеи» — Path Dependence — это предмет изучения и исторической науки.

Классический пример: как известно, ширина колеи российских железных дорог отличается от европейской. Сегодня абсолютно неважно, зачем это было сделано, очевидно другое — технически преодолеть эту зависимость можно, однако на самом деле это абсолютная утопия с точки зрения экономических практик. Хотим мы или нет, но развитие железнодорожного транспорта и связанных отраслей в России в ином формате, отличном от стандарта 1520 мм, невозможно.

Мы не всегда можем, но всегда хотим оценить эффективность институтов прошлого. Жесткая централизация и абсолютное доминирование государственного регулирования позволили Советскому Союзу добиться уникальных социально-экономических и политических достижений. Эти достижения — результат экономических практик и работы соответствующих институтов: Совета Министров, Госплана, Госснаба, Госкомцен. Все эти институты вплоть до конца 1950-х гг. были эффективными. Косыгинская реформа вполне могла стать новым шансом и добавить эффективности советской экономике, настолько, что «восьмидесятых годов» прошлого века просто не было бы, но сработал эффект колеи. С небольшим косметическим ремонтом поздняя версия сталинской системы экономического управления дожила до Горбачева. Общая эффективность институтов продолжала снижаться. СССР попал в «колею застревания» — ситуацию, при которой управленческая деятельность становится недостаточно эффективной, а объект управления снижает темпы своего развития или не развивается вообще.

Теперь самое главное. Новая модель управления, сформировавшаяся в XXI в., показала себя достаточно эффективной как минимум первые 20 лет. Эпидемия и пандемия понимаются нами как форс-мажор. Однако после февраля 2022 г. прежняя колея управления, прежние институты, прежние управленческие подходы уже не в состоянии работать так, как раньше. Нам необходимо решиться на обновление системы, причем в особо сложных условиях. Попытка отложить реформирование системы управления может привести к появлению новой точки невозврата. Кризис в этом случае неизбежен, и чем дольше мы от него попытаемся абстрагироваться, тем масштабнее он будет.

В. А. Шамахов
научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, кандидат исторических наук, главный редактор

Эффект колеи и проблемы управления

Взгляд экономиста

Path Dependence and Problems of Governance: The Economist's View

Постановка и формулирование проблемы Path Dependence принадлежат нобелевскому лауреату Дугласу Нортю. В России эта концепция не только принята, но и адаптирована, благодаря работам Александра Аузана, декана экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, который перевел этот термин как «эффект колеи».

1991 год с точки зрения «эффекта колеи» в плане реформирования системы государственного управления выглядел как пересадка из дореволюционного трамвая «Аннушка» в электромобиль «Тесла». Концепция «лес рубят — щепки летят» применительно к институтам управления привела к тому, что вместо аудита и реформирования была сделана ставка на насильственное внедрение новых, заимствованных институтов. Однако «...привнесенные институты плохо приживались на отечественной почве и либо отторгались российским обществом, либо до неузнаваемости мутировали»¹.

Опираясь на концепцию «эффекта колеи», можно придерживаться практически любых теоретических подходов в рамках экономической науки. Для нас, однако, важнее вопросы практики. Модель экономического управления 2000–2013 годов была далеко не идеальна, но сформировала ту самую «колею», выход из которой предполагался очень болезненным, и это было правдой. Нежелание покидать «колею» сначала связывалось с эпидемией и пандемией, а затем задержало, но не отменило стратегическое решение по Украине. Однако сегодня уже очевидно то, что мы постепенно выходим из «path-dependence» постсоветской расслабленности.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
председатель редакционного совета*

¹ Клейнер Г. Б. Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? // Постсоветский институционализм / под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. Донецк, 2005. С. 409.

Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023)

Шумилов М. М.¹, *, Гуркин А. Б.

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mshumilov@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель статьи — выяснить предпосылки, международный контекст и особенности вооруженного конфликта на Украине, который в условиях специальной военной операции (СВО) приобрел характер затяжной и изнурительной прокси-войны между Россией и странами НАТО. К настоящему времени у российских обществоведов в целом сложилось адекватное представление о причинах войны и целях противоборствующих сторон. Их методологическая позиция понятна и преимущественно определяется политическими установками, которые не раз озвучивались Президентом РФ, главой МИД РФ, другими руководящими лицами и представителями заинтересованных ведомств. Как правило, это не вызывает вопросов, так как официальная российская позиция фактически не проникнута идеологией. Вместе с тем заслуживают внимания публикации западных политологов, экспертов и журналистов, особенно придерживающихся реалистической парадигмы. Их оценки и прогнозы способствуют формированию объективной картины украинского кризиса. В ходе исследования было установлено, что намерения стран НАТО во главе с США, а значит, подоплека их соперничества с Россией в ходе СВО не изменились. Они все еще рассчитывают нанести нашей стране стратегическое поражение и тем самым продлить существование однополярного мира. Уверовав в слабость России, западные элиты связывают завершение конфликта с победой киевского режима на поле боя. Поэтому США и их союзники по НАТО продолжают насыщать Украину все более современным оружием. Главным спонсором и организатором продолжающейся войны выступают США, которые оплачивают две трети украинских военных расходов. При этом их поведение отличается осторожностью и даже определенной ответственностью. Соединенные Штаты опасаются неконтролируемой эскалации конфликта, всякий раз подчеркивают свою непричастность к военным действиям и стремятся локализовать их в границах Украины. Несмотря на то, что РФ тоже остерегается наносить удары по территории стран НАТО, конфликт между ними продолжает развиваться по эскалационной спирали. Война постепенно выходит за рамки опосредованных отношений России и стран Организации Североатлантического договора. По мере расширения поставок все более разрушительных вооружений и непосредственной вовлеченности натовцев в противостояние с российскими военными она приобретает полноценный характер с перспективой выхода за границы Украины и применения неконвенционального оружия.

Ключевые слова: специальная военная операция (СВО), вооруженный конфликт, прокси-война, Украина, Россия, США, НАТО, Евросоюз

Для цитирования: Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 10–27.

Prerequisites, International Context and Features of NATO's Proxy War against Russia in Ukraine (2022–2023)

Mikhail M. Shumilov¹, *, Alexander B. Gurkin²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *mshumilov@mail.ru

²Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of the article is to clarify the prerequisites, international context, and features of the armed conflict in Ukraine, which in the conditions of a Special Military Operation (SVO) has acquired the character of a protracted and exhausting proxy war between Russia and NATO countries. By now, Russian social scientists have generally developed an adequate understanding of the causes of the war and the goals of the warring parties. Their methodological position is clear and is mainly determined by political attitudes that have been repeatedly voiced by the President of the Russian Federation, the Head of the Russian Foreign Ministry, other senior officials, and representatives of interested departments. As a rule, this does not raise questions since the official Russian position is not actually imbued with ideology. At the same time, the publications of Western political scientists, experts, and journalists, especially those who adhere to the realistic paradigm, deserve attention. Their assessments and forecasts contribute to the formation of an objective picture of the Ukrainian crisis. During the study, it was found that the intentions of the NATO countries led by the United States, and, therefore, the background of their rivalry with Russia, have not changed during the SVO. They still expect to inflict a strategic defeat on our country and thereby prolong the existence of a unipolar world. Believing in Russia's weakness, Western elites associate the end of the conflict with the victory of the Kiev regime on the battlefield. Therefore, the United States and its NATO allies continue to saturate Ukraine with more and more modern weapons. The main sponsor and organizer of the ongoing war is the United States, which pays two-thirds of Ukrainian military expenses. At the same time, their behavior is characterized by caution and even a certain responsibility. The United States fears an uncontrolled escalation of the conflict, every time it emphasizes its non-involvement in military actions and seeks to localize them within the borders of Ukraine. Even though the Russian Federation is also wary of striking at the territory of NATO countries, the conflict between them continues to develop in an escalating spiral. The war is gradually moving beyond the mediated relations between Russia and the countries of the North Atlantic Treaty Organization. With the expansion of supplies of increasingly destructive weapons and the direct involvement of NATO members in the confrontation with the Russian military, it acquires a full-fledged character with the prospect of going beyond the borders of Ukraine and using unconventional weapons.

Keywords: Russia's Special Military Operation in Ukraine, Russia-Ukraine International Armed Conflict, Proxy war, Ukraine, Russia, USA, NATO, European Union

For citing: Shumilov M. M., Gurkin A. B. Prerequisites, international context, and features of NATO's proxy war against Russia in Ukraine (2022–2023) // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 10–27.

24 февраля 2022 г. ознаменовало возникновение в планетарном масштабе новой реальности. В этот день президент России В. В. Путин, выступив с обращением к нации, объявил о начале специальной военной операции (СВО) на Донбассе с целью демилитаризации и денацификации Украины. Россия приступила к проведению операции по защите жителей Донбасса в соответствии со ст. 51 Устава ООН после того, как киевский режим при одобрении своих западных покровителей публично поставил крест на Минском процессе¹.

Была ли у России альтернатива? На этот вопрос не может быть однозначного ответа. Одно несомненно: упреждающий удар по врагу парировал смертельную военно-политическую угрозу с сопредельной территории. Достаточно сказать, что 9 марта в распоряжении российских военных оказались секретные документы командования

¹ В опубликованном 7 декабря 2022 г. интервью германской газете Die Zeit экс-канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила: «Минское соглашение 2014 г. было попыткой дать Украине время. Она также использовала это время, чтобы стать сильнее, как можно видеть сегодня». Экс-президент Франции Франсуа Олланд вслед за ней тоже признал, что Минские соглашения были подписаны с целью дать Киеву время усилить армию и подготовиться к военному противостоянию с Россией. В начале февраля 2023 г. уже сам президент Украины Владимир Зеленский признался в том, что не собирался выполнять Минские соглашения.

Нацгвардии Украины, свидетельствующие о скрытой подготовке Киевом наступательной операции на Донбассе в марте 2022 г., в частности приказ командующего Национальной гвардией Украины генерал-полковника Николая Балана от 22 января 2022 г., в котором был представлен подробный план подготовки одной из ударных группировок для наступательных действий в зоне «операции объединенных сил» в Донбассе¹. Стали понятнее намеки президента Украины Владимира Зеленского на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2022 г. о возможности пересмотра Киевом обязательств по Будапештскому меморандуму 1994 г., который предусматривал его отказ от ядерного оружия в обмен на гарантии безопасности. По данным Службы внешней разведки РФ, разработки по созданию ядерного взрывного устройства, которое в дальнейшем можно было бы использовать в конструкции ядерных боезарядов, велись на Украине «как по урановому, так и по плутониевому направлениям»².

Что представляется еще более важным, войну России и Украины невозможно рассматривать вне регионального и глобального контекста. Ведь по существу она стала главным событием гибридной войны между РФ и блоком НАТО во главе с США, наметившейся после публичного отказа В. В. Путина в 2007 г. подчинять страну американским «правилам» и усилилась в условиях нисходящего тренда глобализации после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., когда отчетливо проступили контуры многополярной структуры грядущего международного порядка на фоне все менее убедительных попыток США сохранить свою лидирующую роль в мировой политике.

Исследование данной проблемы находится в начальной стадии. Тем не менее в опубликованных к настоящему времени работах российских авторов справедливо подчеркивается защитный и объективный характер проводимой СВО, которая по сути стала ответом на «бескомпромиссное» расширение военной инфраструктуры НАТО к границам РФ [4], «неизбежным следствием сложного комплекса международных противоречий, накопившихся в период 2014–2021 гг.» [3, с. 137]. Следует признать обоснованность суждений Е. А. Абашевой и Э. Н. Лыкова, отмечавших преднамеренность политики США, которые задолго до начала СВО, оставаясь «за кадром», оказывали всемерную поддержку неонацистскому режиму в Киеве и разжигали российско-украинскую конфронтацию [1, с. 16], а также Е. В. Цедилиной, утверждавшей, что война на Украине «явилась проекцией российско-американских противоречий», имела со стороны России вынужденный оборонительный характер [6, с. 9–10]. Отразив антироссийскую политику украинской элиты в 2014–2021 гг., которая послушно следовала «в фарватере внешнеполитического курса США», Е. Г. Гарбузарова пришла к заключению, что именно это и привело к началу СВО [2, с. 52]. С такими оценками открыто конфликтуют выводы украинских ученых, по мнению которых на начало 2022 г. Украина являлась мирной страной, почти не имевшей опыта военного противостояния и участия в боевых операциях [7, с. 49].

В числе опубликованных работ по заявленной теме обращает на себя внимание статья ведущего научного сотрудника Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Д. В. Тренина «Специальная военная операция на Украине как переломная точка внешней политики современной России» (2022) [5]. Заслуживает поддержки его вывод о том, что гибридная война России с коллективным Западом, нараставшая с 2014 г., с февраля 2022 г. «приобрела военное измерение, противостояние

¹ Россия захватила документы с планами Киева атаковать Донбасс в марте // РИА Новости. 2022. 9 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220309/ukraina-1777222627.html> (дата обращения: 25.02.2023).

² Плутоний для ядерного оружия шел на Украину из США — СМИ // EurAsia Daily. 2022. 6 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/06/plutoniya-dlya-yadernogo-oruzhiya-shel-na-ukrainu-iz-ssha-smi> (дата обращения: 25.02.2023).

сменилось противоборством — пока что опосредованным, если говорить о конфликте между Россией и странами НАТО во главе с США». Новизной отличается и его оценка современной международной обстановки, в которой России противостоит «политически мобилизованный коллективный Запад», а у нее впервые нет союзников; в антироссийский альянс вступили «нейтральные» Финляндия, Швеция, Австрия, Ирландия, Швейцария и Ватикан; странам Запада удалось подчинить своему влиянию международные институты, «добиться большинства голосов в поддержку антироссийских резолюций» [5].

Безусловно, важный вклад в разработку проблематики войны на Украине в контексте обострившейся после 2014 г. конфронтации РФ и США внесла старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН Е. В. Цедилина. Трудно переоценить ее вывод о целенаправленном освоении блоком НАТО, возглавляемым США, территории Украины и постепенном превращении последней «в главный инструмент военно-политического (а в будущем — и прямого военного) давления на Москву» [6, с. 9]. Заслуживает внимания заключение автора о времени и причинах трансформации «территориально ограниченного вооруженного конфликта в полномасштабную прокси-войну». По мнению Е. В. Цедилиной, это произошло в летний период 2022 г. в результате массированного вмешательства в конфликт США, что сделало их де-факто одним из его участников, и предоставления Киеву масштабной военной помощи [6, с. 10–12]. И, наконец, автору удалось раскрыть «основную дилемму американской стратегии» на Украине: нанести посредством Вооруженных сил Украины (ВСУ) стратегическое поражение России на поле боя, не допустив при этом «ядерной эскалации» [6, с. 12–19].

Действительно, отвергнув ультимативное, но обоснованное и справедливое требование России исключить возможность приема Украины в состав НАТО, США выступили провокатором войны. Вопреки своим предвыборным заверениям о переносе центра тяжести американской внешней политики в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и сосредоточении на соперничестве с главным конкурентом — Китаем, президент США Джо Байден вцепился «мертвой хваткой» в Россию и фактически выступил заказчиком и организатором СВО, нарушителем баланса сил в Евро-Атлантическом регионе и разрушителем остатков архитектуры европейской безопасности. Ведь позиция России была конструктивной и реалистичной. 7 декабря 2021 г. во время двухчасового онлайн-саммита с президентом США В. В. Путин всего лишь потребовал для своей страны надежных, юридически зафиксированных гарантий, исключавших расширение НАТО в восточном направлении, а также не размещения в сопредельных государствах ударных наступательных систем вооружений. Руководство США проигнорировало озабоченности России.

В результате соперничество великих держав, которое вышло на первый план мировой политики еще при Дональде Трампе в 2017 г., в условиях СВО приобрело очертания конфликта с нулевой и даже отрицательной суммой. По словам почетного профессора Школы перспективных международных исследований университета Джонса Хопкинса Хала Брэндса, после 24 февраля 2022 г. мир вступил в период неопределенности, поскольку геостратегическое соперничество сверхдержав угрожало новой волной кризисов¹.

Реакция России на украинские события и продвижение НАТО к своим границам в нарушение прежних заверений американского руководства была предсказуемой. Ведь еще в 2014 г. профессор Чикагского университета Джон Миршаймер констатировал, что внедрение Запада «на задний двор» России привело к созданию эк-

¹ Брэндс Х. США: почему кризисы в отношениях сверхдержав — это хорошо // Foreign Policy, США. 2022. 14 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220814/ssha-255470782.html> (дата обращения: 25.02.2023).

зистенциальной угрозы ее основным стратегическим интересам. На бесцеремонное поведение США и НАТО Россия ответила присоединением Крыма. Это стало неожиданностью для либеральных элит в США и Европе, которые, по словам автора, плохо изучали теорию международной политики и недооценили актуальность логики реализма в XXI в. Следовательно, утверждал он, «американские и европейские лидеры глубоко просчитались, попытавшись превратить Украину в оплот Запада на границах с Россией. Теперь, когда последствия этих неразумных действий стали очевидны, было бы еще более грубой ошибкой продолжать эту непродуманную политику»¹.

Не вняв предостережениям ученого, западные элиты с маниакальным упорством продолжили свою опасную для дела мира игру. Рассуждая о причинах СВО с позиции политического реализма, экс-командующий операциями сил КФОР в бывшей Югославии 2002–2003 гг. итальянский генерал Фабио Мини настаивал на том, что даже в феврале 2022 г. страны Запада имели шансы восстановить суверенитет Украины над всей ее территорией, обеспечить свою энергетическую независимость от России и безопасность для Европы, «надо было просто сесть и поговорить с русскими. Можно было даже поторговаться — ну хотя бы для того, чтобы не гремели все пушки. Но западным руководством был выбран путь войны, дипломатия была послана в отставку. Вместо превалирования таких вещей, как политика безопасности, наша элитка выбрала так называемые “культуру и ценности” совсем другой страны»². Об этом же в феврале 2023 г. напомнил В. В. Путин, заявив о том, войну развязал Запад, а Россия использовала силу, чтобы ее остановить³.

Неудивительно, что многие отечественные и зарубежные эксперты изначально рассматривали конфликт на Украине в широком контексте. При этом если большинство из них, например, эксперт по России и помощник по европейским и российским делам у президента Д. Трампа Фиона Хилл, менторски порицали Россию за подрыв международного порядка, основанного на правилах⁴, за авторитарные попытки нанести неприемлемый ущерб «либеральным ценностям» и «демократии», то многие другие, осуждая В. В. Путина, все же признавали вынужденный и защитный характер СВО, в которой России противостояла не Украина, а совокупная мощь государств Запада.

Так, выступая с идеалистических позиций, бывший директор программы России и Китая в Центре европейских реформ Бобо Ло обоснованно утверждал, что либеральный мировой порядок, основанный на правилах игры, стал разрушаться после американского вторжения США в Ирак в 2003 г. При этом он отвергал саму мысль о замещении однополярной конструкции многополярным альтернативным порядком и возобновлении соперничества великих держав. Признавая, что результатом безнравственной и глупой политики Запада стала «деуниверсализация» и «бандитизация» международного порядка, он вместе с тем оспаривал правоту Дж. Миршай-

¹ *Mearsheimer J. J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. August 18, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (дата обращения: 25.02.2023).*

² Генерал Фабио Мини: «Украинское контрнаступление хорошо для пропаганды, но «на земле» почти ничего не изменилось» // *L'Antidiplomatico*, Италия. 2022. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220918/ukraina-256180654.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/70565> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Reynolds M. Yes, He Would': Fiona Hill on Putin and Nukes // *Politico*. February 28, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/02/28/world-war-iii-already-there-00012340> (дата обращения: 25.02.2023).

мера и других «реалистов», призывавших к поиску компромисса с РФ. Б. Ло настаивал на восстановлении Западом своей репутации посредством и на основе либеральных ценностей и стандартов: «Мы должны показать, что наши ценности и наши стандарты работают лучше, чем любые другие, что мы исключительны». Уверенный в своей правоте, он видел в победе над путинской Россией единственным возможным вариантом урегулирования кризиса на Украине¹.

Напротив, российский политолог С. А. Марков рассуждал о начале прокси-войны «между двумя ядерными сверхдержавами», в которой США якобы «показали свою огромную мощь, эффективность, способность контролировать политические режимы». Его спорное утверждение о слабости России и неподготовленности к войне с США, которые «нанесли поражение Российской армии руками украинской во многих местах»², тем не менее наводит на правильную мысль о том, что в развязанной коллективным Западом прокси-войне Украине отводилась роль всего лишь инструмента, или как выражался главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. А. Лукьянов, «гладиатора» американской политики³.

По мнению немецкого отставного генерала Эриха Фада, являвшегося в 2006–2013 гг. военным советником канцлера Ангелы Меркель, «нынешняя глобальная по сути война в своем начале была лишь внутривосточным конфликтом на Украине. Он начался в 2014 г. между проживавшими на Украине русскоязычными этническими группами и украинцами. То есть, долгое время это была гражданская война... А теперь она переросла в борьбу за независимость Украины и ее территориальную целостность. Все это правильно. Но это не вся правда. Это еще и прокси-война между США и Россией, и в ней речь идет о совершенно конкретных геополитических интересах в черноморском регионе»⁴. Ф. Мини тоже признавал, что «...идуший на Украине конфликт давно уже стал конфликтом между НАТО и Россией — ни один человек с минимальной интеллектуальной честностью не может это отрицать. НАТО предприняло прямые, откровенные действия, направленные на победу над Россией. Мы оказываемся открытыми участниками конфликта на стороне Украины. При этом не принят ни один юридический, экономический или политический документ, который бы узнавал этот наш новый статус»⁵. С ним соглашалась вице-премьер по вопросам европейской и евроатлантической интеграции Украины Ольга Стефанишина. Признавая тот факт, что на Украине Россия воевала с подразделениями украинской армии, подготовленными НАТО, она резонно определяла конфликт как противостояние НАТО и России⁶.

¹ «Для Путина компромисс — это удел слабых и побежденных» // Le Figaro, Франция. 2022. 9 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220909/rusofobiya-256028482.html> (дата обращения: 25.02.2023).

² Вандышева О. Сергей Марков: «Россия сделала уже несколько шагов к своему поражению» // БИЗНЕС Online. 2023. 8 января [Электронный ресурс]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/579007> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Лукьянов Ф. Каким будет место России в мировой иерархии после СВО? // Профиль. 2023. 23 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/politics/kakim-budet-mesto-rossii-v-mirovoj-ierarhii-posle-svo-1270326/> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Эрих Фад: каковы цели этой войны? // Emma, Германия. 2023. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230115/ukraina-259709065.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Генерал Фабио Мини: «Украинское контрнаступление хорошо для пропаганды, но «на земле» почти ничего не изменилось» // L'Antidiplomatico, Италия. 2022. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220918/ukraina-256180654.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ В Киеве заявили, что на Украине фактически идет противостояние НАТО и России // ТАСС. 2022. 15 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16067131> (дата обращения: 25.02.2023).

15 февраля 2023 г. на «правительственном часе» в Госдуме С. В. Лавров прямо обвинил США и их сателлитов в осуществлении против РФ «всеохватной гибридной войны» под лозунгами «деколонизации» и «подготовки к распаду России», используя в качестве тарана украинских национал-радикалов¹. Ранее он называл США стороной вооруженного конфликта на Украине².

Определенный вклад в уточнение характера войны внес и французский общественный деятель Эммануэль Тодд, заявивший о перерастании внутреннего украинского конфликта в «Третью мировую войну» и «глобальную экономическую конфронтацию» между всем Западом, с одной стороны, и Россией, поддерживаемой Китаем, с другой³. Ранее главный редактор журнала *Newsweek International* Фарид Закария тоже утверждал, что после 24 февраля коллективный Запад развязал против России «глобальную экономическую войну»⁴. Журналист *The American Conservative* Род Дреер прямо обвинил США в развязывании «дурацкой войны с Россией, которую, без сомнения, нужно повернуть вспять и прекратить»⁵. С этими оценками солидаризуется Д. В. Тренин, по словам которого начавшаяся в 2014 г. санкционная война США и ЕС против РФ в 2022 г. переросла в «тотальную экономическую и валютно-финансовую войну», разрушившую экономические связи России с Западом [5]. Можно сказать, что под предлогом СВО ведущие страны Запада открыли новую фазу «экономической войны» против России, в ходе которой они вводили все новые санкции и меры экспортного контроля в отношении своего геополитического конкурента. США и их союзники заморозили и пытаются конфисковать многомиллиардные активы РФ и ее граждан, нарушают правила «честной конкуренции», переформатируют в своих интересах международные коммуникации и логистические цепочки.

Конкретизируя истоки и предпосылки конфликта, следует признать, что они уходят корнями в далекий декабрь 2011 г. Именно тогда, вскоре после состоявшихся в Москве и некоторых других российских городах уличных протестов против «фальсификации» результатов выборов в Государственную думу американские политики ужесточили антироссийскую риторику и активизировали вмешательство во внутренние дела нашей страны. В частности, госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила о якобы неприкрытой фальсификации итогов голосования⁶. Началась пропагандистская атака США на Россию. Трудно не согласиться с мнением руководителя Центра международной безопасности ИМЭМО РАН А. Г. Арбатова о на-

¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и ответы на вопросы на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 15 февраля 2023 г. // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854365/ (дата обращения: 25.02.2023).

² Лавров назвал США стороной конфликта на Украине // РИА Новости. 2022. 24 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220924/ssha-1819235788.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Девеччио А. Эммануэль Тодд: «Третья мировая война уже началась» // Le Figaro, Франция. 2023. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230115/prognozy-259721758.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Закария Ф. Как выиграть экономическую войну против России // The Washington Post, США. 2022. 14 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221014/voyna-256827948.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Дреер Р. Тссс! Молчите о третьей мировой войне! // The American Conservative, США. 2023. 31 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230131/ssha-260179489.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ 6 декабря 2011 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон на заседании совета министров иностранных дел ОБСЕ в Литве раскритиковала выборы в Госдуму РФ, состоявшиеся 4 декабря, заявив, что не считает их «ни свободными, ни справедливыми». Накануне в Москве и Санкт-Петербурге прошли масштабные акции протеста «Против несправедливых выборов».

чале отчуждения РФ и США после выборов 2011–2012 гг., что во многом предопределило негативный сценарий дальнейших российско-американских отношений «по всему диапазону проблем международной безопасности»¹. Отметим и то, что с 2011 г. в РФ началась широкая программа модернизации стратегических сил².

Это мнение сегодня разделяют и отдельные западные авторы. Так, старшие эксперты из аналитического центра «Атлантический совет» Эмма Эшфорд и Мэтью Берроуз отмечают, что «после ухабистого, но продуктивного начала отношений во времена администрации Обамы отношения между США и Россией явно ухудшились в 2011–2012 гг. после того, как Хиллари Клинтон, занимавшая тогда пост госсекретаря, высказала поддержку проходившим в Москве протестам. Хотя многие относят спад к вторжению в Крым в 2014 г., на самом деле, к тому моменту отношения уже изрядно попортились по причине проблем с правами человека»³. Следует прислушаться и к суждению обозревателя хорватского издания *Advance* Д. Марьяновича об агрессии НАТО против Ливии в 2011 г. как важной вехе в начавшемся обострении соперничества РФ и США. В Москве, по его словам, в этом усмотрели начало процесса «устранения государств, с которыми она поддерживала хорошие или относительно хорошие отношения»⁴.

В середине октября 2012 г. Россия заявила о нежелании продлевать действие программы Нанна — Лугара, срок действия которой истек в мае 2013 г. Это произошло через несколько недель после решения о закрытии на территории РФ Агентства США по международному развитию (USAID) по причине выявленных попыток этого американского ведомства влиять на политические процессы в РФ⁵. В связи с усилением выступлений несистемной оппозиции 20 июля 2012 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности НКО, выполняющих функции иностранного агента». Согласно ему, неправительственные организации, которые финансировались из-за границы и при этом занимались внутриполитической деятельностью, обязаны были зарегистрироваться в качестве иностранных агентов. В свою очередь, в 2012 г. США заменили поправку Джексона — Вэника (1974) актом Магницкого, который позволил использовать финансовые санкции в отношении российских чиновников по причине коррупции и нарушения прав человека.

Расширение НАТО, не поддававшаяся урегулированию проблема ПРО, кризис на Украине, продолжавшийся с конца 2013 г., еще сильнее осложнили и обострили отношения РФ со странами Запада. Противодействуя попыткам России воссоздать себя в качестве независимого и автономного мирового центра силы, США и их ев-

¹ Арбатов А. Угрозы реальные и мнимые. Военная сила в мировой политике начала XXI века // Россия в глобальной политике. 2013. № 1. Январь/февраль [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ugrozy-realnye-i-mnimye/> (дата обращения: 25.02.2023).

² Привет, оружие! // Новая газета. 2018. 6 июня. № 59. С. 8.

³ Эшфорд Э., Берроуз М. Проверка реального положения вещей №4: в отношении России фокус должен быть на интересах, а не правах человека // Atlantic Council, США. 2021. 10 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210310/249303014.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Марьянович Д. Биполярный мир рождается на наших глазах. Россия и ЕС отпали в качестве мировых держав. Остаются США и Китай // Advance, Хорватия. 2022. 30 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220930/bipolyarnyy-mir-256436157.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Ли У. Россия закрывает программу «Нанна — Лугара» // Голос Америки. 2012. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosameriki.com/a/lugar/1524191.html>; Обама призвал Россию продолжить уничтожать ее ядерные боеприпасы в одностороннем порядке // Накануне. 2012. 4 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2012/12/4/22293895/> (дата обращения: 25.02.2023). В июне 2013 г. Москва окончательно решила закрыть программу, мотивировав это тем, что более в дотациях не нуждается.

ропейские союзники решили изолировать ее и любой ценой вывести из равновесия. В этой связи важно отметить методологическую значимость вывода С. В. Лаврова о том, что, если «не было бы Крыма и юго-востока Украины, Запад придумал бы что-нибудь еще»¹. 9 октября 2016 г. в интервью Первому каналу он повторил, что ухудшение отношений РФ и США началось в одностороннем порядке американской стороной «задолго до Украины». К тому времени в этих отношениях «произошли коренные изменения». По словам министра, США перешли к агрессивным шагам, которые в отличие от обычной антироссийской риторики стали затрагивать национальные интересы РФ и напрямую угрожать ее безопасности².

Спровоцировав украинский кризис, натовские страны усилили нажим на Россию. Наряду с повышением военных расходов они пошли на создание четырех многонациональных боевых батальонных групп (около 1000 человек каждая) на территории Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. Решение было принято Варшавским саммитом НАТО (2016), подтвердившим антироссийский курс и озвучившим планы по усилению присутствия подразделений альянса у границ с Россией.

Затем, в ноябре 2018 г., американские военные провели первую кибероперацию против России. 1 февраля 2019 г. госсекретарь США Майкл Помпео заявил о приостановке Вашингтоном со 2 февраля выполнения обязательств в рамках Договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности (ДРСМД) с тем, чтобы выйти из него через полгода. Последовал «зеркальный» ответ России — она тоже приостановила свое участие в договоре. 20 февраля 2019 г. в послании Федеральному собранию В. В. Путин предусмотрел возможность нацеливания российских ракет на страны альянса в случае размещения американских ракет в Европе после выхода из ДРСМД. 4 марта 2019 г. Путин подписал указ о приостановлении РФ выполнения ДРСМД. 15 марта 2019 г. в СМИ появилась информация о том, что на боевое дежурство по противовоздушной обороне в Калининградской области заступили боевые расчеты ЗРК С-400 «Триумф» из состава зенитного ракетного полка соединения противовоздушной обороны Балтийского флота³. В военной стратегии НАТО 2019 г. Россия впервые фигурировала как главная гроза и противник⁴.

18 октября 2021 г. МИД РФ объявил о закрытии на неопределенный срок представительства РФ при НАТО в Брюсселе. Кроме того, прекратилась деятельность двух натовских структур в Москве — военной миссии альянса и его информационного бюро. Эта мера явилась ответом на решение НАТО от 6 октября вдвое сократить число сотрудников российской миссии при альянсе. От имени альянса Й. Столтенберг позднее пояснил: «Мы отзывали аккредитации у восьми сотрудников российской миссии при НАТО, которые были необъявленными сотрудниками российской разведки»⁵. Отказавшись от контактов по военной линии, НАТО фактически похо-

¹ *Ванденко А. Сергей Лавров: поставлена цель — любой ценой вывести Россию из равновесия // ИТАР-ТАСС. 2014. 11 сентября [Электронный документ]. URL: <http://itar-tass.com/opinions/top-officials/1432200> (дата обращения: 25.02.2023).*

² *Лавров сообщил о коренных изменениях в отношениях США и России // Известия. 2016. 9 октября [Электронный документ]. URL: <http://izvestia.ru/news/637164> (дата обращения: 25.02.2023).*

³ *В Калининградской области на боевое дежурство заступили боевые расчеты ЗРК С-400 «Триумф» // Новости ВПК. 2019. 18 марта [Электронный ресурс]. URL: https://vpk.name/news/260769_v_kaliningradskoi_oblasti_na_boevoe_dezhurstvo_zastupili_boevyie_raschetiy_zrs_s400_triumf.html (дата обращения: 25.02.2023).*

⁴ *Путин заявил, что в стратегии НАТО Россия названа как противник // ТАСС. 2022. 8 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220208/strategiya-1771572897.html> (дата обращения: 25.02.2023). Принята на заседании Военного комитета альянса на уровне начальников генштабов 22 мая 2019 г. в Брюсселе.*

⁵ *Генсек НАТО: лишённые аккредитации российские дипломаты были необъявленными*

ронила Совет Россия — НАТО, учрежденный в мае 2002 г. Российское постпредство при НАТО приостановило работу после 1 ноября, и для контактов с Россией альянсу приходилось обращаться к послу РФ в Бельгии¹.

В наметившемся расширении Североатлантического блока просматривалась тенденция дальнейшего поглощения им Евросоюза. Еще в феврале 2020 г. С. В. Лавров отмечал тенденцию к «сращиванию» НАТО с ЕС, а также то, что на Западе данный феномен перестали скрывать. По словам генсека НАТО Йенса Столтенберга, «НАТО и ЕС — две стороны одной медали»². Натовцы проводили совместные с Евросоюзом учения, завлекали в них под предлогом членства в ЕС нейтральные государства — Финляндию, Швецию. Они, по словам С. В. Лаврова, «придумали в контексте сотрудничества НАТО с ЕС в военной сфере термин „военный Шенген“, предполагающий модернизацию всех транспортных артерий вплоть до восточной границы альянса таким образом, чтобы любая самая крупная боевая техника могла беспрепятственно проходить на Восток»³. Следовательно, определяя НАТО в качестве инструмента внешней политики США⁴, следует признать, что и ЕС задолго до начала СВО функционировал как послушное орудие для достижения их стратегических целей и фактически превратился в актора с атрофированной субъектностью.

Определяя отношения РФ и ЕС незадолго до начала СВО, С. В. Лавров в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Дании Йеппе Кофодом прямо заявил об их деградации с начала 2014 г.: «Мы видим, как в дополнение к давно известному весьма агрессивному русофобскому меньшинству добавляются и попытки в серьезных, староевропейских странах, так сказать, возглавить это движение, в том числе в Германии. Нас это печалит, но мы ничего не можем с этим поделать. Наша позиция открытая, честная. Все эти годы мы говорили ЕС, что не понимаем причин, по которым они стали разваливать все механизмы сотрудничества с 2014 года: саммиты, заседания Постоянного совета партнерства, двадцать с лишним секторальных диалогов»⁵.

сотрудниками разведки // Коммерсант. 2021. 7 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5019763> (дата обращения: 25.02.2023).

¹ Альянс похоронил Совет Россия — НАТО, заявил в МИД // РИА Новости. 2021. 21 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211021/nato-1755602587.html>; Дубровин Д. Взаимодействие России и НАТО: хуже не будет, потому что некуда // ТАСС. 2021. 21 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/12721873> (дата обращения: 25.02.2023).

² Пресс-конференция генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга // НАТО, Бельгия: 2020. 14 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200214/246849093.html> (дата обращения: 25.02.2023). Еще в 2006 г. российский политик и дипломат Юлий Квицинский (1936–2010) обращал внимание на факт почти полного совпадения состава стран, входивших в НАТО в ЕС. По его словам, расширение на восток этих двух организаций представляло собой две стороны одного процесса: «Североатлантический альянс и Европейский союз — это как две ноги одного организма: ставится одна — подтягивается другая» (Депутат Госдумы РФ: расширение ЕС и НАТО призвано закрепить несправедливые результаты раздела постсоветского пространства // ИА REGNUM. 2006. 21 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/660573.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Долгополов Н., Шестаков Е. Открытый дипломат. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров рассказал «РГ» о важнейших международных проблемах, а мы поздравили его с Днем дипломатического работника // Российская газета. 2020. 10 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/02/10/sergej-lavrov-prodolzhaetsia-srashchivanie-nato-s-evrosoiuzom.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Дании Й. Кофодом, Москва, 9 октября 2020 г. // МИД РФ. 2020. 9 октября [Электронный

В феврале 2021 г. вскоре после провального визита в Москву высокого представителя ЕС по иностранным делам Жозепа Борреля глава МИД РФ С. В. Лавров вообще заявил о возможности разрыва связей с ЕС, если Брюссель будет вводить санкции, создающие риски для чувствительных секторов российской экономики¹. Этот прогноз в дальнейшем полностью подтвердился. В конце 2022 г. помощник президента России В. В. Путина, бывший посол в Вашингтоне Ю. В. Ушаков констатировал провал ранее «популярного проекта создания единого пространства» от Лиссабона до Владивостока. По его словам, США и ЕС отказались принять во внимание элементарные интересы России в области безопасности. Поэтому все это означает «конец европейской безопасности в XXI веке»².

Неудивительно, что в день начала СВО министр экономики ФРГ Роберт Хабек заявил о решении отказаться от газа и угля из России. В результате биржевые цены на газ в Европе взлетели более чем на 40%. Осудив «наступательную войну России», бывший канцлер ФРГ Ангела Меркель обозначила ее как «глубокий перелом в истории Европы после холодной войны»³. Комитет министров СЕ осудил «вооруженное нападение» РФ на Украину как нарушение международного права и приостановил с 25 февраля право РФ на представительство в Комитете министров и ПАСЕ.

Характеризуя СВО на Украине, многие эксперты обращали внимание на неопределенность преследуемых США в опосредованной войне с Россией целей. Например, Ф. А. Лукьянов говорил о замене четко определенных целей провозглашением лозунгов и акцентировал внимание на отсутствии у американцев «конкретно очерченных параметров победы»⁴. С одной стороны, администрация Джо Байдена стремилась нанести максимальный урон России, добиться ее поражения на поле боя. С другой, она твердо и последовательно стремилась избежать с ней прямого противостояния. Спустя полгода после начала СВО британский *The Economist* констатировал: «США потребовали гарантий того, что ракеты GMLRS с дальностью стрельбы 84 км не будут выпущены по российской территории. Вашингтон пока отказывается поставлять ракетный комплекс ATACMS с дальностью стрельбы 300 км»⁵. Надо признать, что и в дальнейшем США отказывались поставлять Киеву подобные наступательные вооружения, включая боевые самолеты, опасаясь, что ВСУ станут применять их по целям на российской территории.

Особенностью военного конфликта на Украине было и то, что российские граждане с самого начала воспринимали его как «оборонительную войну». Замеры общественного мнения свидетельствовали об их устойчивом доверии к верховной власти и лично В. В. Путину. Среди опрошенных преобладали настроения против возобновления переговоров о мире с украинской стороной и западными «партнерами» в формате «Минск-3». Комментируя этот феномен, Мэри Дежевски из британского *The Independent* категорически возражала против насаждаемого в запад-

ресурс]. URL: https://www.mid.ru/press_service/video/-/asset_publisher/i6t41cq3VWP6/content/id/4376570 (дата обращения: 25.02.2023).

¹ Лавров не исключил разрыва связей с ЕС в случае санкций // ТАСС. 2021. 12 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/10684093> (дата обращения: 25.02.2023).

² Бисенич Д. Россия окончательно распрощалась с Европой // Danas, Сербия. 2022. 13 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221213/kontseptsiya-258813901.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Меркель поддержала политику Запада по России // РИА Новости. 2022. 25 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220225/merkel-1775023122.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Лукьянов Ф. Каким будет место России в мировой иерархии после СВО?

⁵ США начинают уставать от затянувшегося конфликта на Украине? // *The Economist*, Великобритания. 2022. 19 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220719/ukraina-255082607.html> (дата обращения: 25.02.2023).

ных СМИ мифа о том, что поддерживающим СВО россиянам «промыли мозги». Дело в том, свидетельствовала она, что «официальная версия, продвигаемая Путиным, его министрами и государственными СМИ, полностью соответствовала представлению большинства россиян о своей стране и ее истории в XX веке»¹. Объясняя причину «оборонного сознания» россиян в условиях СВО, Э. Тодд представил пространственную модель войны на Украине: «... мы увидим вхождение российских войск: с севера, востока, юга с общим движением на запад... И здесь, действительно, возникает видение русского нашествия, нет другого слова. Но если вы сделаете движение zoom out и посмотрите на картинку до Вашингтона, да еще растянутую во времени, вы увидите совсем другую картину. Вы увидите, как солдаты, пушки и ракеты НАТО движутся на восток — в сторону нынешнего поля боя. Причем движение это началось задолго до 2022 г. А теперь взгляните на дистанции: город Бахмут находится в 8400 км от Вашингтона, но в 130 км от российской границы»².

Следует признать, что в ответ на военный вызов со стороны России западным элитам удалось изменить общественное сознание в направлении оголтелой русофобии. Эти настроения все еще преобладают в США и других странах глобального «Севера». Однако, во-первых, этот «успех» был обеспечен жесткой редакционной политикой ведущих СМИ, в рамках которой регулярно нарушался принцип невмешательства государства в международный обмен информацией, а также право каждого человека, согласно ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Во-вторых, солидарность Запада во многом носит показной характер, поскольку между союзниками существуют и обостряются экономические и другие противоречия. Известно, например, что в отношении своих европейских «друзей» США проводят нечестную экономическую политику, ведущую к подрыву их национального суверенитета. Наконец, бремя военных и других расходов провоцирует антивоенные настроения. Уже летом 2022 г. отмечалась определенная усталость населения США от далекой от них войны. *The Economist* обратил тогда внимание на существенную поляризацию в США и скептическое отношение республиканцев к событиям на Украине. Данные опроса, проведенного университетом Мэриленда, свидетельствовали, что по мере эскалации конфликта все меньше американцев были готовы оплачивать расходы киевского режима. Йозеф Буска из *The Spectator* тоже отмечал ослабление общественного мнения в поддержку Украины на Западе: «Первые полосы европейских СМИ посвящены скорее дороговизне жизни, чем военным операциям. И, судя по опросам, цены на энергоносители пугают людей гораздо больше, чем российское ядерное оружие... Если в мае подавляющее большинство немцев (82%) поддержало жесткую позицию против России, то всего два месяца спустя целых 47% сочли, что санкции больше вредят самой Германии»³.

Тем не менее большинство западных политиков и экспертов с маниакальным упорством стремились обосновать необходимость нанесения РФ военного поражения на поле боя и последующего вывода российских войск и ЧВК из Украины, Грузии, Сирии, Белоруссии, Армении, государств Центральной Азии, Африки и Латинской Америки. Причем их иррациональная враждебность к России только уси-

¹ Дежевски М. Поддерживающие СВО россияне не обязательно «одурманены» пропагандой // *The Independent*, Великобритания. 2023. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230218/diskussiya-260730771.html> (дата обращения: 25.02.2023).

² Девеччио А. Эммануэль Тодд: «Третья мировая война уже началась».

³ Буска Й. Неужели единство Запада по Украине вот-вот даст трещину? // *The Spectator*, Великобритания. 2022. 16 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220816/zapad-255521140.html> (дата обращения: 25.02.2023).

ливалась. Так, в ночь на 8 апреля 2022 г. верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель и глава ЕК Урсула фон дер Ляйен прибыли на Украину. Они посетили город Бучу под Киевом, где им продемонстрировали пластиковые мешки с телами людей, якобы убитых российскими военными. По окончании визита Ж. Боррель проявил беспрецедентную за всю историю ЕС воинственность, заявив в серии сообщений в Twitter: «Эта война должна быть выиграна на поле боя». Комментируя его слова, официальный представитель МИД РФ М. В. Захарова заявила: «Вот вам и „экономическая организация“». Это уже не Европейский союз. Это просто отдел экономических сношений НАТО»¹. Позднее, 13 мая, в Душанбе С. В. Лавров уточнил, что ЕС из конструктивной экономической платформы превратился в агрессивного воинствующего игрока, который заявляет о своих амбициях далеко за пределами Европейского континента. Ссылаясь на слова Урсулы фон дер Ляйен об обязанности ЕС играть активную роль в обеспечении безопасности ИТР, он отмечал движение ЕС по стопам НАТО, слияние с ней и превращение в ее придаток².

В дальнейшем, 10 января 2023 г., НАТО и ЕС подписали декларацию о расширении партнерства. На церемонии в штаб-квартире альянса в Брюсселе документ подписали генеральный секретарь организации Йенс Столтенберг, глава Евросовета Шарль Мишель и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. Комментируя событие, генсек НАТО не скрывал, что в основе коллективной безопасности западных стран лежит Североатлантический альянс — именно он жизненно важен для обеспечения трансатлантической безопасности³. Фактически произошло полное подчинение европейских сателлитов стратегическим целям НАТО, являющейся инструментом силового обеспечения интересов США⁴.

Лишь немногие западные политики, журналисты и ученые допускали возможность возобновления отношений с Россией по поводу восстановления общего дома европейской безопасности. Так, 30 сентября А. Меркель заявила, что инициированная Россией СВО не должна стать причиной отказа от восстановления с ее участием единой архитектуры европейской безопасности⁵. Президент Франции Эммануэль Макрон, выражая недовольство протекционистской поли-

¹ Конфликт на Украине должен разрешиться военным путем — Боррель // EurAsia Daily. 2022. 9 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/04/09/konflikt-na-ukraine-dolzhn-razreshitsya-voennym-putem-borrel>; После заявлений Борреля Захарова назвала ЕС экономическим отделом НАТО // EurAsia Daily. 2022. 9 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/04/09/posle-zayavleniy-borrelya-zaharova-nazvala-es-ekonomicheskim-otdelom-nato> (дата обращения: 25.02.2023).

² Лавров по итогам заседания Совета глав МИД стран СНГ в Душанбе // Известия. 2022. 13 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1333896/video/lavrov-po-itogam-zasedaniia-soveta-glav-mid-stran-sng-v-dushanbe> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Постникова Е. НАТО и ЕС подписали декларацию о противостоянии «авторитарным акторам» // РБК. 2023. 10 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/01/2023/63bd5a519a79472961024c05> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с подписанной в Брюсселе совместной декларацией ЕС-НАТО // МИД РФ. 2023. 11 января [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1846856/ (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Виноградов Д. Создать единую архитектуру безопасности — Меркель призвала к сотрудничеству с Россией // EurAsia Daily. 2022. 13 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221012/pegegovory-1823546734.html> (дата обращения: 25.02.2023). К тому времени Украина дважды (в марте и апреле) соглашалась вступить в переговоры, но оба раза Запад возвращал ее на поле брани. Турецкий министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу, в частности, отмечал, что надежда на мир была разрушена «странами НАТО, которые хотят продвижения военных действий».

тикой США¹, призывал В. В. Путина вернуться за стол переговоров для урегулирования конфликта на Украине: «В определенный момент, и я желаю, чтобы это было как можно скорее, необходимо, чтобы все стороны вернулись к переговорам. И я думаю, что это будет в интересах и Украины, и России»². Более того, Макрон дал понять, что Франция не станет отвечать ядерным ударом на гипотетическое применение Россией тактического ядерного оружия на Украине, в связи с чем удостоился критической реакции со стороны министра обороны Великобритании Бена Уоллеса³. В феврале 2023 г. в интервью еженедельнику *Le Journal du Dimanche* он заявил, что Франция никогда не выступала и не станет добиваться полного разгрома России, тем более атаковать ее на собственной территории. Макрон напомнил о необходимости возвращения за стол переговоров, так как успех Украины на поле боя невозможен в условиях, когда назовские страны не собирались отправлять свои войска на помощь⁴.

Солидаризуясь с такими подходами, противником дальнейшей накачки Украины тяжелым западным оружием выступил Э. Фад, опасавшийся появления дополнительных затруднений на пути политического урегулирования конфликта на основе баланса интересов. «Для того, чтобы отвоевать Крым или Донбасс, — отмечал он, — „Мардеров“ и „Леопардов“ недостаточно. На востоке Украины, в районе Бахмута, русские однозначно наступают. Весьма вероятно, что в ближайшее время они полностью завоюют Донбасс. Достаточно просто представить себе численное превосходство русских над украинцами. Россия способна поставить под ружье до двух миллионов резервистов с соответствующей техникой. Запад может послать туда 100 „Мардеров“ и 100 „Леопардов“, но они не изменят общей военной ситуации. И при этом самый главный вопрос таков: как можно разрешить подобный конфликт с воинственно настроенной ядерной державой — кстати, самой сильной ядерной державой в мире! — не рискуя начать Третью мировую войну»⁵.

Определенные изменения происходят в настроениях американской военной элиты. Еще в сентябре 2022 г. окрыленный тактическими успехами ВСУ бывший командующий сухопутными войсками США в Европе (2014–2017) Бен Ходжес выражал уверенность в победе Украины в вооруженном конфликте с Россией: «Теперь я считаю вполне реальной возможностью того, что вскрывшиеся слабости Владимира Путина настолько серьезны, что мы можем стать свидетелями начала конца — не только его режима, но и самой Российской Федерации»⁶.

¹ *Леали Дж.* Торговая напряженность по обе стороны Атлантики нарастает, и Франция снова начала играть роль «злого следователя» // Politico, США. 2022. 18 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221018/frantsiya-256932537.html> (дата обращения: 25.02.2023).

² Макрон призвал Путина к переговорам по Украине // РИА Новости. 2022. 12 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221012/peregovory-1823542380.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ *Степанов А.* Британский министр разнес Макрона за отказ от ядерного ответа России // Московский комсомолец. 2022. 14 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/10/14/britanskiy-ministr-raznes-makrona-za-otkaz-ot-yadernogo-otveta-rossii.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Макрон заявил, что Франция никогда не выступала и не будет выступать за разгром России // ТАСС. 2023. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17086583>; Макрон заявил, что Франция никогда не поддержит идею «разгрома» России // РИА Новости. 2023. 19 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230219/makron-1852914254.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Эрих Фад: каковы цели этой войны? URL: <https://inosmi.ru/20321014/fad-445618.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ *Ходжес Б.* Как подготовиться к окончательному развалу всей России // The Telegraph UK, Великобритания. 2022. 16 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220916/gaspad-256143323.html> (дата обращения: 25.02.2023).

Спустя два месяца председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Марк Милли предложил украинцам закрепить успехи, достигнутые на полях сражений, за столом переговоров: «Мы видим, как украинские военные остановили российскую армию. Сейчас невозможно с уверенностью сказать, что нас ждет в будущем, но мы считаем, что есть определенные возможности для дипломатического урегулирования»¹.

Принимая во внимание невозможность победы Украины в войне с Россией, американский политолог Брэндон Вайхерт призывал Запад «попробовать свои силы в настоящей дипломатии». По его мнению, лучшим выходом для США из политического кризиса стало бы признание аннексии Россией Восточной Украины и Крыма. В противном случае он прогнозировал их очередное унижительное поражение на мировой арене и полное вытеснение из Европы, что влекло за собой утрату Украиной своей независимости, раскол Европы, усиление на этой территории влияния России и самые непредсказуемые последствия для НАТО².

Тем временем, втягиваясь в конфликт, западные элиты все сильнее проникались ложной идеей, что конфликт на Украине — это их собственный экзистенциальный выбор, обусловленный жизненно важными интересами. Раскрывая замыслы крайних русофобов, обозреватель агентства Bloomberg Леонид Бершидский указывал, что побежденную Россию собирались лишить права вето в Совете Безопасности ООН и закрыть ей остатки доступа к западной финансовой системе и др.³ Эти настроения усилились после официального включения Москвой в состав РФ 5 октября 2022 г. Донецкой, Луганской, Херсонской и Запорожской областей. Считая их отныне частью своей территории, она заявила, что сочтет любую агрессию против них актом нападения на Россию.

Объясняя тот факт, что война на Украине после 24 февраля 2022 г. стала «экзистенциальным вопросом» не только для России, но и для США, Э. Тодд акцентировал внимание на вероятности подрыва американской системы глобального валютно-финансового контроля по причине устойчивости российской экономики. Иными словами, правящий класс США не мог допустить обнуления своей привилегии «покрывать за счет этой системы свой огромный торговый дефицит. Поэтому противостояние с Россией становится жизненно важным и для Соединенных Штатов. Американцы теперь, как и русские, не могут выйти из конфликта, не могут «дать слабину». Вот почему мы находимся сейчас в долговременной схватке, в конфронтации, результатом которой должен стать крах или одного, или другого»⁴.

Выражая данную тенденцию, генсек НАТО Й. Столтенберг 11 октября 2022 г. заявил о недопустимости победы России, поскольку она означала бы поражение НАТО: «Если Путин победит, это станет не только большим поражением для украинцев. Это станет опасным поражением для всех нас, потому что мир станет намного опаснее»⁵. Ему вторил премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий, за-

¹ *Бейкер П.* Высокопоставленный американский генерал настаивает на дипломатии на Украине, но советники Байдена сопротивляются // The New York Times, США. 2022. 11 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221111/ukraina-257741611.html> (дата обращения: 25.02.2023).

² *Вайхерт Б.* Россия еще не побеждена // American Greatness, США. 2023. 19 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230119/rossiya-259829229.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ *Бершидский Л.* Слишком оптимистическая теория «стратегического поражения России» // Bloomberg, США. 2022. 20 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221020/geopolitika-256996873.html> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ *Девеччио А.* Эммануэль Тодд: «Третья мировая война уже началась».

⁵ Своими заявлениями генсек НАТО подталкивает украинский кризис к краю пропасти // Global Times, Китай. 2022. 13 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20221013/nato-256767636.html> (дата обращения: 25.02.2023).

явивший, что победа России на Украине недопустима, так как она будет означать поражение всей Европы: «Может быть только один исход: либо победит Украина, либо проиграет вся Европа»¹.

Наряду с Польшей наибольшей воинственностью отличались Великобритания, Финляндия и прибалтийские государства. Все они выступали за передачу Киеву все более современных и разрушительных вооружений, полагая, что это обеспечит перелом в ходе боевых действий². Более того, в стремлении не допустить расползания союзников по НАТО, американцы решились на подрыв «северных потоков». Как утверждал журналист-расследователь Сеймур Херш: «...в июне проводились учения, и бомбы были заложены под прикрытием учений НАТО»³, а 26 сентября американские и норвежские специалисты активировали их, совершив теракты на российских экспортных трубопроводах.

Обобщая изложенное, следует признать, что намерения стран НАТО во главе с США, а значит, подоплека их соперничества с Россией в ходе СВО не изменились. Они все еще рассчитывают нанести нашей стране стратегическое поражение и тем самым продлить существование однополярного мира. В оценке ситуации большинство западных аналитиков продолжает игнорировать рациональные суждения сторонников реалистической парадигмы. Исходя из либерально-идеалистических предпосылок, они отрицают нынешнее обострение системного кризиса капитализма в условиях нисходящего тренда глобализации, отвергают объективный характер возобновившегося соперничества великих держав, возрастания роли военно-силового фактора в мировой политике и продолжают уповать на восстановление однополярного мира под эгидой США. Американский президент Джо Байден культивирует миф о том, что международное сообщество осуждает «незаконную российскую агрессию».

На самом деле большинство стран мира в текущей ситуации придерживается нейтральной позиции и не спешит присоединяться к антироссийским санкциям. Китай продолжает оказывать России моральную поддержку, расширяет с ней товарооборот, в том числе в национальных валютах. Недавно он заявил о готовности возглавить процесс политического урегулирования украинского конфликта. Страны планетарного «Юга» проявляют озабоченность обостряющейся в условиях глобального финансового кризиса нехваткой различных ресурсов и безразличие к призывам западных пропагандистов сплотиться вокруг США в противодействии с «авторитарным режимом» на платформе защиты «демократии» и «либеральных ценностей». Важно отметить, что и в странах Запада нарастают антивоенные настроения, главным образом, по причине обостряющихся внутренних трудностей и противоречий, бессилия властей перед продолжающимся наплывом незаконных мигрантов, падения качества жизни, сокращения бюджетных ассигнований на социальные нужды.

Уверовав в слабость России, страны Запада отказываются обсуждать с ней проблемы не расширения НАТО и нейтралитета Украины. Исходя из иррациональных предпосылок, они связывают завершение конфликта с поражением России на по-

¹ Победа России на Украине станет поражением Европы — премьер Польши Моравецкий // EurAsia Daily. 2022. 26 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/11/26/pobeda-rossii-na-ukraine-stanet-porazheniem-evropy-premer-polshi-moraveckiy> (дата обращения: 25.02.2023).

² Бертран Н. «Они поставили нас в безвыходное положение»: о противостоянии Германии и США по вопросу отправки танков на Украину // CNN, США. 2023. 20 января [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230120/tanki-259892138.html> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Журналист Сеймур Херш о своей статье «Как Америка уничтожила „Северный поток“»: эксклюзивное телеинтервью // Democracy Now!, США. 2023. 17 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230217/kherish-260691115.html> (дата обращения: 25.02.2023).

ле боя и победой киевского режима, который добивается изгнания российских войск с «украинской земли» и восстановления территориальной целостности государства в границах 1991 г. Их цель — нанесение России стратегического поражения с далеко идущими последствиями.

Страны НАТО продолжают насыщать Украину все более современным оружием, не допуская при этом мысли о том, что тем самым они способствуют эскалации конфликта и становятся его прямыми участниками. При этом наиболее безответственное поведение демонстрируют Великобритания, Польша, Чехия, а также прибалтийские страны — Эстония, Латвия и Литва, громче других призывающие к полному разгрому России.

Главным спонсором и организатором продолжающейся войны выступают США, которые оплачивают две трети украинских военных расходов. Вместе с тем их поведение отличается осторожностью и определенной ответственностью. Они больше других опасаются неконтролируемой эскалации конфликта, всякий раз подчеркивают свою непричастность к военным действиям, стремятся локализовать их в границах Украины. Расширяя поставку «наиболее эффективных» вооружений применительно к меняющейся динамике противостояния, США полны решимости обеспечить ВСУ преимущества на поле боя и возврат суверенных территорий, «незаконно» захваченных Россией. Пока же Вашингтону, вложившему в «украинский проект» десятки миллиардов долларов, похвастаться особенно нечем: санкционная политика оказалась бесплодной, свыше 1000 крупных западных компаний продолжают работать в России, ВСУ понесли огромные безвозвратные потери и в настоящий момент отступают, американские арбитраж и посредничество в политическом урегулировании ситуации на Украине невозможны по причине вовлеченности Вашингтона в конфликт на стороне Киева.

Несмотря на то, что Россия тоже остерегается наносить удары по территории стран НАТО, конфликт продолжает развиваться по эскалационному сценарию. Война уже вышла за рамки опосредованных отношений РФ и стран НАТО. По мере расширения поставок все более разрушительных вооружений и непосредственной вовлеченности натовцев в противостояние с российскими военными она приобретает полноценный характер с перспективой выхода за границы Украины и применения стратегических вооружений.

Литература

1. *Абашева Е. А., Лыков Э. Н.* Динамика реализации антироссийской политики западноевропейскими государствами на территории украинского государства (на материалах российских информационных агентств и СМИ) // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 11. С. 12–20.
2. *Гарбузарова Е. Г.* Роль Украины в российско-американских отношениях // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2022. № 3 (33). С. 41–53.
3. *Латыпов Р. Ф.* Специальная военная операция на Украине: ситуационный анализ // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 2 (164). С. 134–137.
4. *Некрасов Д. В.* Специальная военная операция на Украине в контексте теории справедливой войны // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 164–166.
5. *Тренин Д.* Специальная военная операция на Украине как переломная точка внешней политики современной России // Россия в глобальной политике. 2022. 30 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/perelomnaya-tochka/>
6. *Цедилина Е. В.* Украинский фронт США // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4 (57). С. 9–21.
7. *Kyzym M. O., Khaustova V. Y., Shlykova V. O.* War in Ukraine: Analysis of the Prerequisites, Lessons of the Infighting, and Conclusions for the Future // Проблемы економіки. 2022. № 2 (52). Р. 47–57.

Об авторах:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

Гуркин Александр Борисович, заведующий кафедрой истории и права Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент; rpgurkin@mail.ru

References

1. Abasheva E. A., Lykov E. N. Dynamics of the implementation of anti-Russian policy by Western European states on the territory of the Ukrainian state (based on the materials of Russian news agencies and mass media) // Society: politics, economics, law [Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo]. 2022. N 11. P. 12–20 (in Rus).
2. Garbuzarova E. G. The role of Ukraine in Russian-American relations // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World [Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir]. 2022. N 3 (33). P. 41–53 (in Rus).
3. Latypov R. F. Special military operation in Ukraine: situational analysis // Economics and Management: Scientific and Practical journal [Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal]. 2022. N 2 (164). P. 134–137 (in Rus).
4. Nekrasov D. V. Special military operation in Ukraine in the context of the theory of just war // Socio-humanitarian knowledge [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya]. 2022. N 5. P. 164–166 (in Rus).
5. Trenin D. Special military operation in Ukraine as a turning point of the foreign policy of modern Russia // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 2022. November 30 [Electronic source] . URL: <https://globalaffairs.ru/articles/perelomnaya-tochka/> (in Rus).
6. Tsedilina E. V. The Ukrainian front of the USA // Russia and the new states of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2022. N 4 (57). P. 9–21 (in Rus).
7. Kyzym M. O., Khaustova V. Yu., Shlykova V. O. The war in Ukraine: analysis of prerequisites, lessons of internecine strife and conclusions for the future // Problems of Economics. 2022. N 2 (52). P. 47–57.

About the authors:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Alexander B. Gurkin, Head of the Chair of History and Law of Saint Petersburg State Institute of Technology (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History, Associate Professor; rpgurkin@mail.ru

Цифровизация и киберриски

Халин В. Г. *, Чернова Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.halin@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Цифровизация, рассматриваемая в широком смысле как современная важнейшая тенденция общественного развития, в общем случае сопровождается не только положительными последствиями для экономики и общества, но и вызовами, угрозами, а также отрицательными последствиями реализации этих угроз. Цифровизация, рассматриваемая в узком смысле как трансформация информации любого вида в ее цифровую форму и предполагающая использование цифровой информации, также может описываться вызовами, угрозами, отрицательными последствиями и рисками. Среди последних существенную роль играют риски нарушения безопасности цифровой информации — киберриски. Так как они могут оказывать негативное влияние на цифровизацию, рассматриваемую как в широком, так и в узком смысле, возникает проблема выделения киберрисков и управления ими в целях снижения возможных потерь и ущерба, обусловленных реализацией этих киберрисков. В статье определены взаимосвязи понятий цифровизация, вызов, угроза, отрицательное последствие и риск; выявлена роль и обоснована высокая значимость кибервызова как требования по обеспечению безопасности цифровой информации; определены факторы влияния на киберриски; предложен вариант построения программы управления киберрисками, реализация которой будет способствовать снижению возможных отрицательных последствий цифровой информации, обусловленных нарушением безопасности цифровой информации.

Ключевые слова: цифровизация в широком смысле, цифровизация в узком смысле, вызов, угроза, отрицательное последствие, риск, информационная безопасность, кибервызов, киберугроза, киберриск, управление киберрисками

Для цитирования: Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 28–41.

Digitalization and Cyber Risks

Vladimir G. Khalin*, Galina V. Chernova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; *v.halin@spbu.ru

ABSTRACT

Digitalization, considered in a broad sense as the most important modern trend of social development, is generally accompanied not only by positive consequences for the economy and society, but also by challenges, threats, as well as negative consequences of the implementation of these threats. Digitalization, considered in a narrow sense as the transformation of information of any kind into its digital form and involving the use of digital information, can also be described by challenges, threats, negative consequences and risks. Among the latter, a significant role is played by the risks of violating the security of digital information — cyber risks. Since they can have a negative impact on digitalization, considered both in a broad and narrow sense, there is a problem of allocating cyber risks and managing them in order to reduce possible losses and damage caused by the implementation of these cyber risks. The article defines the interrelationships of the concepts of digitalization, challenge, threat, negative consequence and risk; identifies the role and justifies the high importance of a cyber call as a requirement to ensure the security of digital information; determines the factors of influence on cyber risks; suggests a variant of building a cyber risk management program, the implementation of which will contribute to reducing the possible negative consequences of digitalization caused by a violation of the security of digital information.

Keywords: digitalization in the broad sense, digitalization in the narrow sense, challenge, threat, negative consequence, risk, information security, cyber challenge, cyber threat, cyber risk, cyber risk management.

For citing: Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and Cyber Risks // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 28–41.

Введение

Как показывает анализ, в настоящее время термин «цифровизация» используется в двух смыслах — узком и широком. Под цифровизацией в узком смысле обычно понимают процесс трансформации любой информации в цифровую форму ее представления. Данное определение делает акцент именно на переводе информации из одной формы ее представления в другую и тех возможностях, которые дает ее цифровое представление.

Однако более точным, по мнению авторов, является понимание цифровизации в узком смысле. Цифровизация в узком смысле есть процесс преобразования и использования информации, включающий только определенные или все из следующих этапов: трансформация информации, представленной в любой форме, в цифровую (в цифру); использование цифровой информации; трансформация цифровой информации в любую другую форму.

Повышенный интерес к цифровой форме представления информации объясняется следующими ее преимуществами. Она предполагает возможности применения разных физических принципов представления, запоминания и передачи информации, в том числе с использованием различных материальных носителей; шифрование и дешифрование; копирование и распространение с сохранением точности; увеличение плотности записи и скорости передачи; сохранение при ее потреблении и т. д. Особые свойства цифровой информации привели к очень большим возможностям повышения эффективности всех сторон экономической и общественной жизни, что в конечном счете спровоцировало вполне обоснованный взрыв интереса к цифровой информации и ее использованию.

Авторское определение понятия цифровизации, понимаемой в узком смысле, отличается тем, что оно охватывает все этапы — появление цифровой информации как результата трансформации информации, первоначально представленной в любой другой форме; использование информации в ее цифровой форме; перевод цифровой информации в другую форму ее представления.

Целью данной статьи является изучение проблем, связанных с возможными негативными воздействиями цифровизации на развитие экономики и общества, а также на деятельность отдельного экономического субъекта. Статья содержит, в частности, уточнение содержания и взаимосвязей таких понятий, как вызов и угроза цифровизации, рассматриваемой как в широком, так и в узком смысле, а также описание возможных отрицательных последствий и рисков, обусловленных этими вызовами и угрозами. Отдельно выделен анализ и описание киберрисков как рисков нарушения безопасности цифровой информации, и предложен вариант управления ими на основе соответствующих программ.

В данной статье выдвигается следующая гипотеза: возможность отрицательных последствий цифровизации может быть в конечном итоге описана через риски, поэтому задача повышения эффективности воздействия цифровизации на развитие экономики и общества предполагает обязательность выявления таких рисков и управления ими в целях снижения или нивелирования возможных отрицательных последствий. Одним из наиболее значимых рисков, связанных с трансформацией инфор-

мации в цифровую форму и с использованием цифровой информации, является киберриск — риск, обусловленный невыполнением требований по обеспечению безопасности цифровой информации. Поэтому управление киберрисками, направленное на снижение потерь, связанных с их реализацией, будет способствовать повышению эффективного воздействия цифровизации на деятельность любого экономического субъекта.

Соотношение понятий «цифровизация как тренд общественного развития» и «цифровизация как процесс трансформации информации в цифровую форму и использования цифровой информации»

Так как информация все больше и больше становится важнейшим ресурсом для всех сторон общественной и экономической сторон жизни, то степень охвата ею важнейших сторон жизни характеризует процесс перерастания цифровизации, рассматриваемой в узком смысле, в цифровизацию, рассматриваемую в широком смысле. В настоящее время уже можно говорить о тех сторонах общественной и экономической жизни, степень проникновения в которые конкретного и эффективного преобразования любой информации в цифровую, имеющую особенности и большие преимущества, позволяет описывать цифровизацию как современный тренд всего общественного развития.

К числу сторон общественной и экономической жизни, которые, по признанию мирового сообщества, должны быть охвачены процессами цифровизации, для того чтобы она (цифровизация) рассматривалась как важнейшая тенденция общественного развития, можно отнести, например, те, которые были предложены Европейской комиссией и вошли в расчет Индекса цифровизации экономики и общества DESI (Digital Economy and Society Index)¹, используемого для оценки степени охвата цифровизацией стран Евросоюза.

Этот Индекс как итоговый рассчитывается по методике Евросоюза на основе значений следующих пяти вербальных параметров, характеризующих определенную сторону общественной жизни и определяемых на основе 31 конкретного показателя²: Connectivity — связь, обеспечивающая доступность цифровой информации для ее пользователей; Human Capital / Digital skills — навыки населения по использованию возможностей, предлагаемых цифровым сообществом; Use of Internet by citizens — использование интернета гражданами в обычной жизни; Integration of Digital Technology by businesses — интеграция цифровых технологий в бизнес; Digital Public Services — параметр, описывающий степень проникновения цифровизации, в первую очередь, в социальную сферу.

Для оценки влияния цифровизации на общественную и экономическую жизнь разных стран могут использоваться и другие значимые для развития этих стран направления воздействия цифровизации, оцениваемые, например, посредством применения следующих индексов: Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (The ICT Development Index)³, Индекс развития электронного правительства (The

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (дата обращения: 18.03.2023).

² См.: Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63.

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/IDI/default.aspx> (дата обращения: 18.03.2023).

E-government Development Index)¹, Индекс сетевой готовности NRI (Networked Readiness Index)², Глобальный индекс кибербезопасности (The Global Cybersecurity Index)³, Глобальный индекс конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index)⁴, Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index)⁵, Индекс социального прогресса (The Social Progress Index)⁶.

Влияние цифровизации может оцениваться не только на уровне отдельных стран, но и для их групп, в том числе для целей построения рейтинга стран по уровню этого влияния. Естественно, что задача оценки влияния цифровизации возникает и внутри стран. Примером является использование разработанного Центром финансовых инноваций и безличной экономики Московской школы управления СКОЛКОВО Индекса «Цифровая Россия», рассчитанного впервые по итогам 2018 г. по 85 субъектам РФ⁷.

Вызовы, угрозы, последствия и риски цифровизации

В настоящее время в научной литературе вопросам воздействия цифровизации на развитие общества уделяется достаточное внимание⁸. При этом авторы обращают внимание не только на положительный эффект воздействия цифровизации на общественное развитие, но и на те отрицательные последствия, которые также возможны⁹.

¹ [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинг_электронного_правительства_ООН_\(EGDI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинг_электронного_правительства_ООН_(EGDI)) (дата обращения: 18.03.2023).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://networkreadinessindex.org> (дата обращения: 18.03.2023).

³ [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/images/8/84/Global_Cybersecurity_Index_2020.pdf (дата обращения: 18.03.2023).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index> (дата обращения: 18.03.2023).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 18.03.2023).

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socialprogress.org/> (дата обращения: 18.03.2023).

⁷ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/indexs-cifrovaya-rossiya/> и https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436d13-c75c-46cf-9e78-89375a6b4918/SKOLKOVO_Digital_Russia_Application01_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 18.03.2023).

⁸ См., например: *Хамитжанов Д. В.* Проблемы цифровизации экономики в современных условиях [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/381/84217/>; *Бродач М. М.* Цифровизация и внедрение умных технологий в России [Электронный ресурс]. URL: http://zvt.abok.ru/upload/pdf_articles/777.pdf; *Головчин М. А.* Влияние интернет-активности на жизнь в эпоху цифровизации общества и экономики: на данных регионального исследования [Электронный ресурс]. URL: http://apel.ieml.ru/storage/archive_articles/9920.pdf; *Белоусов Ю. В.* Методология определения цифровой экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41853553>; *Гончаренко Л. П.* Цифровизация национальной экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1644>; *Гатилова И. Н.* Тенденции и перспективы развития цифровой экономики России на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42572423> (дата обращения: 18.03.2023).

⁹ См., например: *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски [Электронный ресурс]. URL: <https://www.acjournal.ru/jour/article/view/943>; *Гретченко А. И., Горохова И. В., Марцелова Т. А.* Цифровая экономика: вызовы и перспективы для развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://mining--cryptocurrency-ru.turbopages.org/mining-cryptocurrency.ru/s/cifrovaya-ehkonomika>; *Козаев И. С.* К теории цифровой экономики: выгоды и риски [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37657920>; [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42676077>; [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1679551406&tld=ru&lang=ru&name=doclad_spch.pdf&text=Вызовы%20и%20угрозы%20цифровизации&url=https%3A%2F%2Fd-russia.ru/ (дата обращения: 18.03.2023).

Вызовы и угрозы цифровизации, рассматриваемой как тренд общественного развития (цифровизация, рассматриваемая в широком смысле)

Динамичность и сила разностороннего воздействия цифровизации на все стороны жизни обуславливает актуальность и необходимость более тщательного изучения проблем возможного как положительного, так и негативного воздействия цифровизации на развитие общества. Цифровизация, рассматриваемая в широком смысле как мощный тренд современного развития экономики и общества, помимо того, что является фактором положительного воздействия на многие стороны жизни, в то же время, выставляет обществу определенные вызовы — те требования, которые должны быть выполнены для того чтобы цифровизация действительно стала трендом эффективного развития экономики и повышения качества жизни.

В тех случаях, когда эти требования (вызовы) не выполняются, общество сталкивается с угрозами, которые для него могут сопровождаться различными отрицательными последствиями. Примером вызова цифровизации и отвечающей ему угрозы является вызов (требование) цифровизации о необходимости борьбы с мошенничеством, обусловленным возможностями цифровизации. Этому вызову, если эффективная борьба с мошенничеством все же отсутствует или недостаточна, отвечает, например, угроза цифрового мошенничества, которая, к сожалению, может привести к самым разным отрицательным последствиям и, в том числе, к потере финансовых средств как хозяйствующих субъектов, так и граждан. И только опережающее развитие цифровых технологий по предотвращению разных проявлений цифрового мошенничества может снизить его возможные отрицательные последствия.

Любой вызов цифровизации формулируют те требования, соблюдение которых обеспечит положительный вектор воздействия цифровизации на определенные стороны жизни. Так, например, выполнение требований цифровизации по созданию соответствующей цифровизации нормативной базы и по подготовке квалифицированных в области цифровизации кадров будет способствовать положительному воздействию цифровизации на развитие экономики и общества. В то же время, невыполнение этих требований означает возникновение угроз для экономики и общества, которые могут сопровождаться теми или иными отрицательными последствиями. Каждое из возможных отрицательных последствий может быть описано через риск — возможность появления отрицательного последствия цифровизации, связанную с возможной реализацией угрозы, обусловленной невыполнением соответствующего вызова цифровизации, рассматриваемой в широком смысле. Риск может быть описан параметрами «размер возможного отрицательного результата» и «вероятность наступления отрицательного результата»¹.

Так, обусловленное цифровизацией такое положительное воздействие на развитие общества, как расширение спектра и индивидуализация цифровых услуг, объявляет обществу вызов о необходимости контроля в области цифровых сервисов. Этот вызов несет в себе и угрозу — недостаточный контроль или его снижение в области цифровых сервисов могут сопровождаться такими отрицательными последствиями, как искажение информации, ее уничтожение и т. д. Эти возможные отрицательные последствия, обусловленные угрозой снижения контроля, могут быть описаны совокупностью соответствующих рисков — риск искажения информации, риск уничтожения информации и т. д.

Представление возможных отрицательных последствий реализации той или иной угрозы, обусловленной определенным вызовом цифровизации, в виде рисков с па-

¹ См.: *Халин В. Г., Чернова Г. В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски.

раметрами «размер возможного ущерба» и «вероятность его наступления», использование в отношении этих рисков определенных методов управления ими позволяют сформировать целостную программу управления такими рисками, направленную на нивелирование или снижение отрицательных последствий, связанных с определенными угрозами цифровизации.

Ниже представлена схема взаимосвязи понятий, отражающих возможные отрицательные последствия цифровизации, которые (последствия) обусловлены невыполнением требований (вызовов), позволяющих рассматривать цифровизацию как тренд эффективного развития экономики и общества:

Цифровизация (как тенденция общественного развития) => **вызов цифровизации** (как одно из требований, которые необходимо выполнить для того, чтобы цифровизация действительно стала трендом эффективного развития экономики и повышения качества жизни) => **угроза** (как возможность появления отрицательных последствий, обусловленных невыполнением требований соответствующего вызова) => **отрицательное последствие** (как возможный вариант реализации угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова) => **риск** (как описание возможного отрицательного последствия, связанного с реализацией угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова).

Вызовы и угрозы цифровизации, рассматриваемой как процесс преобразования и использования цифровой информации (цифровизация, рассматриваемая в узком смысле)

Вопросы использования любой информации, в том числе вопросы ее трансформации в цифровую форму, и проблемы использования цифровой информации становятся особенно важными ввиду того, что сама информация становится все более значимым ресурсом. Именно поэтому, в целях выявления возможных отрицательных последствий, связанных с использованием информации, необходимо также выявление всех вызовов, угроз и возможных отрицательных последствий.

Проблема выявления вызовов, угроз и возможных отрицательных последствий особенно актуальна для информации, вовлеченной в процессы ее трансформации в цифровую форму, и самой цифровой информации. Это объясняется, прежде всего, масштабами этих процессов и появлением новых факторов, влияющих именно на процесс трансформации информации и на саму цифровую информацию. К числу таких факторов, например, могут быть отнесены возможности влияния на информацию используемых материальных преобразователей информации, а также доступность цифровой информации.

Для того чтобы любая информация качественно удовлетворяла потребности в ее использовании, она должна быть своевременной, достоверной (с определенной вероятностью), достаточной, надежной (с определенной степенью риска), в правовом отношении корректной, адресной и актуальной. Дополнительно цифровая информация должна обладать следующими свойствами: ее организация обеспечивает комплектность системы информации, перспективу многократного использования, высокую скорость ее сбора, обработки и передачи, а также возможность кодирования.

Для того чтобы названные свойства информации любого вида, и в том числе цифровой информации, выполнялись, обязательным является соблюдение соответствующих требований — информационных вызовов (рис.).

В числе основных вызовов, связанных с любой информацией, — обязательность разработки и соблюдения положений нормативно-правовой базы, регулирующей взаимоотношения всех субъектов, связанных с информацией. Первая редакция Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите

Рис. Схема возможных вызовов любой цифровой информации

Fig. Scheme of possible calls of any and digital information

информации» (№ 149-ФЗ), была принята 27.07.2006. Последующие поправки к этому базовому закону, оформленные в виде целой серии дополнительных Федеральных законов¹, относятся не только к улучшению первоначальной редакции закона, связанной с использованием любой информации, но и к вопросам, связанным с созданием и использованием цифровой информации.

Необходимо отметить, что для цифровой информации, помимо общих информационных вызовов, могут быть определены специфические. Так, среди возможных вызовов, выдвигаемых трансформацией информации в цифровую форму и применением цифровой информации, можно выделить, например, требования об обязательности создания нормативной и законодательной базы, регулирующей вопросы взаимодействия различных экономических субъектов и отдельных граждан по поводу применения цифровой информации, требования о подготовленности специалистов и граждан к использованию цифровой информации, требования о создании материальной базы, обеспечивающей доступ к цифровой информации и т. д. (рисунок). Однако, по мнению специалистов, среди возможных вызовов, выдвигаемых трансформацией любой информации в цифровую форму и применением самой цифровой информации, особое место занимает вызов цифровизации, рассматриваемой в узком смысле, выделенный в научной и практической литературе как «кибервызов», который предполагает обязательность обеспечения безопасности цифровой информации².

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=442123>; [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/ru/standards.html> (дата обращения: 18.03.2023).

² См., например: Полякова Т. А. Информационная безопасность через призму национального проекта «цифровая экономика»: правовые проблемы и векторы решений [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38203006> (дата обращения: 18.03.2023).

Информационная безопасность представляет собою практику предотвращения несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения информации¹. В общем случае обеспечение информационной безопасности можно рассматривать на трех уровнях — всего общества, национальном и на уровне различных субъектов экономики².

Важность кибербезопасности любого уровня признается обществом в том числе через разработку и определение значений глобального индекса кибербезопасности The Global Cybersecurity Index, который разрабатывается Международным союзом электросвязи и характеризует уровень кибербезопасности в стране³. Для его расчета используются данные о развитии правовых, технических и организационных мер в области кибербезопасности, наличии государственных образовательных и научных институтов, партнерств, механизмов сотрудничества и систем обмена информацией, способствующих наращиванию потенциала в сфере информационной безопасности.

Для уровня отдельного экономического субъекта вызов безопасности цифровой информации (кибервызов) обозначает группу тех требований⁴, которые должны быть соблюдены для того чтобы информации не был нанесен ущерб, и чтобы она оставалась достоверной и доступной в той мере, как это предусмотрено ее обладателями. Соблюдение этих требований обеспечивается действиями, направленными на предотвращение несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения информации⁵. Невыполнение выделенной группы требований несет в себе киберугрозу, которая может сопровождаться самыми разными отрицательными последствиями нарушения информационной безопасности.

Киберугроза, обусловленная цифровизацией как способом перевода информации в цифровую форму и методами работы с цифровой информацией, представляет собою совокупность факторов и условий, создающих опасность нарушения безопасности цифровой информации не только в компьютерах, глобальной сети Интернет, но и во всех других объектах и средах, использующих цифровые технологии. Как неопределенная возможность нарушения безопасности цифровой информации, киберугроза может быть представлена различными отрицательными последствиями, к числу которых могут быть отнесены несанкционированный доступ к цифровой информации, ее кража, уничтожение и т. д.

Ввиду неопределенности реализации самой киберугрозы, каждое из возможных отрицательных последствий может быть описано через киберриск — неопределенную возможность нарушения безопасности цифровой информации, связанную с реализацией киберугрозы, обусловленной невыполнением требований кибервызова об обеспечении ее безопасности. Киберриск представляет собою описание возможного отрицательного последствия нарушения безопасности цифровой информации (отрицательного последствия цифровизации, рассматриваемой в узком смысле), свя-

¹ [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Информационная_безопасность:~:text=Информационная%20безопасность%20—%20практика%20предотвращения,применяется%20вне%20зависимости%20от%20формы:(дата обращения: 18.03.2023).

² В статье проблемы информационной безопасности рассматриваются на уровне отдельного экономического субъекта.

³ Global Cybersecurity Index 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx> (дата обращения: 18.03.2023).

⁴ Другие вызовы, связанные с трансформацией информации в цифровую форму и с использованием цифровой информации, например связанные с созданием соответствующего нормативного сопровождения, будут включать другие требования.

⁵ [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/220102979_Information_security_culture_From_analysis_to_change (дата обращения: 18.03.2023).

занного с реализацией киберугрозы, обусловленной невыполнением требований кибервызова. Он может быть представлен параметрами «размер возможного отрицательного последствия» и «вероятность наступления отрицательного последствия»¹.

Ниже схематично представлена взаимосвязь понятий и терминов, используемых для отражения возможного отрицательного воздействия цифровизации, рассматриваемой в узком смысле, обусловленного нарушением безопасности именно цифровой информации:

Цифровизация (как процесс трансформации информации в цифровую форму и использования цифровой информации) => **кибервызов** (как группа требований, которые необходимо выполнить для того чтобы цифровизация обеспечивала безопасность цифровой информации) => **киберугроза** (как возможность появления отрицательных последствий, обусловленных невыполнением требований кибервызова об обеспечении безопасности цифровой информации) => **отрицательное последствие** (как возможный вариант реализации киберугрозы, обусловленной невыполнением требований кибервызова об обеспечении безопасности цифровой информации) => **киберриск** (как параметр описания возможного отрицательного последствия, связанного с реализацией киберугрозы, обусловленной невыполнением требований кибервызова об обеспечении безопасности цифровой информации).

Цифровизация в широком смысле предусматривает обязательное использование цифровой информации. Поэтому кибервызов о безопасности цифровой информации (для цифровизации, рассматриваемой в узком смысле) можно рассматривать и как вызов цифровизации, рассматриваемой в широком смысле. Последнее, а также место и роль информации как важнейшего современного ресурса обуславливают высокую значимость кибервызова — вызова об обеспечении безопасности цифровой информации.

Среди различных факторов и условий появления киберугрозы, т.е. факторов, создающих опасность нарушения безопасности цифровой информации, необходимо выделить те, которые сами являются порождением цифровизации и поэтому требуют особого контроля. К их числу можно отнести вирусы, черви, троянские программы, программы-шпионы, фишинг, руткиты, шифровальщики, программы-майнеры, ботнеты, hoax, спам, деер fake (подделка голоса и/или лица), программы для организации DoS и DDoS-атак, хакерские утилиты, конструкторы вирусов и т.д. Для любого компьютера наличие программ-шпионов, являющихся порождением цифровизации, также является фактором киберугрозы, т.е. фактором, создающим опасность нарушения безопасности цифровой информации.

Киберриски деятельности отдельного экономического субъекта

Киберриски — риски нарушения безопасности цифровой информации — могут появиться на любом уровне использования цифровой информации, в том числе на уровне отдельного экономического субъекта. Они связаны с определенными отрицательными последствиями возможной реализации киберугрозы, которая, в свою очередь, обусловлена невыполнением требований кибервызова об обеспечении безопасности цифровой информации.

Примерами киберрисков являются риски: несанкционированного доступа; кражи данных; изменения/подмены данных; утраты/уничтожения данных; временной потери доступа к данным и/или объекту (блокировки); вывода из строя объекта; нарушения корректного функционирования объекта (преднамеренное/не преднамерен-

¹ Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски.

ное) и т. д. Примерами киберрисков, обусловленных влиянием самой цифровизации, могут быть риски, обусловленные внесением или проникновением в компьютеры, серверы, сети и т. д., используемые человеком, отдельной организацией, отраслью или государством, различных вирусов, шпионских программ и т. д., которые сами являются продуктом цифровизации; хакерскими атаками и т. д.

На появление киберрисков в рамках отдельного экономического субъекта влияние оказывают две группы факторов — факторы, обусловленные непосредственным воздействием цифровизации как совокупности процессов трансформации информации в цифру и работы с цифровой информацией, и факторы, обусловленные спецификой деятельности отдельного предприятия. В свою очередь, факторы киберугроз, обусловленные спецификой всей деятельности отдельной организации, условно также могут быть разделены на две группы:

- внешние факторы, влияющие на деятельность отдельной организации, например, фактор использования цифровой информации, к которой имеют доступ и другие экономические субъекты, например, недобросовестно использующие ее;
- внутренние факторы, например, связанные с реализацией определенных направлений деятельности отдельной организации.

Возможности проявления на уровне отдельного экономического субъекта киберрисков, с одной стороны, а также рисков, обусловленных спецификой реализации деятельности экономического субъекта, с другой стороны, актуализируют вопрос соотношения этих групп рисков и значимости их влияния на результаты деятельности субъекта. Ниже представлены выводы, полученные авторами, на основе анализа результатов опроса, проведенного среди предприятий производственного комплекса, совместно с «Microsoft» — мировым лидером в области информационных технологий, поставляющим широкий диапазон устройств и сервисов, программного обеспечения и ИТ-услуг, и «Marsh & McLennan Companies» — американской сервисной компанией, оказывающей профессиональные услуги в области управления рисками, страхования и перестрахования¹.

Опрос прежде всего был направлен на выяснение понимания, значимости и места киберрисков среди других рисков производственных организаций. Изучение результатов этого опроса, а также современного освещения этих проблем в научной и практической литературе показало следующее: киберриск как самостоятельный признало более 70% предприятий, участвующих в опросе, при этом осознание значимости этого риска резко возросло за 2017–2019 гг.; примерно 80% опрошенных киберриск ввели в число первых, самых значимых для предприятий рисков, а 22% опрошенных поставили его на первое место; уверенность организаций в обеспечении киберустойчивости и в возможности управлять киберрисками все время снижается.

К числу причин нарушения безопасности цифровой информации, обусловленных спецификой деятельности организации, можно отнести следующие:

- недостаточно серьезное отношение к самой проблеме киберрисков, прежде всего со стороны руководства компаний;
- недостаточная прозрачность деятельности организаций на всех технологических этапах по обработке данных;
- усиленное внимание к другим возможным рискам, а не к киберрису, обусловленным спецификой деятельности компании, например, к риску неопределенности экономической ситуации, разрыва цепочки поставок и т. д.;
- недостаточное внимание к киберрису, который для определенного экономического субъекта может быть самым значимым среди других;

¹ [Электронный ресурс]. URL: 2019 Global Cyber Risk Perception Survey <https://www.marshmclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2020/february/marsh-microsoft-2019-global-cyber-risk-perception-survey-manufacturing-report.pdf> (дата обращения: 18.03.2023).

- непонимание того, что киберриски могут быть связаны не только с отдельным направлением деятельности организации, также они могут определяться зависимостью бизнес-процессов, протекающих внутри организации;
- непонимание ситуации возникновения и влияния киберрисков на общие результаты деятельности организации в зависимости от фактора «закрытости организации». Если компания работает самостоятельно и технологически не зависит от других, то это ее киберриск. Включение же организации в цепочку технологически взаимосвязанных других экономических субъектов означает вовлечение в свою деятельность киберрисков других экономических субъектов, вовлеченных в общую технологическую цепь;
- недопонимание необходимости проведения не только технических и профилактических мероприятий по снижению киберрисков, но и экономических мероприятий, в частности, использования киберстрахования, а также мер по привлечению внешних ресурсов для управления киберрисками;
- недопонимание важности инвестиций в технологии кибербезопасности и обучение персонала, и инноваций, направленных на предотвращение реализации киберрисков, их профилактику и снижение ущерба при их реализации;
- отсутствие или несовершенство методов и методик оценки киберрисков, в первую очередь, методов количественной оценки киберрисков;
- неготовность к использованию новых цифровых технологий (облачные вычисления, цифровые продукты, подключенные устройства, интернет вещей и т. д.), а также технологий материального производства, наделенных цифровыми преимуществами;
- недооценка фактора встраивания новых технологий в бизнес-инфраструктуру, каким-то образом связанных с цифровой информацией;
- недооценка важности обучения персонала и, в первую очередь, менеджеров высшего звена, работе с цифровой информацией и пониманию проблем реализации киберрисков;
- дискретный, а не непрерывный контроль за киберрисками;
- излишнее доверие организаций к поставщикам новых технологий, оборудования, продуктов и т. д. в отношении возможных сопутствующих киберрисков;
- неспособность управления киберрисками и т. д.

Управление киберрисками

Как показывает проведенный анализ, в компаниях, уже пытающихся управлять киберрисками, уверенность в положительном эффекте такого управления отсутствует. Зачастую, выбирая новую технологию или инновацию, предприниматели не особо обращают внимание на то, как эти новшества связаны с киберрисками. В большинстве случаев киберриски рассматриваются как технологическая проблема, а не как важнейший фактор формирования конечных результатов бизнеса. Хотя в понимании руководства небольших компаний и организаций киберриски все еще отодвигаются на второй план по сравнению с технологическими рисками, тем не менее, в крупных компаниях возрастает осознание опасности киберрисков. Большие надежды по борьбе с киберрисками предприниматели связывают с обязательностью выполнения требований государственного регулирования отношений по цифровизации, в том числе с необходимостью соблюдения отраслевых стандартов, а также с применением такой формы финансовой защиты от киберрисков, как киберстрахование.

Снижению размера возможных отрицательных последствий, описываемых киберрисками, должно способствовать целенаправленное управление ими, принимающее во внимание целый ряд факторов. Ввиду специфики деятельности различных

экономических субъектов при управлении киберрисками возникает проблема учета влияния этой специфики на сам перечень киберрисков и на методы управления ими.

Не весь перечень возможных киберрисков может присутствовать в организациях, занимающихся одинаковыми видами деятельности, но имеющих отличающиеся приоритетные направления осуществления этой деятельности, или вообще занимающиеся разными видами деятельности. Так, даже для двух организаций промышленного производства одинаковой продукции, приоритетные направления деятельности могут отличаться между собой. Одна из них в настоящее время занимается встраиванием в процессы производства новых цифровых технологий, и поэтому для нее актуальными становятся киберриски, связанные с решением этой задачи. А для другой организации, также занимающейся выпуском аналогичной продукции, актуальными становятся киберриски освоения новой маркетинговой стратегии.

Выделение двух групп факторов киберугрозы — обусловленных спецификой сфер внедрения цифровизации, в том числе спецификой деятельности отдельного экономического субъекта, и самой цифровизацией как процессом создания и использования цифровой информации, обуславливает два уровня управления киберрисками: опосредованное управление киберрисками — через такое управление определенными областями и сферами цифровизации, которое способствует снижению киберрисков; непосредственное управление киберрисками, как рисками, угрожающими безопасности цифровой информации.

Вариантами реализации опосредованного управления киберрисками могут быть:

- государственное и отраслевое регулирование деятельности компаний по управлению киберрисками. Примером эффективного регулирования процессами управления киберрисками являются стандарты, разработанные в National Institute of Standards and Technology (NIST) — американском национальном институте стандартизации [1; 2; 3], и в International Organization for Standardization (ISO) — международной организации, занимающейся выпуском стандартов¹;
- пересмотр инвестиционной стратегии любой фирмы в сторону учета значимости киберрисков;
- применение количественных методов измерения киберрисков — вероятности их реализации и размеров возможного ущерба;
- разработка программ управления киберрисками, направленных на снижение вероятности реализации киберрисков и на снижение размера возможного ущерба;
- обучение персонала правильному управлению киберрисками на базе изучения содержания разработанных программ управления киберрисками;
- учет при определении количественной оценки возможного ущерба от реализации киберрисков не только технологического ущерба, но и экономических потерь, связанных с ними;
- применение киберстрахования и т. д.

Условием эффективного управления киберрисками на уровне отдельного экономического субъекта прежде всего является осознание значимости киберрисков, и не только как технологических рисков, но, в первую очередь, как важнейших экономических рисков для самого бизнеса. Управление киберрисками на уровне отдельного экономического субъекта предполагает:

- изучение бизнес-процессов деятельности этого экономического субъекта и их связей как источников возникновения киберрисков и основы взаимосвязей групп рисков, связанных с отдельными бизнес-процессами;

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securityvision.ru/blog/upravlenie-riskami-informatsionnoy-bezopasnosti-chast-7-standart-iso-iec-27005-2018-prodolzhenie-sta/> (дата обращения: 18.03.2023).

- выбор методов оценки киберрисков, в первую очередь количественных, а также методов управления всеми выявленными киберрисками (по всем бизнес-процессам) с выделением необходимых для этого ресурсов, исполнителей и сроков выполнения;
- разработку инструментов по восстановлению нормальной работы экономического субъекта после реализации киберрисков, с определением размера возможного ущерба и поиском необходимых ресурсов, с указанием исполнителей и сроков.

В рамках профилактики управление киберрисками должно охватывать вопросы выбора мер защиты от киберрисков — будет ли экономический субъект оставлять эти риски на собственной ответственности, избегать их, передавать риски. При этом, естественно, принятие решения будет предполагать оценку соотношения затрат, связанных с внедрением мер защиты от киберриска, с одной стороны, и возможных потерь, сопровождающих реализацию киберрисков, с другой стороны. Важными также являются вопросы выделения редких, но разрушительных киберрисков, ранжирования киберрисков, определения временного интервала действия того или иного принятого решения по киберрискам и т. д.

Дополнительно управление киберрисками должно учитывать влияние таких факторов, как модернизация имеющихся и появление новых бизнес-процессов компании; освоение новых и модернизация старых технологий; наличие технологически связанных цепочек разных экономических субъектов. Отдельного внимания в проблеме управления киберрисками заслуживают вопросы инвестиций в технологии кибербезопасности; измерения эффективности разных вариантов инвестиций по снижению киберрисков в целях выбора наилучшего из них; сопоставления эффективности инвестиций по снижению киберрисков с эффективностью инвестиций по снижению других видов рисков; отбора конкретных технологий кибербезопасности, направленных на снижение возможностей реализации киберугрозы, т. е. направленных против несанкционированного доступа к информации, ее кражи, уничтожения данных и т. д.

Выводы

Помимо положительного воздействия на развитие общества цифровизация может оказывать на него и отрицательное влияние. Именно поэтому актуальным является изучение вопросов, связанных с ее возможным негативным влиянием на развитие экономики и общества. К числу полученных методологических результатов можно отнести уточнение содержания терминов, применяемых для отражения возможного отрицательного воздействия цифровизации, рассматриваемой в широком смысле:

- под вызовом цифровизации понимается то требование, которое необходимо выполнить для того, чтобы цифровизация действительно стала трендом эффективного развития экономики и повышения качества жизни;
- под угрозой цифровизации понимается возможность появления отрицательных последствий, обусловленных невыполнением требований соответствующего вызова;
- под отрицательным последствием цифровизации понимается вариант реализации угрозы, обусловленной невыполнением требований вызова;
- под риском цифровизации понимается параметр описания возможного отрицательного последствия, связанного с реализацией угрозы, обусловленной невыполнением требований какого-либо вызова цифровизации.

Все вызовы, угрозы, последствия и риски цифровизации условно можно разделить на две группы — те, которые обусловлены влиянием цифровизации, рас-

смаатриваемой как тренд общественного развития, на ту или иную сферу деятельности человека, в том числе на деятельность отдельного экономического субъекта, и те, которые связаны с рассмотрением цифровизации в узком смысле — как процесса трансформации информации любой формы ее представления в цифровую и использования цифровой информации.

Аналогичный подход к уточнению и связям понятий цифровизации, используемой в узком смысле, в статье представлен в отношении кибервызова — важнейшего требования к обеспечению безопасности цифровой информации. В частности, выделена следующая цепочка связей между названным кибервызовом и отвечающими ему киберрисками:

Цифровизация => кибервызов => киберугроза => отрицательное последствие киберугрозы => киберриск.

Цифровизация, рассматриваемая в узком и широком смыслах, связана с цифровой формой представления информации, поэтому киберриски, реализация которых может привести к нарушению безопасности цифровой информации, являются очень значимыми с позиций их влияния на результаты деятельности любого экономического субъекта. Это определяет необходимость выявления причин нарушения информационно-безопасности, в том числе причин нарушения безопасности цифровой информации, определения факторов киберугроз, возможных отрицательных последствий и киберрисков, описывающих их.

В целях снижения возможных отрицательных последствий цифровизации, обусловленных нарушением безопасности цифровой информации, необходимо такое управление киберрисками, которое будет способствовать снижению возможного отрицательного воздействия цифровизации, т.е. будет отвечать усилению ее положительного эффекта, что и подтверждает выдвинутую в статье гипотезу.

Литература/ References

1. *NIST Interagency or Internal Report 7298 : Glossary of Key Information Security Terms / Richard L. Kissel, ed., Computer Security Division, Information Technology Laboratory. Rev. 2. Gaithersburg, MD, USA : National Institute of Standards and Technology, 2013. 222 p.*
2. *NIST Special Publication 800-14 : Generally Accepted Principles and Practices for Securing Information Technology Systems. Gaithersburg, MD, USA : National Institute of Standards and Technology, 1996. 61 p.*
3. *NIST Special Publication 800-160 : Systems Security Engineering: Considerations for a Multidisciplinary Approach in the Engineering of Trustworthy Secure Systems. Gaithersburg, MD, USA: National Institute of Standards and Technology, 2016. Vol. 1. 260 p.*

Об авторах:

Халин Владимир Георгиевич, профессор кафедры информационных систем в экономике Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; v.halin@spbu.ru

Чернова Галина Васильевна, профессор кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; g.chernova@spbu.ru

About the authors:

Vladimir G. Khalin, Professor of the Chair of Information Systems in Economics of Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; v.halin@spbu.ru

Galina V. Chernova, Professor of the Chair of Risk management and Insurance of Saint-Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; g.chernova@spbu.ru

Макрорегиональный анализ углеродоемкости экономики

Ильясов Р. Х.¹, Плотников В. А.^{1, 2, *}

¹ Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Российская Федерация; ilyasov_95@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; plotnikov_2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Достижение Целей устойчивого развития, сформулированных ООН, является одним из приоритетов современной экономической политики. В то же время, при ее реализации следует учитывать макрорегиональную специфику. Без такого рода учета, из-за возникающих дисбалансов, устойчивость развития обеспечить не удастся. Одной из составляющих устойчивого развития является декарбонизация экономики. **Цель исследования:** макрорегиональный анализ взаимного воздействия объемов потребления энергии, выбросов углекислого газа и тенденций экономического роста. В условиях, когда обеспечение устойчивого экономического роста является важной задачей экономической политики, повышение энергоэффективности оказывается ключевым фактором снижения углеродной эмиссии. **Методы исследования:** анализ динамики, анализ структуры, методы сравнительного анализа и обобщения. В статье изучаются в динамике количественные изменения углеродоемкости ВВП на примере двух стран с крупнейшими экономиками — США и Китая. Анализ показал, что макрорегиональным экономическим системам с высоким уровнем технологического развития удается интенсивнее снижать выбросы углекислого газа, обеспечивая при этом экономический рост.

Ключевые слова: макрорегиональный анализ, экономический рост, углеродоемкость ВВП, декарбонизация экономики

Для цитирования: Ильясов Р. Х., Плотников В. А. Макрорегиональный анализ углеродоемкости экономики // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 42–52.

Macro-Regional Analysis of the Carbon Intensity of the Economy

Ruslan Kh. Ilyasov¹, Vladimir A. Plotnikov^{1, 2, *}

¹ Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation; ilyasov_95@mail.ru

² Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; plotnikov_2000@mail.ru

ABSTRACT

Achieving the Sustainable Development Goals formulated by the UN is one of the priorities of modern economic policy. At the same time, its implementation should take into account the macro-regional specifics. Without this kind of accounting, due to the emerging imbalances, it will not be possible to ensure the sustainability of development. One of the components of sustainable development is the decarbonization of the economy. The purpose of the study: macro-regional analysis of the mutual impact of energy consumption, carbon dioxide emissions and economic growth trends. At a time when ensuring sustainable economic growth is an important task of economic policy, improving energy efficiency turns out to be a key factor in reducing carbon emissions. Research methods: dynamics analysis, structure analysis, methods of comparative analysis and generalization. The article studies the dynamics of changes in the carbon intensity of GDP on the example of two countries with the largest economies — the United States and China. The analysis showed that macro-regions with a high level of technological development manage to reduce carbon dioxide emissions more intensively, while ensuring economic growth.

Keywords: macro-regional analysis, economic growth, carbon intensity of GDP, decarbonization of the economy

Введение

Забота об экологии и в целом ориентация на Цели устойчивого развития, сформулированные ООН, требует пересмотра подходов к ведению экономической деятельности [2; 7; 10], что нашло отражение в реализации политики перехода к модели зеленой экономики [1; 14]. Одним из направлений реализации указанной модели является принятие мер по снижению углеродоемкости экономики [8; 9]. Подобные меры предпринимаются в различных странах мира, не является исключением и Россия, где распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р утверждена и реализуется «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года».

Безусловно, принятие такого рода мер требует не только существенных институциональных изменений и трансформации национальной экономической модели, но и дополнительных исследований, учитывающих не только общесистемные тенденции, но и макрорегиональную специфику. В частности, в последние годы предпринимаются попытки углубленного изучения взаимосвязи между выбросами парниковых газов (в частности — углекислого газа) и экономическим ростом. Обзор многочисленных исследований, проводимых на материалах различных стран, регионов и отраслей, приводит, на первый взгляд, к противоречивым выводам.

С одной стороны, утверждается, что экономический рост является основным фактором увеличения выбросов углекислого газа в атмосферу в развивающихся странах. В этой связи усилия по достижению углеродной нейтральности, предпринимаемые властями, воспринимаются как сдерживающий экономическое развитие фактор. Многие страны, прежде всего — развивающиеся, не готовы к сокращению углеродосодержащих выбросов за счет ограничения потребления энергии, необходимой для экономического роста при недостаточном уровне энергоэффективности.

С другой стороны, некоторые исследования выявляют интересный факт, состоящий в том, что для технологически развитых стран характерна слабая корреляция между динамикой выбросов углекислого газа и показателями экономического развития [16]. Это связано с тем, что высокий уровень развития позволяет им внедрять в производство более экологичные технологии, добиваться большей энергоэффективности.

В то же время развитые страны прошли длительный путь экономического и технологического развития (развивающиеся страны находятся только в начале этого пути). Поэтому их накопленная эмиссия значительна. Именно развитые страны воспринимаются ответственными за значительную долю углеродного загрязнения атмосферы на протяжении многих лет их экономического роста [12; 13].

В связи с изложенным анализ воздействия тенденций экономического роста на декарбонизацию актуален, и проводится этот анализ должен в макрорегиональном разрезе, так как наблюдаются пространственные особенности во взаимодействии процессов углеродной эмиссии и экономического развития. В этой связи в нашем исследовании будет рассмотрена углеродоемкость производства ВВП в развивающихся и развитых экономиках на примере Китая и США.

Материалы и методы

По данным ВР [11], в 2021 г. Китай был источником более 30% выбросов углекислого газа в общемировом итоге, а следом за ним шли США, на долю которых

приходилось более 13% углеродной эмиссии. Анализ данных о выбросах в Китае и США обнаруживает два типа зависимостей от тенденций экономического роста (табл. 1). В Китае на фоне экономического роста увеличиваются и объемы эмиссии, но с некоторым замедлением [17]. Динамика эмиссии в США отличается от Китая, демонстрируя незначительное снижение при сохранении устойчивого роста экономики.

Экономический рост большинства стран мира обеспечивается увеличением потребления энергии, а энергетика, в свою очередь, является основным источником углеродной эмиссии. Быстрый рост производства, как известно, наблюдается в Китае, ВВП которого в 2021 г. удалось увеличить по отношению к 2010 г. более чем на 120% (табл. 2). Это привело к увеличению и углеродной эмиссии: прирост выбросов за соответствующий интервал времени составил около 30%.

Некоторым странам, например США, удается поддерживать высокие темпы экономического роста за счет повышения энергоэффективности и увеличения в структуре потребления источников энергии с меньшей эмиссией. Объемы производства ВВП в США также показывали рост, увеличившись в 2021 г. по сравнению с 2010 г. на 50%. При этом объемы выбросов углекислого газа от энергетики в США в 2021 г. относительно 2010 г. снизились на 10,4%.

Анализ корреляции между динамикой производства ВВП и выбросов углекислого газа в Китае и США выявляет интересные макрорегиональные различия между двумя крупнейшими экономиками мира. В Китае объемы выбросов очень тесно коррелируют с объемами производства ВВП: коэффициент корреляции между показателями составил 0,970. Тесную прямую зависимость эмиссии от показателей экономического роста в Китае можно объяснить недостаточной энергоэффективностью производства в развивающихся странах. Также следует учитывать и заметное преобладание в энергетическом балансе стран с развивающейся экономикой невозобновляемых источников энергии.

Построенная модель регрессии (рис. 1) показывает, что в Китае увеличение объемов производства ВВП на 1 долл. приводит в среднем к увеличению выбросов на 0,133 кг CO₂ ежегодно:

Таблица 1

Углеродная эмиссия от энергетики, млн тонн эквивалента углекислого газа

Table 1. Carbon emissions from energy, million tons of carbon dioxide equivalent

Страна	2010	...	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	9294,4	...	10 547,9	10 531,6	10 767,0	11 056,4	11 311,1	11 461,2	12 039,8
США	5815,4	...	5561,8	5435,8	5394,0	5593,6	5489,6	4883,7	5167,9
Мир	35254,3	...	37 516,8	37 727,1	38 194,6	39 104,0	39 152,8	36 963,7	38 976,6

Составлено: Ильясовым Р.Х. по данным British Petroleum [11].

Таблица 2

ВВП в текущих ценах (по паритету покупательной способности; млрд международных долларов)

Table 2. GDP at current prices (by purchasing power parity; billion international dollars)

Страна	2010	...	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	12 283,0	...	18 701,7	19 814,1	21 657,0	23 356,2	24 168,0	27 206,1
США	15 049,0	...	18 695,1	19 479,6	20 527,2	21 372,6	20 893,8	22 996,1
Мир	90 151,3	...	116 168,5	122 351,5	129 709,0	135 641,4	132 936,1	146 607,9

Составлено: Ильясовым Р.Х. по данным МВФ.

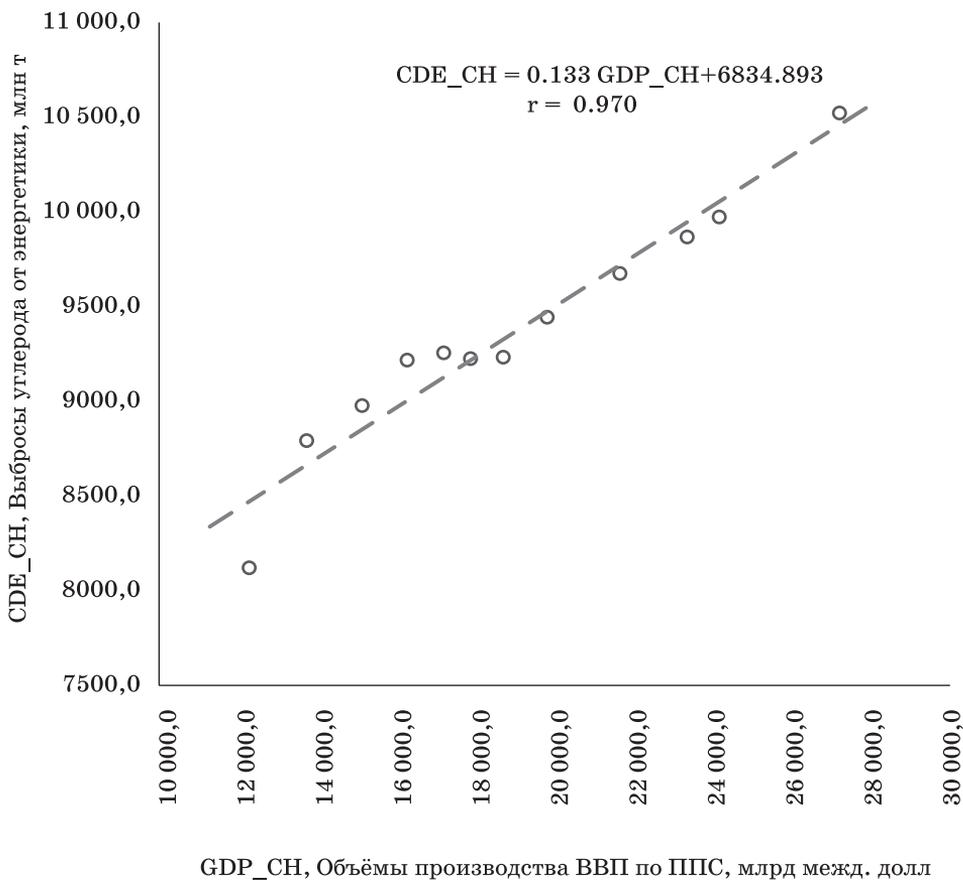

Рис. 1. Взаимосвязь между объемами выбросов углекислого газа энергетическим сектором и производством ВВП (по паритету покупательной способности) в Китае

Fig. 1. Relationship between carbon dioxide emissions from the energy sector and GDP production (at purchasing power parity) in China

$$CDE_{CH} = 0.133 GDP_{CH} + 6834.893, \quad (1)$$

где GDP_{CH} — объемы производств ВВП в Китае; CDE_{CH} — объемы выбросов углекислого газа в Китае.

Интересным является тот факт (см. рис. 2), что объемы производства ВВП и выбросов углекислого газа в США коррелируют отрицательно ($r = -0,791$). Несмотря на тесную отрицательную корреляцию, не следует интерпретировать взаимосвязь таким образом, что увеличение объемов производства ВВП является фактором снижения эмиссии в США. Корректным следует считать объяснение, что США удается снижать выбросы, обеспечивая при этом экономический рост. Технологическое развитие позволяет США снизить зависимость выбросов углекислого газа от экономического роста повышением энергоэффективности, использованием экологически чистых технологий в производстве и для бытовых нужд.

Параметры линейной регрессии показывают, что в США при увеличении объемов производства ВВП на 1 долл. удается в среднем снижать выбросы на 0,09 кг CO_2 ежегодно:

$$CDE_US = -0.090 * GDP_US + 6749.927, \quad (2)$$

где GDP_US — объемы производства ВВП в США; CDE_US — объемы выбросов углекислого газа в США.

Результаты и обсуждение

Модели регрессии (1) и (2) выявили заметные различия между воздействием объемов производства ВВП на динамику выбросов углекислого газа в различных макрорегионах (расчеты проведены на примере США и Китая). Регрессионные модели, демонстрируя только обобщенные или усредненные внутри исследуемого интервала времени реакции, не показывают последовательные изменения в корреляции процессов. Надо учитывать, что зависимости между процессами не являются статичными, они непрерывно меняются с течением времени.

Важно при этом не только оценить тесноту и направление связи между процессами, но и в динамике наблюдать изменения в параметрах связи [4; 5]. Динамические изменения во взаимосвязи между объемами выбросов углекислого газа и производства ВВП можно увидеть в динамике углеродоемкости ВВП, которая рассчитывается как объем выбросов CO_2 , приходящийся на единицу произведенного ВВП. Соответствующие данные приведены на рис. 3.

Наблюдая в динамике абсолютных показателей заметный рост эмиссии в Китае, трудно выявить позитивные изменения, очевидные, например, для США. Особен-

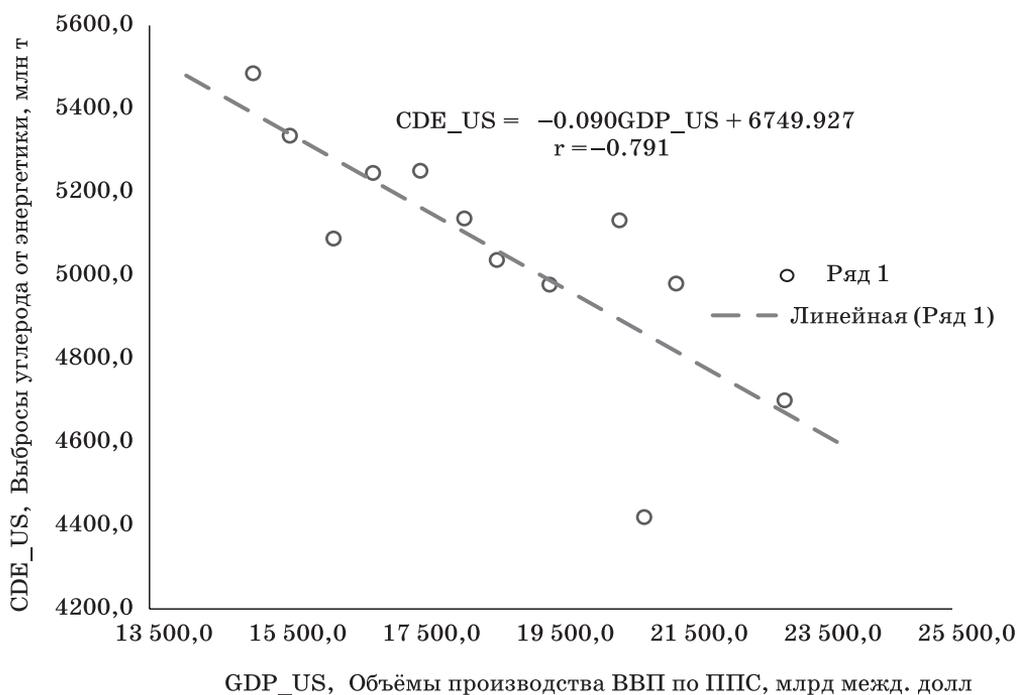

Рис. 2. Взаимосвязь между объемами выбросов углекислого газа энергетическим сектором и производством ВВП в США

Fig. 2. Relationship between carbon dioxide emissions from the energy sector and GDP production in the United States

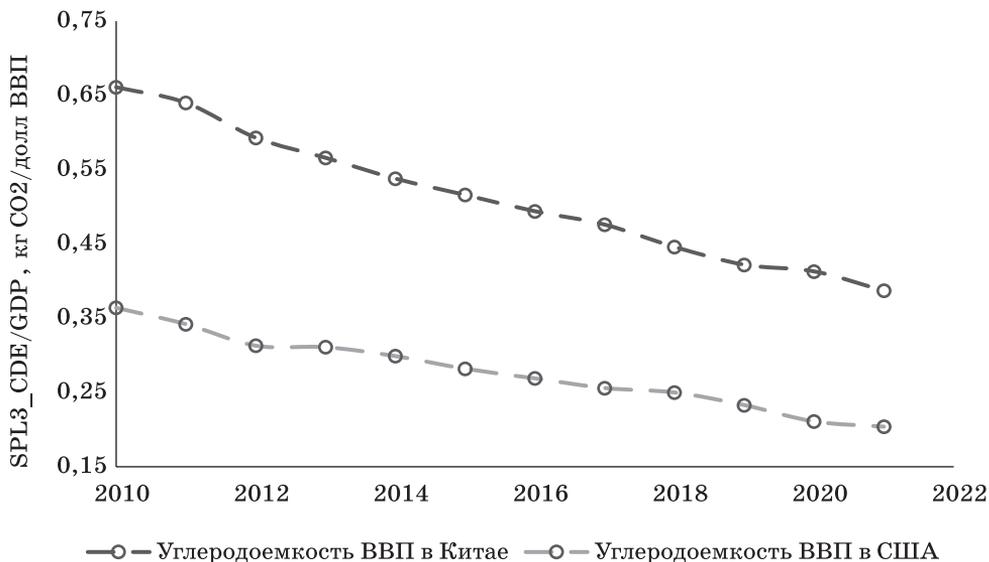

Рис. 3. Динамика углеродоемкости ВВП в США и Китае
 Fig. 3. Dynamics of carbon intensity of GDP in the USA and China

ностью динамики производства ВВП в Китае является устойчивость роста, который даже в условиях глобальных экономических кризисов реагировал лишь замедлениями. В то же время продолжается в Китае и рост абсолютных объемов выбросов углекислого газа, но с меньшей по сравнению с динамикой производства ВВП скоростью. На фоне доминирующих тенденций роста изменения, связанные с ослаблением взаимной корреляции между абсолютными объемами эмиссии и производства ВВП, остаются «латентными» [3].

В динамике углеродоемкости обнаруживаются позитивные изменения, демонстрирующие уменьшение объемов выбросов в расчете на каждый доллар ВВП не только в США, но и в Китае. Оставаясь по сравнению с США на более высоком уровне, углеродоемкость производства ВВП в Китае с 2010 г. демонстрирует заметное снижение. Так, в 2010 г. объемы эмиссии от энергетики на каждый доллар произведенного ВВП (по паритету покупательной способности) в Китае составляли 0,661 кг, что превышало углеродоемкость производства ВВП в США в том же году в 1,816 раз.

В течение наблюдаемого периода времени углеродоемкость снижалась как в Китае, так и в США. Так, в 2021 г. относительно 2010 г. углеродоемкость производства ВВП в США снизилась на 0,160 кг или на 44%. За аналогичный период времени углеродоемкость производства ВВП в Китае снизилась на 0,274 кг или на 41%. Тем не менее углеродоемкость производства ВВП в Китае и в 2021 г. остается высокой, превышая в 1,897 раз углеродоемкость производства ВВП в США (табл. 3). То есть разрыв между этими странами в углеродоемкости сохраняется примерно одинаковым на всем наблюдаемом интервале времени.

Китай и США, являясь странами с наибольшими объемами производства ВВП в мире, занимают и значительную долю в мировом потреблении первичной энергии — 15,6 в США и 26,5% в Китае от мирового потребления в 2021 г. Интересна при этом структура потребления первичной энергии по видам энергии. Доли «свободной» от выбросов углекислого газа энергии (атомная энергетика, энергия гидроэлектростанций и возобновляемых источников) в США и Китае различаются незначительно — 18,6% и 17,3%.

Динамика углеродоемкости ВВП в Китае и США
Table 3. Dynamics of carbon intensity of GDP in China and the USA

Страна	2010	...	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	0,661	...	0,516	0,494	0,476	0,446	0,422	0,413	0,387
США	0,364	...	0,282	0,269	0,256	0,250	0,233	0,211	0,204

При этом существенные различия существуют в долях потребления углеводородных энергоресурсов (нефти, природного газа и угля). Экономику Китая отличает существенное преобладание доли угля в структуре потребления первичной энергии — около 50% в 2021 г. В США на долю угля приходится всего лишь 11,4% в структуре потребления первичной энергии (рис. 4).

Сохранение окружающей среды может быть достигнуто снижением углеродоемкости производства ВВП — сокращением в энергетическом балансе и промышленной переработке углеводородных энергоресурсов в пользу возобновляемых источников. В структуре потребления Китая сохраняется большая доля угля, что служит источником значительной по объему углеродной эмиссии. Изменение структуры потребления первичной энергии в пользу более «чистых» с экологической точки зрения источников требует перехода от традиционных к новейшим энергоэффективным и экологически чистым технологиям производства [6].

Повышение энергоэффективности позволит развивающимся странам значительно сократить потребление энергии, достигая при решении проблемы декарбонизации производства снижения стоимости производства и роста производительности. В целом технологическое развитие должно дать синергетический эффект

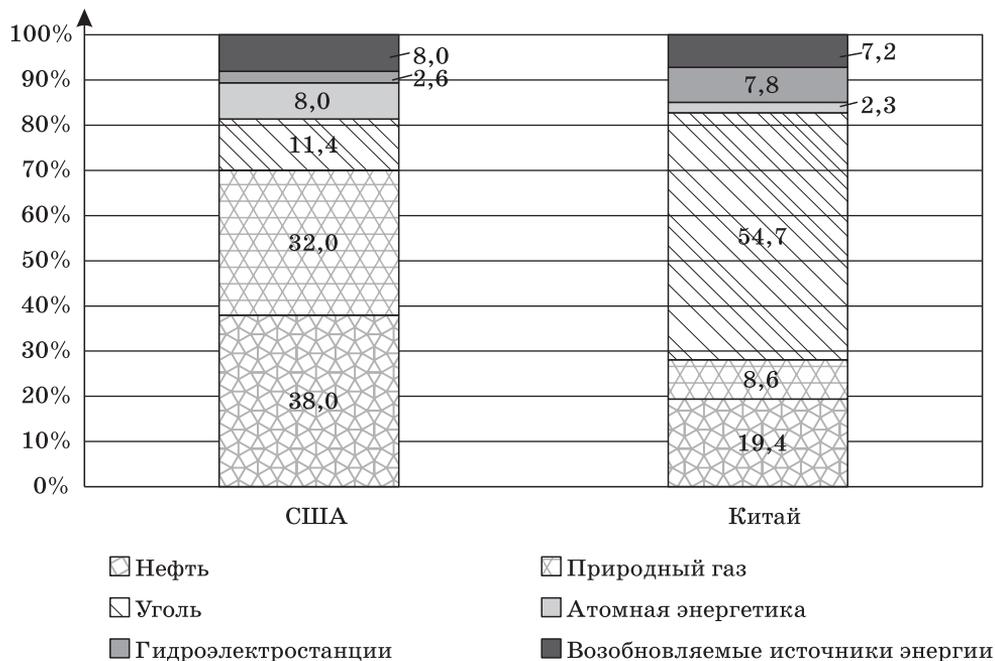

Рис. 4. Структура потребления первичной энергии в США и Китае в 2021 г., %
Fig. 4. Structure of primary energy consumption in the USA and China in 2021, %

в достижении экономических целей развивающимися странами, нивелируя неблагоприятные воздействия экономического роста на окружающую среду, что лежит в русле достижения Целей устойчивого развития ООН [15].

Если рассматривать ситуацию в различных макрорегионах в динамике (рис. 5), то можно отметить, что США и Китаю удалось увеличить долю возобновляемых источников энергии. Абсолютный прирост в 2021 г. относительно 2010 г. превысил 6% в обеих странах. В структуре потребления первичной энергии произошло небольшое увеличение доли нефти (на 0,81 и 1,71% соответственно), а доля природного газа в обеих рассматриваемых странах увеличилась на 5%.

Наиболее заметные изменения произошли в потреблении угля — оно снизилось на 11% в США и на 15% в Китае. Несмотря на заметное уменьшение, доля угля в потреблении первичной энергии в Китае осталась очень высокой — 54,7% в 2021 г. Позитивные, хотя и незначительные, изменения в Китае произошли в доле энергии, генерируемой гидроэлектростанциями. В США доля энергии, вырабатываемой гидроэлектростанциями, а также атомными электростанциями осталась без заметных изменений. Доля энергии, генерируемой атомными электростанциями в Китае, увеличилась на 1,65%.

Заключение

Анализ показывает, что в различных макрорегионах мира ситуация с достижением Целей устойчивого развития складывается неодинаковая. В частности, Китай и США являются странами с наибольшими объемами производства ВВП, оставаясь при

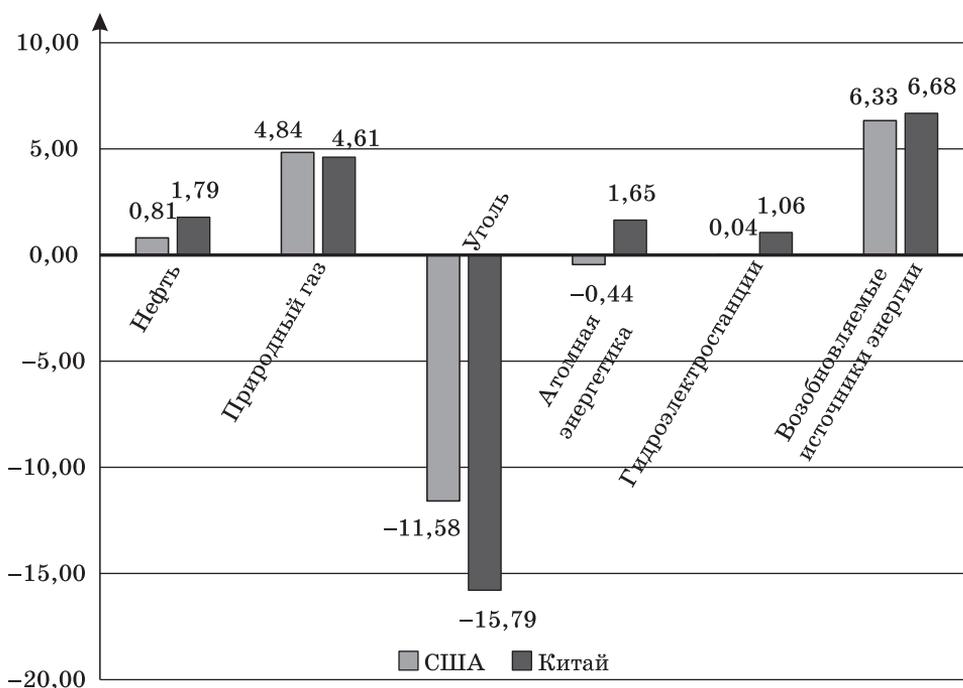

Рис. 5. Изменения в структуре потребления первичной энергии в США и Китае в 2021 г. относительно 2010 г., %

Fig. 5. Changes in the structure of primary energy consumption in the USA and China in 2021 relative to 2010, %

этом и крупнейшими в мире источниками выбросов углекислого газа. В настоящее время обе страны прилагают усилия по декарбонизации экономического роста — это можно увидеть в положительной динамике углеродоемкости ВВП двух стран. При этом США как стране с более развитыми технологиями удалось достичь заметно больших результатов в достижении углеродной нейтральности.

Трудности Китая в достижении сопоставимых с США результатов по снижению углеродоемкости производства ВВП связаны со структурой потребления энергии. В настоящее время, несмотря на положительные тенденции, в энергетике преобладает использование угля, на сжигание которого приходится около половины выбросов в стране. Преобладание в запасах первичных энергоресурсов Китая каменного угля будет, по-видимому, и дальше влиять на структуру потребления первичной энергии. Китаю необходимы существенные усилия по интеграции возобновляемых источников энергии, реформе рынка энергоресурсов для декарбонизации экономического роста.

Расчеты показали сохранение положительной связи между динамикой выбросов углекислого газа и экономическим ростом в странах с развивающейся экономикой. В США — стране с развитой экономикой — удалось снизить углеродоемкость производства ВВП до такого уровня, который позволяет обеспечивать экономический рост и при снижении эмиссии.

Остается дискуссионным вопрос, связанный с применением многосторонних соглашений по климату, требующих от стран сокращения только их территориальных выбросов углекислого газа. Достигая позитивных результатов по снижению выбросов, физически происходящих в пределах национальных границ, эти соглашения упускают из виду взаимосвязи между выбросами углекислого газа и уровнем экономического развития. Таким образом, рассмотренные нами вопросы требуют дальнейшего исследования.

Литература

1. Боркова Е. А. Методические аспекты политики стимулирования инноваций для устойчивого развития и зеленого роста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 3 (123). С. 65–70.
2. Вертакова Ю. В., Евченко А. В., Щербаков Д. Б. Зеленая экономика и устойчивое развитие: на пути к «экологизации» государственной социально-экономической политики в условиях институциональной трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 24–36.
3. Ильясов Р. Х. «Латентные» корреляции потоков в экономике: сплайн-анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 35–41.
4. Ильясов Р. Х. Сплайн-анализ «тонкой» структуры взаимозависимости экспортных цен на природный газ и нефть // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2008. № 6 (68). С. 348–352.
5. Ильясов Р. Х. Сплайн-анализ корреляции потоков // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19. № 1 (496). С. 173–187.
6. Ильясов Р. Х., Плотников В. А. Тенденции выбросов углерода в регионах мира: сплайн-анализ // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию создания экономического факультета. Грозный, 2022. С. 277–283.
7. Коростышевская Е. М., Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Социальная компонента государственной региональной политики и ее роль в обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6 (114). С. 120–126.
8. Крутилина А. Д., Проворная И. В. Зависимость углеродоемкости экономик стран мира от экологических факторов // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. Т. 2. № 4. С. 74–79.

9. Пакина А. А., Тульская Н. И. Оценка углеродоемкости экономики Татарстана в целях управления природопользованием // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2021. № 2. С. 110–115.
10. Халил М. Р. А. Приоритеты государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 176–182.
11. BP Statistical Review of World Energy 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения: 13.05.2023).
12. Furuoka F. The CO2 emissions–development nexus revisited // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2015. Vol. 51. P. 1256–1275.
13. Omri A., Kahouli B. Causal relationships between energy consumption, foreign direct investment and economic growth: fresh evidence from dynamic simultaneous-equations models // Energy Policy. 2014. Vol. 67. P. 913–922.
14. Vertakova Yu., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Economic Annals-XXI. 2017. Vol. 166. № 7-8. P. 4–10.
15. Waheed R., Chang D., Sarwar S., Chen W. Forest, agriculture, renewable energy, and CO2 emission // Journal of Cleaner Production. 2018. Vol. 172. P. 4231–4238.
16. Waheed R., Sarwar S., Wei C. The survey of economic growth, energy consumption and carbon emission // Energy Reports. 2019. Vol. 5. P. 1103–1115.
17. Zhao X., Zhang X., Li N., Shao S., Geng Y. Decoupling economic growth from carbon dioxide emissions in China: a sectoral factor decomposition analysis // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 142. P. 3500–3516.

Об авторах:

Ильясов Руслан Хизраилевич, Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Российская Федерация, заведующий кафедрой учета, анализа и аудита в цифровой экономике, доктор экономических наук, доцент; Ilyasov_95@mail.ru

Плотников Владимир Александрович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли; Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова (Грозный, Российская Федерация), профессор кафедры учета, анализа и аудита в цифровой экономике, доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Borkova E. A. Methodological aspects of the policy of stimulating innovation for sustainable development and green growth // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2020. N 3 (123). P. 65–70 (in Rus).
2. Vertakova Yu. V., Evchenko A. V., Shcherbakov D. B. Green economy and sustainable development: on the way to “ecologization” of state socio-economic policy in conditions of institutional transformation // Proceedings Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2020. Vol. 10. N 5. P. 24–36 (in Rus).
3. Ilyasov R. H. “Latent” correlations of flows in economics: spline analysis // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2021. N 1 (127). P. 35–41 (in Rus).
4. Ilyasov R. H. Spline analysis of the “thin” structure of the interdependence of export prices for natural gas and oil // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences [Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki]. 2008. N 6 (68). P. 348–352 (in Rus).
5. Ilyasov R. H. Spline analysis of flow correlation // Economic analysis: theory and practice [Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika]. 2020. Vol. 19. N 1 (496). P. 173–187 (in Rus).
6. Ilyasov R. H., Plotnikov V. A. Trends in carbon emissions in the regions of the world: spline analysis // Socio-economic and financial aspects of the development of the Russian Federation

- and its regions in modern conditions. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the establishment of the Faculty of Economics. Grozny, 2022. P. 277–283 (in Rus).
7. Korostyshevskaya E. M., Plotnikov V. A., Prolubnikov A. V., Rukinov M. V. Social component of state regional policy and its role in ensuring sustainable development and economic security // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. N 6 (114). P. 120–126 (in Rus).
 8. Krutilina A. D., Nimble I. V. Dependence of the carbon intensity of the economies of the world on environmental factors // Interexpo Geo-Siberia [Interekspo Geo-Sibir']. 2022. Vol. 2. N 4. P. 74–79 (in Rus).
 9. Pakina A. A., Tulskeya N. I. Assessment of the carbon intensity of the economy of Tatarstan for the purpose of environmental management // Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya]. 2021. N 2. P. 110–115 (in Rus).
 10. Khalil M. R. A. Priorities of the state policy of regulation of sustainable development and stimulation of the green economy // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2020. N 1 (121). P. 176–182 (in Rus).
 11. BP Statistical Review of World Energy 2022 [Electronic source]. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed: 13.05.2023).
 12. Furuoka F. The CO₂ emissions–development nexus revisited // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2015. Vol. 51. P. 1256–1275.
 13. Omri A., Kahouli B. Causal relationships between energy consumption, foreign direct investment and economic growth: fresh evidence from dynamic simultaneous-equations models // Energy Policy. 2014. Vol. 67. P. 913–922.
 14. Vertakova Yu., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Economic Annals-XXI. 2017. Vol. 166. N 7–8. P. 4–10.
 15. Waheed R., Chang D., Sarwar S., Chen W. Forest, agriculture, renewable energy, and CO₂ emission // Journal of Cleaner Production. 2018. Vol. 172. P. 4231–4238.
 16. Waheed R., Sarwar S., Wei C. The survey of economic growth, energy consumption and carbon emission // Energy Reports. 2019. Vol. 5. P. 1103–1115.
 17. Zhao X., Zhang X., Li N., Shao S., Geng Y. Decoupling economic growth from carbon dioxide emissions in China: a sectoral factor decomposition analysis // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 142. P. 3500–3516.

About the authors:

Ruslan Kh. Ilyasov, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in Digital Economy, Doctor of Economics, Associate Professor; Ilyasov_95@mail.ru

Vladimir A. Plotnikov, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought; A. A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Digital Economy, Doctor of Economics, Professor; plotnikov_2000@mail.ru

ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки*

Куклина Е. А.^{*}, Дементьев К. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность темы статьи обусловлена ролью и значимостью результатов процессов ESG-трансформации и цифровой трансформации (ESdiGital-трансформации) отраслей минерально-сырьевого комплекса России. Особую актуальность это приобретает для компаний нефтегазового сектора, который является одним из триггеров развития промышленного потенциала России. **Целью** исследования является изучение рисков и оценка достигнутых результатов ESdiGital-трансформации нефтегазовых компаний в современных условиях их функционирования. **Задачи** исследования: выявить риски ресурсного проекта, в том числе риски разработки нефтегазовых месторождений арктического шельфа; определить факторы генерации ESG-рисков и предложить их группировку; классифицировать факторы формирования ESdiGital-рисков на микроуровне; предложить методический подход к оценке и выполнить оценку ESdiGital-трансформации ключевых компаний нефтегазового сектора России. **Методологическая основа** исследования: системный подход, логический анализ, синтез. **Методы исследования:** эмпирический метод рейтинговой оценки, обобщенная функция желательности Харрингтона, контент-анализ открытых источников информации. **Полученные результаты:** для оценки результатов ESdiGital-трансформации российских нефтегазовых компаний России целесообразно использовать интегральный показатель ESdiGital-трансформации; для оценки ESG-уровня компании рассчитывается индекс ESG-трансформации, позволяющий определить существующий потенциал реализации «зеленой» повестки; уровень ESG-трансформации компании определяется на основе использования рейтинговых показателей RAEX Europe и обобщенной функции желательности Е. К. Харрингтона; для оценки уровня Digital-трансформации целесообразно использование индекса применения цифровых технологий. **Основные выводы:** ESdiGital-риски обусловлены применением цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта, позволяющих снизить неопределенность и риск осуществления бизнес-процессов, а также необходимостью реализации «зеленой» повестки; факторы формирования ESdiGital-рисков компании представлены тремя группами факторов (экономические, технологические, организационные); из нефтегазовых компаний, входящих в топ-30 рейтинга RAEX Europe ESG, самый высокий уровень ESdiGital-трансформации имеет компания ПАО «ЛУКОЙЛ», которая достигла также наиболее высокого уровня ESG-трансформации (60,7%).

Ключевые слова: устойчивое развитие, нефтегазовый сектор, ESdiGital-трансформация, ESG, цифровые технологии, рейтинг, риск, оценка, индекс

Для цитирования: Куклина Е. А., Дементьев К. И. ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 53–71.

ESdiGital-Transformation of Russian Oil and Gas Companies: Risks and Assessments

Evgenia A. Kuklina^{*}, Kirill I. Dementiev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *jeakuklina@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ «ESG- и цифровая трансформация предприятий нефтегазового сектора как инструменты модернизации экономики современной России», номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112800082-7 от 28.11.2022.

ABSTRACT

The relevance of the topic of the article is due to the role and significance of the results of the processes of ESG-transformation and digital transformation (ESdiGital-transformation) of the sectors of the mineral resource complex of Russia. This is of particular relevance for companies in the oil and gas sector, which is one of the triggers for the development of Russia's industrial potential. The purpose of the study is to study the risks and evaluate the achieved results of the ESdiGital transformation of oil and gas companies in the current conditions of their functioning. Research objectives: to identify the risks of a resource project, including the risks of developing oil and gas fields on the Arctic shelf; identify ESG risk generation factors and propose their grouping; to classify the factors of formation of ESdiGital risks at the micro level; propose a methodical approach to the assessment and perform an assessment of the ESdiGital transformation of key companies in the Russian oil and gas sector. Methodological basis of the research: a systematic approach, logical analysis, synthesis. Research methods: empirical rating method, Harrington's generalized desirability function, content analysis of open sources of information. Results obtained: to evaluate the results of the ESdiGital transformation of Russian oil and gas companies in Russia, it is advisable to use the integral indicator of the ESdiGital transformation; to assess the company's ESG level, the ESG transformation index is calculated, which allows to determine the existing potential for the implementation of the "green" agenda; the level of the company's ESG transformation is determined based on the use of RAEX Europe rating indicators and the generalized desirability function of E. K. Harrington; to assess the level of digital transformation, it is advisable to use the index of the use of digital technologies. Main conclusions: ESdiGital risks are caused by the use of digital technologies and artificial intelligence tools that reduce the uncertainty and risk of business processes, as well as the need to implement the "green" agenda; the factors that form the company's ESdiGital risks are represented by three groups of factors (economic, technological, organizational); Of the oil and gas companies in the top 30 of the RAEX Europe ESG rating, PJSC LUKOIL has the highest level of ESdiGital transformation, which also achieved the highest level of ESG transformation (60,7%).

Keywords: sustainable development, oil and gas sector, ESdiGital-transformation, ESG, digital technologies, rating, risk, assessment, index

For citing: Kuklina E. A., Dementiev K. I. ESdiGital-transformation of Russian oil and gas companies: risks and estimates // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 53–71.

Введение

Актуальность исследования. Нефтегазовые компании, как и все субъекты недропользования, объективно осуществляют свою деятельность в условиях повышенной неопределенности, вследствие чего их инвестиционная и операционная деятельность подвержена многочисленным рискам. Такие категории как «риск» и «неопределенность» всегда имели решающее значение в принятии управленческих решений в отношении поисковых и геологоразведочных работ, являлись обоснованием для подготовки заключений о возможных инвестициях в проекты освоения минерально-сырьевых ресурсов, но сейчас система рисков недропользователей «приросла» их новыми видами.

В условиях Информационной эры, когда к управлению бизнес-процессами предъявляются особые требования, на смену прежним бизнес-моделям приходят новые, реагирующие в реальном времени на поведение потребителей, формализованное в виде данных.

В совокупности с необходимостью соответствовать критериям устойчивого развития и ESG-принципам, открываются окна для формирования новых рисков, обусловленных реализацией ESG-повестки и реалиями цифровой трансформации. Это ESdiGital-риски, которыми необходимо управлять с целью снижения негативных последствий воздействия этих двух актуальных трансформационных трендов на результаты процесса недропользования.

Целью исследования является изучение рисков нефтегазовых компаний России в современных условиях их функционирования и оценка достигнутых результатов ESdIGital-трансформации.

Задачи исследования: определить риски ресурсного проекта по стадиям его жизненного цикла, в том числе специфические риски разработки нефтегазовых месторождений арктического шельфа; выявить факторы генерации ESG-рисков и предложить их группировку; классифицировать факторы формирования ESdIGital-рисков на микроуровне; предложить методический подход к оценке и выполнить оценку ESdIGital-трансформации ключевых компаний нефтегазового сектора.

Материалы и методы

Теоретической и методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные как общим проблемам природопользования, так и недропользования, в частности. В качестве методической основы исследования использовался системный подход, логический анализ, синтез. Полученные результаты основаны на применении эмпирического метода рейтинговой оценки, обобщенной функции желательности Харрингтона, контент-анализе открытых источников информации. Информационную базу составили данные Росстата, результаты академических исследований, посвященные проблемам развития нефтегазового комплекса России, актуальным трансформационным трендам и тенденциям развития российской экономики и др.

Результаты

Качество достигнутого экономического роста и возможность устойчивого развития экономических систем в будущем в современных условиях их функционирования во многом определяются природными факторами, которые формируют естественные конкурентные преимущества. Природный капитал является важнейшим элементом национального богатства, рассматриваемое в современном мире как показатель мощи государства. В структуре природного капитала отдельно выделяется минерально-сырьевой капитал (богатство недр), представляющий собой стоимостную оценку невозобновляемых природных ресурсов — полезных ископаемых.

В экономической теории полезные ископаемые относятся к одному из трех классических факторов производства (труд, земля, капитал); землей считаются все естественные ресурсы — плодородная почва, запасы пресной воды, месторождения полезных ископаемых.

Как фактор производства, формирующий факторный доход, земля представляет собой совокупность сил природы, которые могут быть использованы в процессе создания товара, услуг и духовных ценностей; предложение земли имеет фиксированный характер — кривая предложения абсолютно неэластична и имеет строго вертикальный вид.

Существуют различные подходы к определению величины природного капитала¹, но если рассматривать структуру природного капитала России, то при разных подходах к оценке стоимости ее природных активов, наиболее значимой является минерально-сырьевая составляющая — за счет доли углеводородного сырья.

Значение и роль углеводородов как части природного капитала для национальной экономики отражает динамика доходов, администрируемых налоговыми органами Российской Федерации (рис. 1).

¹ Это является предметом отдельного исследования и в данной статье не рассматривается.

Рис. 1. Динамика доходов, администрируемых налоговыми органами Российской Федерации за период 2016–2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of income administered by the tax authorities of the Russian Federation for the period 2016–2020

Составлено: авторами по данным Росстата.

Если рассмотреть динамику показателей за период 2010–2020 гг., то на начало периода сумма налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) составила 17,8% всех администрируемых доходов (или 96,7% суммы налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами); на конец периода, соответственно, 18,8% (или 95,5%).

В сумме этих доходов присутствует нефтегазовая рента — частный случай экономической ренты, как платы за ресурс, предложение которого строго ограничено. В соответствии с правилом Хартвика [21], для устойчивого развития государства с ресурсной экономикой рента должна инвестироваться, а не использоваться на цели текущего потребления. Поэтому одной из ключевых задач такого государства должна стать разработка механизма, позволяющего преобразовать невозобновляемый природный капитал в другие формы капитала, что позволит государству успешно функционировать после того, когда запасы полезных ископаемых будут исчерпаны. Именно такой подход создает условия для развития экономики с внедрением природоподобных технологий, соблюдающих баланс между достижениями научно-технологического прогресса и природой, т. е. формирование так называемой «зеленой экономики» [4].

Реалии нового времени и появление новых трендов требуют изменений в различных областях и сферах деятельности. Особую актуальность это утверждение приобретает для нефтегазового комплекса Российской Федерации, который должен обеспечить необходимый уровень энергетической безопасности государства и сохранить за Россией роль ведущей державы современного мира.

Мы поддерживаем тезис о том, что в настоящее время необходима смена парадигмы развития нефтегазового комплекса Российской Федерации, что требует «компьютеризации и автоматизации всех видов работ, путем создания технологий

и оборудования «умных скважин», «умных промыслов», «умных систем транспорта»; безукоризненное по экологическим требованиям проведение всех видов работ, рекультивацию территорий, освоенных нефтяной промышленностью и системами трубопроводного транспорта, восстановление природных ландшафтов и биоразнообразия» [20, с. 22].

Рассмотрим риски осуществления бизнес-процессов предприятий нефтегазового комплекса в современных условиях его функционирования.

Известно, что горный бизнес во всем мире осуществляется в условиях повышенной неопределенности, вследствие чего операционная деятельность добывающих компаний подвержена многочисленным рискам; риск и неопределенность играют ключевую роль в принятии заключений об эффективности инвестиций, решений в отношении реализации поисково-разведочных программ и геологоразведочных работ на различные виды полезных ископаемых.

Реализация ресурсных проектов в нефтегазовом секторе подвержена как общим рискам инвестирования в сфере недропользования, так и специфическим (отраслевым) рискам. Ранее нами были выявлены пять блоков факторов общего риска инвестирования (юридически-правовой, геолого-экономический, финансово-экономический, организационно-производственный, регионально-политический) [6]; более поздние исследования этой предметной области позволили выявить существование коррупционного риска [8] и риска институциональных инноваций [9].

Потенциальная рискованность ресурсных проектов нефтегазового сектора обусловлена совокупностью естественных (природных) факторов риска, которые являются производными от геологических условий минерально-сырьевого объекта. Таковыми на уровне ловушки или залежи углеводородов являются: целостность ловушки (тип строения, замыкания и удержание, тип и вид отложений флюидоупоров, градация сложности); качество коллектора (вид отложений, тип порогового пространства, характеристика флюидов, параметры промысловых свойств коллекторов); характеристики нефтегазоматеринской породы и др.

Риски реализации ресурсного проекта дифференцируются по стадиям его жизненного цикла, продолжительность которого обусловлена количеством запасов полезного ископаемого промышленных категорий и годовой производственной мощностью добывающего предприятия.

Каждой из стадий жизненного цикла ресурсного проекта сопутствуют соответствующие риски: риски целей деятельности (резервный риск, риск производительности); риски стоимости (риск капитальных вложений, производственный риск); риски продолжительности проекта — рыночный риск (рис. 2).

Риск на стадии поисков и разведки (геологический риск) обусловлен неопределенностью геологического строения месторождения полезного ископаемого и не зависит от величины запасов.

Остальные неопределенности ресурсов и запасов полезных ископаемых в границах локализованного минерально-сырьевого объекта на разных стадиях его жизненного цикла генерируют риски разной природы и значимости, которые могут быть классифицированы по разным признакам. Так, например, на стадиях поисков, разведки и добычи полезных ископаемых риски по происхождению или возникновению классифицируются на независимые от деятельности человека (природные) и зависимые от деятельности человека (проектные, управленческие и пр.).

Независимые или природные риски генерируются уровнем знания человека, вернее, недостаточным уровнем знаний о природном (минерально-сырьевом) объекте.

Среди зависимых рисков можно выделить специфические этапные риски, которые приводят к потерям ресурсных проектов в бизнес-сегменте апстрим (поиски, разведка и добыча), на который может приходиться более 80% общего объема

Геология	Проектирование		Разработка		
Поиски и разведка	Опытно-промышленная эксплуатация	Стадия 1	Стадия 2	Стадия 3	Стадия 4
Резервный риск	Риск производительности	Риск капитальных вложений, производственный риск	Рыночный риск		
Риски целей деятельности		Риски стоимости	Риски продолжительности проекта		

Рис. 2. Риски ресурсного проекта по стадиям его жизненного цикла
 Fig. 2. Resource project risks by life cycle phase

Составлено по [19].

инвестиций. Риски апстрим являются, по преимуществу, проектными, обусловленными неподтверждением запасов и низкой (недостаточной) эффективностью технических и технологических проектных решений.

Отдельно следует отметить наличие специфических рисков при освоении месторождений углеводородного сырья арктического шельфа, работы по разведке и разработке которых, как правило, осуществляются в две стадии: стадия геологоразведочных работ, выполняемая в межледовый период; стадия строительства нефтяных промыслов и эксплуатация месторождения.

Проблемы освоения углеводородных ресурсов шельфа Арктического шельфа России (главной из которых является, пока еще, недостаток ключевых компетенций у российских компаний нефтегазового сектора) рассмотрены в работе [11].

В работе [18] в качестве наиболее существенных при освоении морских месторождений углеводородов выделяются природно-экологический, геологический, технологический, транспортный и экономический риски. Причины возникновения рисков шельфовых проектов приведены в табл. 1.

Специфическими рисками при разработке шельфовых нефтегазовых месторождений являются экологические риски, возникающие на соответствующей стадии. Так, на инвестиционной (строительной) стадии риски связаны с нарушением стабильности вечной мерзлоты, утечкой газа из платов; на стадии эксплуатации месторождения — с возникновением гражданской и социальной ответственности; на стадиях эксплуатации и ликвидации добывающего предприятия — с нарушением экологической обстановки в местах добычи при использовании буровзрывных работ, несанкционированными разливами и выбросами, а также сбросами буровых отходов и пластовых вод.

Снижению неопределенности и сокращению рисков при реализации бизнес-процессов компаний нефтегазового сектора экономики в значительной степени способствует использование цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта [2; 3]. Но, уменьшая таким образом традиционные риски производственной деятельности, мы одновременно открываем окна для возникновения новых рисков, генезисом которых является, собственно, сама цифровая трансформация бизнес-процессов.

Объективно, все рассмотренные выше риски (как независимые, так и зависимые от деятельности человека) являются рисками предшествующей стадии развития общества, т. е. рисками Промышленной эры. Эти риски никуда не делись, они дей-

Риски освоения морских месторождений углеводородного сырья

Table 1. Risks of Development of Offshore Hydrocarbon Fields

Вид риска	Причины возникновения риска (примеры)
Природно-экологический	Сложные природно-климатические и ледовые условия Арктики, повышенная чувствительность к антропогенному и техногенному воздействию
Геологический	Недостаточная изученность шельфа, высокая вероятность неуспешного проведения поисковых работ или неподтвержденность промышленных запасов
Технологический	Необходимость реализации ресурсных проектов в сложных природно-климатических условиях
Транспортный	Недостаточная инфраструктурная обустроенность объектов добычи углеводородного сырья
Экономический	Ошибки оценки затрат, сложность прогноза динамики рыночной конъюнктуры, неточность условий продажи и транспортировки добытого углеводородного сырья и др.

ствуют и сейчас, в условиях Информационной эры, которая пришла на смену Промышленной эре и соотносится с формированием информационной общественной формации и Шестого технологического уклада. На сегодняшний день залогом успеха любой компании является гибкость, т.е. способность быстро и без потерь реагировать на сложившуюся ситуацию на рынке, а это предъявляет особые требования к управлению бизнес-процессами предприятия. Достаточно хорошо работавшие ранее классические бизнес-модели отмирают, на смену им приходят бизнес-модели, которые реагируют в реальном времени на поведение потребителей, формализованное в виде данных. В этих новых условиях функционирования компаний-недропользователей систему их рисков необходимо дополнить новыми рисками, обусловленными реализацией ESG-повестки и реалиями цифровой трансформации. Это ESdigital-риски, которыми необходимо управлять с целью снижения негативных последствий (отрицательных результатов) воздействия трансформационных процессов на процесс недропользования [10; 12; 13].

Цифровая трансформация бизнеса, несмотря на неоспоримые преимущества (снижение издержек и сокращение сроков НИОКР, повышение эффективности производственного процесса и коммерциализации бизнеса, повышение конкурентоспособности компании, экономической эффективности и рентабельности производства), несет в себе и угрозы экономической безопасности бизнеса. В высшей степени актуальными становятся вопросы обеспечения цифровой безопасности нефтегазового бизнеса¹. Вне зависимости от национальных условий функционирования предприятий, в качестве таких угроз можно рассматривать: ресурсное замещение, связанное с высокими альтернативными издержками; рост интеллектуальной собственности; атаки хакеров; промышленный шпионаж. Для преодоления этих угроз необходимо смещение акцента на нематериальную сферу, где первостепенными являются человеческие знания и навыки, внедрение систем кибербезопасности и защиты коммерческой тайны [13].

Воздействие рисков цифровой трансформации все больше распространяется на уровень взаимодействия с клиентами, партнерами и конкурентами, в том числе на государственном и межгосударственном уровне. Формирование способов и методов

¹ Эти вопросы предметно рассмотрены в работе [18].

обработки и минимизации негативных последствий при реализации инициатив цифровой трансформации приобретает все большее значение для успешного функционирования предприятия.

Факторы генерации ESG-рисков, обусловленные влиянием факторов актуальной «зеленой» повестки (ESG-повестки), приведены в табл. 2.

При изучении компании инвесторы обращают пристальное внимание на: риски или проблемы корпоративного управления; риски цепочки поставок, связанные с ESG-факторами; риски или проблемы в сфере прав человека; климатические риски; риски из-за недостатка ресурсов; риски или проблемы экологической результативности; недостаточное заверение данных и заявлений в области ESG; отсутствие связи между ESG-инициативами и корпоративной стратегией.

При этом многие эксперты обоснованно считают, что в список ключевых рисков входят климатические риски, обусловленные изменением климата, сокращение которых и является стратегической задачей реализации ESG-повестки. Факторы формирования ESdIGital-рисков на микроуровне логично по их содержанию объединить в три блока: 1) экономические, 2) технологические и 3) организационные факторы.

К блоку экономических факторов формирования ESdIGital-рисков предприятия относятся приемлемые с экономической точки зрения решения по снижению выбросов парниковых газов, инвестиции в проекты инновационного развития, приоритеты стратегии цифровой трансформации компании, сроки реализации пилотных проектов и др.

В блок технологических факторов входят коммерциализированные технологии снижения парникового газа, подготовленная IT-инфраструктура, обеспечение ин-

Таблица 2

Факторы генерации ESG-рисков компаний

Table 2. Company ESG risk generation factors

Е-факторы	S-факторы	G-факторы
Политика компании в области экологии и охраны окружающей среды	Политика компании в области КСО	Деловая репутация компании, имидж
Влияние на атмосферу	Уровень оплаты труда	Корпоративная стратегия развития
Влияние на водную среду	Социальная защищенность и профессиональное развитие работников	Эффективность деятельности Совета директоров
Влияние на биоту и биоразнообразие	Уровень текучести кадров	Деятельность исполнительных органов
Обращение с промышленными отходами	Охрана труда и производственная безопасность	Система управления рисками и ее эффективность
Учет показателей, влияющих на окружающую природную среду	Работа с клиентами	Степень прозрачности информации
План по снижению негативного влияния на окружающую среду	План по улучшению социально значимых показателей	Защита прав собственников

формационной безопасности (включая конфиденциальность и безопасность данных/управление киберугрозами) и др.

Возможность адаптации бизнес-модели под запросы рынка, соответствие стратегии цифровой трансформации бизнес-целям компании, соответствие навыков управления цифровым преобразованием, а корпоративной культуры — организационной структуре компании, возможность преодоления сопротивления изменениям, уровень инновационной культуры компании формирует блок организационных факторов формирования ESdiGital-рисков предприятия.

Такая группировка факторов формирования ESdiGital-рисков позволяет их выявлять в ходе идентификации потенциальных угроз и создает основу для анализа возможных последствий при разработке стратегии управления рисками ресурсных проектов.

Каковы результаты ESdiGital-трансформации российских нефтегазовых компаний России и как их можно оценить? Для ответа на этот вопрос предлагается использование методического подхода, основанного на расчете двух оценочных показателей для ESG-трансформации (ESG-уровень) и Digital-трансформации (Digital-уровень), а также расчет интегрального показателя для ESdiGital-трансформации.

Предложенные показатели являются относительными и находятся в диапазоне [0; 1], поэтому нормирование их значений не осуществляется. Это упрощает процедуру их количественной или лингвистической интерпретации и позволяет по уровню соответствия расчетного показателя его максимальному значению сделать вывод о достигнутых результатах трансформационных процессов как по отдельности, так и в совокупности.

Уровень ESG-трансформации предлагается оценивать на основе использования существующих рейтинговых показателей (например, RAEX Europe ESG) и обобщенной функции желательности Е. К. Харрингтона [15; 16]. Для определения текущего состояния ESG-трансформации нефтегазовой отрасли используется эмпирический метод рейтинговой оценки, который достаточно успешно применяется для оценки устойчивого развития компаний в Российской Федерации [5].

Согласно ESG-рэнкингу российских компаний RAEX Europe (апрель 2023 г.) в топ-30 компаний представлены пять интегрированных нефтегазовых компаний (табл. 3).

Для характеристика рейтинговых диапазонов используется, как правило, их подразделение на три агрегированных группы: продвинутый уровень — А; развивающийся уровень — В; начальный уровень — С (табл. 4). RAEX Europe использует также три рейтинговых диапазона, но есть одна особенность: общий ESG-рейтинг,

Таблица 3

Рэнкинг и рейтинг RAEX Europe ESG (по последней оцененной отчетности 2021 г.)

Table 3. Ranking and rating RAEX Europe ESG rating (according to the latest estimated reporting in 2021)

Компания	ESG Rank (рейтинг)	E Rank (рейтинг)	S Rank (рейтинг)	G Rank (рейтинг)
ПАО «ЛУКОЙЛ»	10 (A)	11 (BBB)	13 (AA)	11 (AA)
ПАО «Татнефть»	13 (A)	17 (BBB)	12 (A)	7 (AA)
ПАО «НОВАТЭК»	18 (BBB)	18 (BBB)	8 (A)	58 (BBB)
ПАО «НК Роснефть»	19 (BBB)	13 (BBB)	25 (BBB)	28 (A)
ПАО «Газпром»	28 (BBB)	15 (BBB)	42 (BB)	72 (BBB)

Источник: Рэнкинг: ESG-рэнкинг российских компаний (апрель 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2023.4/ (дата обращения: 21.02.2023).

Рейтинговые категории и уровни
Table 4. Rating Categories and Levels

AAA	Максимальный	Компания является лидером в интеграции ESG-повестки в свою деятельность, демонстрирует качество соблюдения соответствующих практик
AA	Очень высокий	
A	Высокий	
BBB	Достаточный	Компания в значительной степени интегрировала ESG-повестку в свою деятельность, демонстрирует достаточный уровень соблюдения соответствующих практик и показывает динамику развития
BB	Средний	
B	Умеренно слабый	
C	Слабый	Компания находится на начальном уровне интеграции ESG-повестки в свою деятельность; созданы базовые механизмы соблюдения соответствующих практик, или базовые механизмы находятся в процессе формирования

а также подрейтинги по каждому направлению оценки необязательно принадлежат к одному и тому же диапазону.

Сравнение компаний нефтегазового сектора России на основе оценки ESG-уровня с использованием функции желательности Харрингтона позволяет определить результаты реализации ESG-повестки. Преимуществом такого подхода является то, что вместо простого сравнения параметры пересчитываются в абстрактные числовые значения, которые после обрабатываются для получения общего оценочного показателя.

Математический аппарат для решения поставленной задачи представлен логистической функцией Е. К. Харрингтона — «кривой желательности» (формула 1):

$$d = \exp[-\exp(-Y)]. \quad (1)$$

Функция желательности Харрингтона имеет два участка насыщения ($d \rightarrow 0$ и $d \rightarrow 1$) и линейный участок (от $d = 0,2$ до $d = 0,63$).

Ось координат Y — шкала частных показателей, ось d — шкала желательности, которая делится в диапазоне от 0 до 1 на пять поддиапазонов: $[0; 0,2]$ — «очень плохо», $[0,2; 0,37]$ — «плохо», $[0,37; 0,63]$ — «удовлетворительно», $[0,63; 0,8]$ — «хорошо», $[0,8; 1]$ — «очень хорошо». Промежуток эффективных значений на шкале частных показателей — $[-2; +5]$.

Сравниваемые параметры распределяются в масштабе, соответствующем предъявляемым к ним требованиям, на промежутке эффективных значений шкалы частных показателей, затем соответствующие им показатели пересчитываются в отметки на шкале желательности. Полученное значение $d(i)$ для i -го параметра пересчитывается вместе с другими в обобщенный коэффициент желательности D по формуле (2):

$$D = \sqrt[n]{d(1) \cdot d(2) \cdot \dots \cdot d(n)}, \quad (2)$$

где n — число используемых показателей параметров сравнения.

Для оценки ESG-уровня компании, т. е. соответствия ее корпоративной стратегии принципам устойчивого развития, предлагается произвести расчет показателя «индекс ESG-трансформации», позволяющего определить существующий потенциал реализации ESG-повестки нефтегазовой компанией (формула 3):

$$I_{esg} = \sqrt[3]{K_e \cdot K_c \cdot K_g}, \quad (3)$$

где I_{esg} — индекс ESG-трансформации; K_e — экологический рейтинговый показатель (компонента E); K_c — социальный рейтинговый показатель (компонента C); K_g — управленческий рейтинговый показатель (компонента G).

Для лингвистической интерпретации результатов была использована лингвистическая шкала Харрингтона (табл. 5).

Оценочные показатели по интегрированным нефтегазовым компаниям России с использованием шкалы Харрингтона, совмещенной с рейтинговыми категориями показателей ESG-компаний в разрезе соответствующей компоненты, приведены в табл. 6.

Исходя из показателей по интегрированным нефтегазовым компаниям России и интерпретации рейтинговых категорий, был составлен профиль уровня показателей ESG-компаний в разрезе соответствующей компоненты (рис. 3).

Профиль определения уровня показателей, характеризующих реализацию ESG-повестки интегрированными нефтегазовыми компаниями Российской Федерации, представлен на рис. 4.

Можно констатировать, что наиболее высокий уровень показателей имеют компании ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «Татнефть».

Детализируем эти показатели и рассчитаем индекс ESG-трансформации нефтегазовыми компаниями в рамках выборки (табл. 7).

Графическая интерпретация индекса ESG-трансформации для рассмотренных компаний России представлена на рис. 5.

Таким образом, можно сделать вывод о том, уровень ESG-трансформации ПАО «ЛУКОЙЛ» является в настоящее время максимально высоким, у компаний ПАО

Таблица 5

**Шкала Харрингтона для лингвистической интерпретации
уровня ESG-трансформации компании**

Table 5. Harrington scale for linguistic interpretation of the ESG transformation level of the company

ESG-уровень компании / Оценка по шкале Харрингтона	Интервал нахождения числового значения показателя
Максимально высокий / «Очень хорошо»	0,80–1,00
Очень высокий / «Хорошо»	0,63–0,80
Высокий / «Удовлетворительно»	0,37–0,63
Средний / «Плохо»	0,20–0,37
Низкий / «Очень плохо»	0,00–0,20

Таблица 6

Оценочные показатели для построения ESG-профиля компании

Table 6. Company ESG profile estimates

Компания	K_e	K_c	K_g
ПАО «ЛУКОЙЛ»	0,80	1,00	1,00
ПАО «Татнефть»	0,55	0,78	1,00
ПАО «НОВАТЭК»	0,57	0,84	0,70
ПАО «НК Роснефть»	0,52	0,80	0,78
ПАО «Газпром»	0,54	0,50	0,80

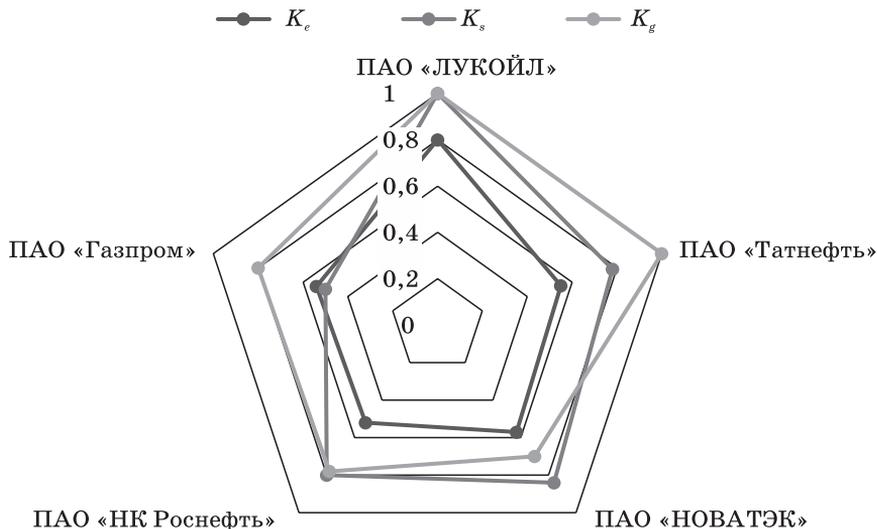

Рис. 3. Профиль уровня показателей ESG российских нефтегазовых компаний в разрезе E, S и G-компоненты
 Fig. 3. ESG Profile of Russian oil and gas companies in E, S and G Components

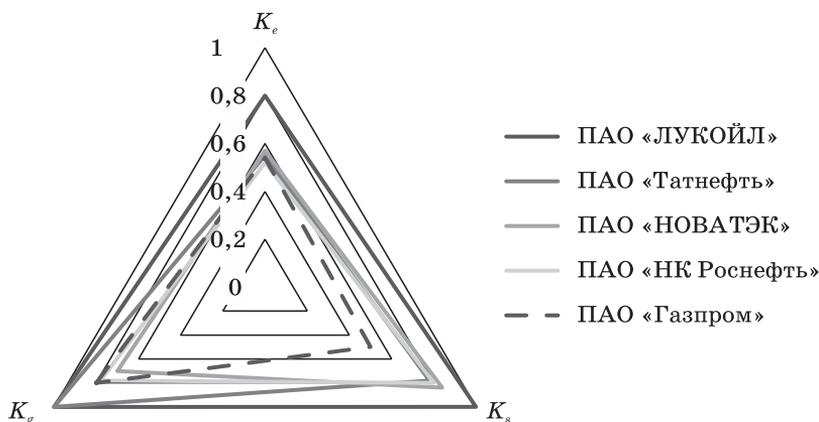

Рис. 4. Профиль определения уровня показателей, характеризующих реализацию ESG-повестки нефтегазовыми компаниями России
 Fig. 4. Profile of determining the level of indicators characterizing the implementation of the ESG agenda by Russian oil and gas companies

«Татнефть», PAO «НОВАТЭК» и PAO «НК Роснефть» — очень высокий, у PAO «Газпром» — высокий.

Для оценки уровня Digital-трансформации целесообразно использовать результаты исследования, в котором предложен «индекс применения цифровых технологий в нефтегазовой компании на этапе поиска и освоения новых месторождений» [1].

Индекс применения цифровых технологий (индекс цифровой трансформации нефтегазовой компании в бизнес-сегменте апстрим) рассчитывается с использо-

Результаты значений показателей, характеризующих реализацию ESG-повестки интегрированными нефтегазовыми компаниями России

Table 7. Results of Values of indicators characterizing the implementation of the ESG agenda by integrated oil and gas companies of Russia

Показатель	ПАО «ЛУКОЙЛ»	ПАО «Татнефть»	ПАО «НОВАТЭК»	ПАО «НК Роснефть»	ПАО «Газпром»
Экологический показатель (K_e)	0,8	0,55	0,57	0,52	0,54
Социальный показатель (K_s)	1,0	0,78	0,84	0,8	0,5
Управленческий показатель (K_g)	1,0	1,0	0,7	0,78	0,8
Индекс ESG-трансформации компании (I_{esg})	0,928	0,754	0,697	0,683	0,603
Интерпретация индекса ESG-трансформации	Максимально высокий	Очень высокий	Очень высокий	Очень высокий	Высокий

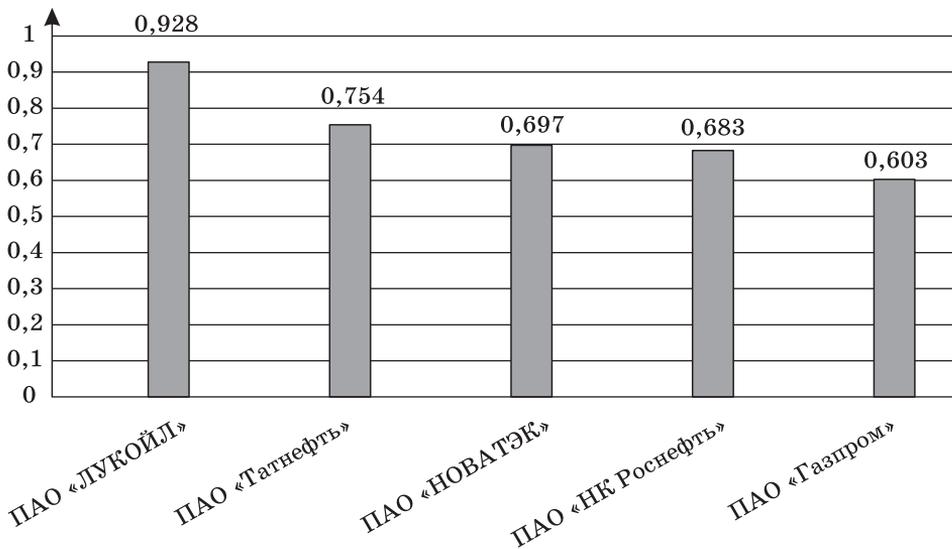

Рис. 5. Индекс ESG-трансформации для нефтегазовых компаний России
Fig. 5. ESG transformation index for Russian oil and gas companies

ванием системы частных показателей: «удельный вес цифровых активов в структуре активов компании; удельный вес сотрудников с цифровыми компетенциями; соотношение капитальных затрат на цифровизацию деятельности к чистой прибыли компании; удельный вес новых освоенных месторождений с применением цифровых технологий; коэффициент рентабельность применения цифровых технологий» [1].

Индекс применения цифровых технологий в нефтегазовой компании в ап-стрим для анализируемых компаний нефтегазового сектора России представлен в табл. 8.

Результаты значений показателей, характеризующих применение цифровых технологий на этапах поиска и освоения новых месторождений

Table 8. Results of values of indicators characterizing the use of digital technologies at the stages of search and development of new fields

Индекс применения цифровых технологий	ПАО «Газпром-нефть»	ПАО «ЛУКОЙЛ»	ПАО «НК «Роснефть»	ПАО «Татнефть»
	0,6335	0,6181	0,6099	0,6324

Источник: [1, с. 62].

С учетом полученных результатов расчета индекса ESG-трансформации нефтегазовой компании и расчетной величины индекса применения цифровых технологий, рассчитаем интегральный индекс ESdiGital-трансформации по формуле (4):

$$I_{ESdiGital} = I_{esg} \times I_{digital} \quad (4)$$

Показатели ESdiGital-трансформации российских нефтегазовых компаний приведены в табл. 9.

Графическая интерпретация индекса ESdiGital-трансформации для трех нефтегазовых компаний России представлена на рис. 6.

Таким образом, наибольший уровень ESdiGital-трансформации из рассмотренных нефтегазовых компаний, входящих в топ-30 рейтинга RAEX Europe ESG, имеет ПАО «ЛУКОЙЛ» (60,7%); у компании ПАО «Татнефть» — 47,7% (высокий), у компании ПАО «Газпром» — 36,8% (средний).

В данном контексте необходимо отметить, что самый высокий уровень цифровой трансформации среди российских нефтяных компаний имеет ПАО «Газпром нефть», согласно оценке [1] — более 63,3% (у ПАО «Татнефть», согласно оценке авторов, немногим меньше — 63,2%).

ПАО «Газпром нефть» активно внедряет сквозные цифровые решения, такие как роботизированные комплексы, нейротехнологии и искусственный интеллект при анализе больших данных, создании цифровых двойников с применением технологий высокоскоростных вычислений. В настоящее время компанией реализуется уникальный цифровой проект «Data Lake», позволяющий удовлетворить потребность компании в структурированной информации и внедрить аналитику больших данных

Таблица 9

Система показателей ESdiGital-трансформации нефтегазовых компаний России

Table 9. ESdiGital-Transformation of Russian Oil and Gas Companies

Показатель	ПАО «ЛУКОЙЛ»	ПАО «Татнефть»	ПАО «НК Роснефть»
Индекс ESG-трансформации компании (I_{esg})	0,9820	0,7540	0,6030
Индекс цифровой трансформации ($I_{digital}$)	0,6181	0,6324	0,6099
Интегральный индекс ESdiGital-трансформации ($I_{ESdiGital}$)	0,6070	0,4768	0,3678
Интерпретация интегрального индекса ESdiGital-трансформации	Высокий	Высокий	Средний

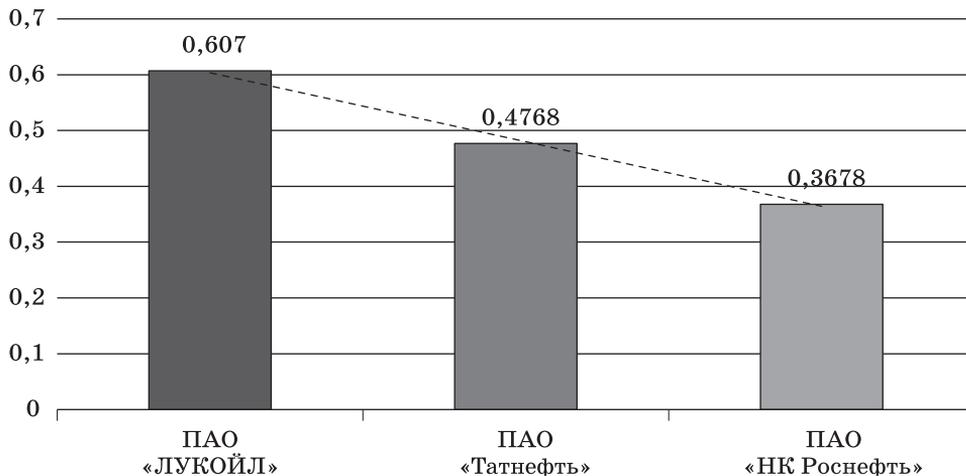

Рис. 6. Индекс ESdiGital-трансформации нефтегазовых компаний
Fig. 6. ESdiGital Oil and Gas Transformation Index

по всему периметру компании. В качестве следующего шага планируется построение интеллектуальных алгоритмов для оптимизации технологических процессов нефтепереработки.

Но, так как ПАО «Газпром нефть» не вошел в топ-30 рейтинга ESG аналитического агентства RAEX Europe (по состоянию на апрель 2023 г.), индекс ESdiGital-трансформации для этой компании в рамках этой работы авторами не рассчитывался.

Обсуждение

В настоящем исследовании для оценки ESG-трансформации нефтегазовых компаний использовался рейтинг RAEX Europe.

Признавая удобство рейтингов вообще [7] и ESG-рейтингов — в частности, необходимо отметить, что пока отсутствует однозначное единое толкование того, что считать ESG-рейтингом и что именно он характеризует, невозможно сравнивать ESG-рейтинги разных кредитных рейтинговых агентств. При наличии множества ESG-рейтингов достаточно сложно определить, как компании соотносятся между собой. Эту задачу упростило бы наличие некой сводной (интегральной) оценки, показывающей, какие компании достигли наилучших результатов по управлению долгосрочными ESG-рисками. А пока такой оценки в открытых источниках нет, можно предложить создание многофакторной модели, учитывающей количество топовых рейтингов у компании, место компании в каждом рейтинге в отчетном периоде и динамику рейтинговых показателей по сравнению с предыдущими периодами [5].

Перспективным представляется также предложение Банка России по созданию двух вариантов рейтингов:

- текущего ESG-рейтинга, представляющего собой профиль компании, который отражает мнение о количественных и качественных результатах ее деятельности в области устойчивого развития;
- рейтинга компоненты E (E-рейтинга), который должен отражать мнение об управлении и подержанности компании рискам устойчивого развития в горизонте одного года.

Заключение

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы.

Риски реализации ресурсного проекта дифференцируются по стадиям жизненного цикла: поиски и разведка (резервный риск); опытно-промышленная эксплуатация (риск производительности); стадия разработки (риск капитальных вложений, производственный риск, рыночный риск).

В бизнес-сегменте апстрим риски являются, по преимуществу, проектными, обусловленными неподтверждением и низкой (недостаточной) эффективностью технических и технологических проектных решений.

Процесс освоения нефтегазовых месторождений арктического шельфа генерирует риски, которые подразделяются на природно-экологический, геологический, технологический, транспортный и экономический, при этом специфическими рисками являются экологические риски, возникающие на соответствующей стадии.

Использование современных цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта, позволяющие снизить неопределенность и риск осуществления бизнес-процессов компаний нефтегазового сектора, а также необходимость реализации «зеленой» повестки, генерируют новые ESdiGital-риски.

Совокупность факторов формирования ESdiGital-рисков компании по их содержанию можно классифицировать на экономические, технологические и организационные, что позволит их выявлять в ходе идентификации потенциальных угроз и создаст основу для анализа возможных последствий при разработке стратегии управления рисками ресурсных проектов.

Оценку результатов ESdiGital-трансформации российских нефтегазовых компаний России предлагается выполнять на основе методического подхода, основанного на расчете двух оценочных показателей для ESG-трансформации и Digital-трансформации, а также расчете интегрального показателя для ESdiGital-трансформации; уровень ESG-трансформации предлагается оценивать на основе использования рейтинговых показателей RAEX Europe и обобщенной функции желательности Е. К. Харрингтона.

Для оценки ESG-уровня компании предлагается выполнить расчет показателя «индекс ESG-трансформации», позволяющего определить существующий потенциал реализации «зеленой» повестки; для оценки уровня Digital-трансформации целесообразно использовать «индекс применения цифровых технологий».

Из рассмотренных нефтегазовых компаний «максимально высокий» уровень ESG-трансформации имеет ПАО «ЛУКОЙЛ»; ПАО «Татнефть», ПАО «НОВАТЭК» и ПАО «НК Роснефть» имеют «очень высокий» уровень, ПАО «Газпром» — «высокий» уровень; из нефтегазовых компаний, входящих в топ-30 рейтинга RAEX Europe ESG, самый высокий уровень ESdiGital-трансформации (60,7%) имеет также ПАО «ЛУКОЙЛ», а ПАО «Татнефть» и ПАО «Газпром» — высокий (47,7%) и средний уровень (36,8%) соответственно.

Для решения задачи сравнения компаний при наличии множества разных рейтингов целесообразна разработка многофакторной модели, учитывающей количество топовых рейтингов у компании, место компании в каждом рейтинге в отчетном периоде и динамика рейтинговых показателей по сравнению с предыдущими периодами.

Литература

1. Азиева Р. Х. Поиск и освоение новых месторождений: методологический подход экономической оценки применения цифровых технологий в нефтегазовой отрасли // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. 2021. № 3 (37). С. 53–66.

2. Дементьев К. И. Оптимизация бизнес-процессов предприятий нефтегазового сектора России на основе использования искусственного интеллекта // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2022. Т. 13. Вып. 2 (54). С. 39–48.
3. Дементьев К. И. Анализ мирового опыта применения искусственного интеллекта для оптимизации бизнес-процессов предприятий // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 107–120.
4. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С. Н. Бобылева, П. А. Кирышина, О. В. Кудрявцевой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 284 с.
5. Куклина Е. А., Бабаев Э. А. ESG-трансформация нефтедобывающих компаний России и Азербайджана сквозь призму рейтингов / Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2022. Т. 13. Вып. 2 (54). С. 67–77.
6. Куклина Е. А. Риски инвестирования в системе управления недропользованием // Вестник УГАТУ. Специальный выпуск «Экономическая безопасность: концепция, стандарты». 2013. С. 47–50.
7. Куклина Е. А. Рейтинги России в мировой экономике и эффективность государственного управления // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики» 19–21 апреля 2017 г. Т. 3. СПб., 2017. С. 21–29.
8. Куклина Е. А. Коррупционные риски недропользования в контексте государственного управления // Материалы X Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики» 25–27 апреля 2018 г. Т. 3. СПб., 2018. С. 17–23.
9. Куклина Е. А. Риски институциональных инноваций (на примере Соглашения о разделе продукции) // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2019. Т. 10. Вып. 3 (40). С. 149–156.
10. Куклина Е. А. Стратегия цифровой трансформации как инструмент реализации бизнес-стратегии компании нефтегазового сектора современной России // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 40–53.
11. Куклина Е. А. Проблемы освоения углеводородных ресурсов Арктического шельфа России // Государство и бизнес. Современные тенденции и проблемы развития экономики: материалы XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2021 г.: в 3 ч. Ч. 1. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. С. 102–111.
12. Куклина Е. А. Экономическая трансформация недропользования как императив новейшей истории России // Управленческое консультирование. 2022. № 11. С. 25–42.
13. Куклина Е. А. Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 64–78.
14. Мирзоев Д. А., Ибрагимов И. Э., Архипова О. Л. Особенности освоения нефтегазовых ресурсов континентального шельфа Арктики // Neftegaz.RU. 2023. № 1 (131). С. 21–24.
15. Пичкалев А. В. Применение кривой желательности Харрингтона для сравнительного анализа автоматизированных систем контроля // Вестник КГТУ. 1997. С. 128–132.
16. Пичкалев А. В. Обобщенная функция желательности Харрингтона для сравнительного анализа технических средств // Исследования Научограда. № 1 (1) январь-март 2012. С. 25–28.
17. Тасмуханова А. Е. Особенности разработки шельфовых месторождений нефти / А. Е. Тасмуханова, Р. Р. Шигапова // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/53NZVN218.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).
18. Ходковская Ю. В., Газизов А. И. Цифровая безопасность нефтегазового бизнеса // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 387–389.
19. Шутько С. Ю., Кожевникова С. Д., Шутько Д. С. Риски и неопределенности Upstream // Территория «НЕФТЕГАЗ». 2017. № 1–2. С. 65–71.
20. Эдер Л. В., Конторович А. Э. Необходимость смены парадигмы развития нефтегазового комплекса в России / Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2017. XIII Междунар. науч. конгр., 17–21 апреля 2017 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью»: сб. материалов в 2 т. Т. 1. Новосибирск : СГУГиТ, 2017. С. 16–23.
21. Hartwick J. M. Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources // The American Economic Review 1977. Vol. 67. N 5. P. 972–974.

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; jeakuklina@mail.ru

Дементьев Кирилл Игоревич, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dementiew.kirill2014@yandex.ru

References

1. Azieva R.H. Search and Development of New Fields: Methodological Approach to Economic Assessment of Digital Technology Application in Oil and Gas Industry // Bulletin of USPTU. Science, education, economy. Economics Series [Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika]. 2021. N 3 (37). P. 53–66 (in Rus).
2. Dementiev K.I. Optimization of business processes of Russian oil and gas sector enterprises based on the use of artificial intelligence // Scientific works of the North-West Institute of Management of the RANEPА [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2022. Vol. 13. Is. 2 (54). P. 39–48 (in Rus).
3. Dementiev K.I. Analysis of world experience in the use of artificial intelligence to optimize business processes of enterprises // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 1. P. 107–120 (in Rus).
4. Green Economy and Sustainable Development Goals for Russia: collective monograph / ed. S.N. Bobylev, P.A. Kiryushin, O.V. Kudryavtseva. M. : Moscow University Press, 2019. 284 p. (in Rus).
5. Kuklina E.A., Babayev E.A. ESG-transformation of oil producing companies of Russia and Azerbaijan through the prism of ratings / Scientific works of the North-West Institute of Management of the RANEPА [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2022. Vol. 13. Is. 2 (54). P. 67–77 (in Rus).
6. Kuklina E.A. Risks of investing in the system of subsoil use management // Bulletin of the UGATU. Special issue of "Economic Security: Concept, Standards" [Vestnik UGATU. Spetsial'nyi vypusk «Ekonomiceskaya bezopasnost': kontseptsiya, standarty»]. 2013. P. 47–50 (in Rus).
7. Kuklina E.A. Russia's Ratings in the World Economy and Public Administration Efficiency / Proceedings of the IX International Scientific-Practical Conference "State and Business. Modern problems of economy" April 19–21, 2017. Vol. 3. SPb., 2017. P. 21–29 (in Rus).
8. Kuklina E.A. Corruption risks of subsoil use in the context of public administration / Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference "State and Business. Modern problems of economy" April 25–27, 2018. Vol. 3. SPb., 2018. P. 17–23 (in Rus).
9. Kuklina E.A. Risks of institutional innovations (on the example of Production Sharing Agreement) / Scientific works of the North-West Institute of Management of the RANEPА [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. 2019. Vol. 10. Is. 3 (40). P. 149–156 (in Rus).
10. Kuklina E.A. Digital Transformation Strategy as a Tool for Implementing Business Strategy of Oil and Gas Companies in Modern Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 6. P. 40–53 (in Rus).
11. Kuklina E.A. Problems of hydrocarbon resources development of the Russian Arctic shelf / State and business. Current trends and problems of economic development: Proceedings of XIII International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, April 21–22, 2021: in 3 p. P. 1. SPb. : NWIM of RANEPА, 2021. P. 102–111 (in Rus).
12. Kuklina E.A. Economic transformation of subsoil use as an imperative of Russia's recent history // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 11. P. 25–42 (in Rus).
13. Kuklina E.A. The concept of sustainable development in the projection of modern transformational trends: new reality and new opportunities for business // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 6. P. 64–78 (in Rus).
14. Mirzoev D.A., Ibragimov I.E., Arkhipova O.L. Features of development of oil and gas resources of the Arctic continental shelf // Neftegaz.RU. 2023. N 1 (131). P. 21–24 (in Rus).
15. Pichkalev A.V. Application of Harrington's desirability curve for comparative analysis of automated control systems // Vestnik KSTU [Vestnik KGTU]. 1997. P. 128–132 (in Rus).
16. Pichkalev A.V. The generalized Harrington's desirability function for the comparative analysis of technical means // Search in Naukograd [Issledovaniya Naukograda]. N 1 (1) January–March 2012. P. 25–28 (in Rus).

17. Tasmukhanova A. E. Features of offshore oil field development / A. E. Tasmukhanova, R. R. Shigapova // Bulletin of Eurasian Science [Vestnik Evraziiskoi nauki]. 2018. Vol. 10. N 2 [Electronic srce]. URL: <https://esj.today/PDF/53NZVN218.pdf> (accessed: 28.04.2023) (in Rus).
18. Khodkovskaya Y. V., Gazizov A. I. Digital security of oil and gas business // Eurasian Law Journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2019. N 10. P. 387–389 (in Rus).
19. Shutko S. Y., Kozhevnikova S. D., Shutko D. S. Risks and uncertainties of Upstream // NEFTEGAZ Territory [Territoriya «NEFTEGAZ»]. 2017. N 1–2. P. 65–71 (in Rus).
20. Eder L. V., Kontorovich A. E. The need for a paradigm shift in the development of the oil and gas complex in Russia // Interexpo GEO-Siberia-2017. XIII International Scientific Congress, April 17–21, 2017, Novosibirsk: International Scientific Conference “Economic Development of Siberia and the Far East. Economics of nature management, land management, forest management, real estate management”: Proceedings in 2 vol. Vol. 1. Novosibirsk : SGUGiT, 2017. P. 16–23 (in Rus).
21. Hartwick J. M. Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources // The American Economic Review 1977. Vol. 67. N 5. P. 972–974.

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; jeakuklina@mail.ru

Kirill I. Dementiev, PhD Student of the Chair of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); dementiew.kirill2014@yandex.ru

Организационно-технологические аспекты деятельности конвергентной редакции*

Ким М. Н.^{*}, Пак Е. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kim-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются различные аспекты функционирования конвергентных редакций СМИ. С этой целью были изучены организационные и технологические новации, которые стали активно внедряться в практику редакционной деятельности в последние десятилетия. Объединение нескольких каналов СМИ в крупные медиахолдинги привело к тому, что на базе таких редакционных конгломераций вначале стали возникать специализированные интернет-отделы и службы, а затем и самостоятельные мультимедийные редакции. В ходе исследования были опрошены сотрудники конвергентных СМИ, которые рассказали не только о принципах организации производственного процесса по выпуску мультимедийной продукции, но и об особенностях внедрения новых форм управления редакционным коллективом, о различных способах планирования, наконец, о функциональных задачах сотрудников новых медиа.

Ключевые слова: мультимедийная редакция, интегрированная редакция, конвергентная редакция, кроссмедийная редакция, медийная платформа, мультимедийные элементы, производство медиапродукта

Для цитирования: Ким М. Н., Пак Е. М. Организационно-технологические аспекты деятельности конвергентной редакции // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 72–81.

Organizational and Technological Aspects of the Activities of the Convergent Editorial Office

Maxim N. Kim^{*}, Catherine M. Puck

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *kim-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

In the article, the authors consider various aspects of the functioning of convergent media editorial offices. For this purpose, organizational and technological innovations were studied. They have become actively introduced into the practice of editorial activity in recent decades. The merger of several media channels into large media holdings led to the fact that on the basis of such editorial conglomerations, specialized Internet departments and services first began to emerge, and then independent multimedia editorial offices. In the course of the study, employees of convergent media were interviewed, who told not only about the principles of organizing the production process for the release of multimedia products, but also about the features of introducing new forms of management of the editorial team, about various planning methods, and finally, about the functional tasks of new media employees.

Keywords: multimedia edition, integrated edition, convergent edition, cross-media edition, media platform, multimedia elements, media product production

* Исследование выполнено в рамках НИР ЕГИСУ_НИОКТР № 122112800092-6 от 28.11.2022.

Введение

Целью настоящего исследования является изучение функционирования конвергентных редакций и рассмотрение основных принципов их работы по производству мультимедийной продукции. Для достижения результатов в данной работе использован метод углубленного интервью. В ходе исследования авторов интересовали следующие вопросы: влияние технологических новаций на перестройку редакционной работы; определение основных отличий традиционных редакций от мультимедийных; изучение основных принципов организации и планирования труда сотрудников новых медиа.

Перестройка традиционных редакций в конвергентные была обусловлена рядом объективных причин, к которым можно отнести: слияние ранее несовместимых каналов СМИ (радио, ТВ, газета) в рамках единых медиахолдингов; технологические новации, которые активно стали внедряться в деятельность журналистских коллективов; выход традиционных СМИ на просторы интернета.

Материалы и методы

Новые условия привели не только к необходимости перестройки прежней структуры редакции, но и к изменению характера планирования редакционной деятельности, форм и методов работы журналистов, к появлению новых специализаций и принципов организации труда сотрудников новых медиа, к изменению цикла производства медиапродуктов и их публикации, наконец, к внедрению новых бизнес-моделей в сфере издательской и рекламной деятельности. В отличие от отечественных исследователей, изучавших данные вопросы на теоретическом уровне [1; 3], мы попытались рассмотреть данные проблемы в плоскости журналистской практики. С этой целью мы провели опрос с ведущими редакторами региональных СМИ¹.

Говоря о слиянии ранее несовместимых и разобщенных каналов СМИ (радио, ТВ, газета) в рамках единых медиахолдингов, респонденты отмечали то, что благодаря этому произошла синергия СМИ, которая в каждой редакции имела свою специфику. В одном случае на базе газетной редакции создавались новые интернет-отделы, в другом — объединялись журналисты из различных СМИ, в третьем — слиянию подвергались целые отрасли медиабизнеса, занимающиеся не только теле- и радиовещательной деятельностью, но и дистрибуцией контента. В результате всех этих слияний возникали мультимедийные редакции, основной функцией которых было однократное совместное производство контента и его многократное распространение по различным медийным платформам. Именно в этом, по мнению исследователей, заключается принципиальное отличие конвергентных редакций от традиционных.

В традиционных изданиях журналисты работали по схеме: «одна продукция — одна редакция». И такая модель была вполне оправдана с точки зрения производственного процесса. Отличительной чертой традиционных изданий всегда было четкое разделение труда журналистов. В них они, как правило, работали по различным тематическим отделам: экономики, политики, культуры, спорта, транс-

¹ Фокусированное интервью с журналистами региональных СМИ в количестве 50 человек проведено в ноябре-декабре 2022 г.

порта и т. д. Сами журналисты могли иметь жанровую специализацию: хроникер, корреспондент, репортер, обозреватель, очеркист и т. д. Существовали отделы по оформлению издания, рекламы и маркетинга, по распространению газеты и др. Функционировало и свое управленческое звено в лице главного редактора, его заместителей, ответственного секретаря, заведующих отделов и служб, редколлегии и т. д. Естественно, вся это громоздкая, по нашему мнению, структура стала неэффективной при новых технологических условиях, когда потребитель получил возможность получать информацию на различных носителях.

Содержать штат редакции, ориентированной на выпуск одного продукта, стало неэффективно. Поэтому начинаются поиски новых моделей в организации редакционной деятельности. Выгоднее всего стало объединение «под одной крышей» нескольких редакций для выпуска одного мультимедийного контента для его дальнейшего размещения на нескольких носителях. На смену старой схеме приходит новая, «один контент для множества платформ».

Технологические новации, по мнению респондентов, позволили им в рамках одной мультимедийной редакции совместить производство разных видов контента на основе одного исходного материала. Однако на практике данные процессы, по мнению респондентов, протекали противоречиво. С точки зрения учредителей СМИ, в мультимедийной редакции выгодно иметь универсальных журналистов, способных и писать, и снимать видео, и фотографировать, и монтировать. Именно за счет таких сотрудников можно значительно сократить расходы на производство контента.

Здесь может показаться, что внутриредакционная специализация в традиционной редакции была более эффективной, так как каждый журналист четко выполнял только присущие ему функции, не расплываясь на другие. Да и с точки зрения производственной загруженности он, можно сказать, находился в более комфортных условиях. По мнению респондентов, не все журналисты с восторгом приняли трансформацию традиционных редакций в конвергентные. Более 45% опрошенных вынуждены были сменить профессию или уйти в другие сферы деятельности, например, в рекламу и PR.

Поэтому руководителям конвергентных редакций приходилось решать комплекс задач, связанных и с поиском новых методов и форм организации редакционной работы, и с профессиональной переподготовкой кадров, и с внедрением автоматизированных систем поиска и анализа информации, и с реструктурированием штатного расписания за счет ввода новых специальностей, и с корректировкой циклов производства и распространения мультимедийного контента по различным носителям, и с изменением принципов планирования и продвижения материалов в интернете, и мн. др.

Поиски эффективных моделей в организации работы мультимедийной редакции и создания контента актуальны и сегодня, так как без детальной проработки всех вопросов переход от традиционной редакции к конвергентной невозможен. Данная проблематика находится в поле зрения ряда отечественных исследователей [2; 4; 5; 6].

Что же собой представляют такие редакции? Конвергентная редакция — это производственно-творческий коллектив, в составе которого объединены специалисты разного профиля для создания и продвижения мультимедийного продукта для всех видов СМИ (газета, ТВ, радио, сетевые издания), входящих в состав крупных медиахолдингов. Преимущество конвергентных редакций проявляется в объединении разных видов СМИ. За счет этого становится возможным значительное сокращение издержек по выпуску медийной продукции — с одной стороны, а с другой — концентрация всех имеющихся ресурсов (кадровых, финансовых, технологических, производственных) для решения комплекса задач по выпуску и продвижения мультимедийного контента. Журналисты, работая в данных условиях, не только готовят

материалы, синтезирующие в себе и фото, и видеоряд, и звук, и инфографику, но и занимаются их размещением на различных платформах.

Конвергенция изменила работу редакции в целом и каждого журналиста в отдельности. В ходе опроса мы попытались выяснить у работников СМИ следующее: как и каким образом традиционные редакции переходили к конвергентным формам работы; как вырабатывались мультимедийные принципы работы редакции; какие основные требования предъявляются к журналистам, и какие новые специализации появились в редакции; каковы основные формы и методы управления конвергентной редакцией и др.

Внедрение информационных технологий в деятельность редакционных коллективов, по мнению респондентов, повлекло за собой организационные изменения. Прежде всего, в штате многих редакций стали появляться специалисты, ориентированные на создание газетных версий изданий в интернете. Дальнейшее освоение мультимедийных технологий в создании медийного продукта привело к образованию специализированных интернет-отделов и служб со своим штатным расписанием, куда могли войти выпускающий редактор, бильд-редактор, оператор, монтажёр, журналист. Даже по этому составу видно, что в подобного рода отделах стали трудиться люди разных специальностей. Процесс конвергенции начался в редакционных коллективах не только на организационном, но уже и на содержательном уровне, когда даже для электронной версии газеты готовились соответствующие видеорепортажи.

Объединение нескольких каналов СМИ в крупные медиахолдинги лишь ускорило процессы конвергенции на местах. На базе таких редакционных конгломераций стали возникать интернет-службы, в состав которых могли входить не только творческие работники, обеспечивавшие выпуск нескольких сайтов, но и маркетологи, изучавшие новые рынки распространения и продвижения информации, и рекламисты, и технические специалисты. Теперь эти интернет-службы могли не только обмениваться своим контентом с другими подразделениями какого-либо медиахолдинга, но и вполне самостоятельно создавать свой продукт. Сегодня, по мнению опрошенных респондентов, наметилась тенденция к объединению традиционных редакций с интернет-службами.

Вот что по данному поводу рассказывали сами журналисты. Взаимодействие между традиционным изданием и интернет-службой прежде всего происходит на уровне обмена контентом. Наиболее распространенной формой является в редакциях СМИ технология кросс-промоушн, когда во всех газетных публикациях даются ссылки на материалы сайта, а там имеются отсылки на офлайн-издания. Такой взаимообмен выгоден в плане продвижения контента на всех имеющихся у медиахолдинга носителях. Кроме этого, сами журналисты могут готовить материалы для нескольких платформ одновременно. Однако в этом случае они уже должны владеть более расширенными профессиональными компетенциями, то есть не только писать, но и снимать, и монтировать, и верстать. К тому же во многих редакциях СМИ уже стали отказываться от старой модели в создании сайта издания как механистической копии офлайн-версии этого издания. Такая необходимость возникла из потребностей самих пользователей, которые все больше нуждаются в получении такого медиапродукта, где в полной мере будет представлена вся интересующая их информация, выполненная в мультимедийном формате.

Именно поэтому при создании новых сайтов все чаще стали привлекаться профессиональные операторы, профессиональные телевизионщики с опытом работы, продюсеры, монтажеры и т. д., т. е. люди, которые могут создавать не только качественный видео- и аудиоконтент, но и осуществлять прямые видеотрансляции и видеоконференции. В стороне не остаются и опытные газетчики, которые сами пишут и снимают события с помощью своих мобильных телефонов. Конечно, по-

добного рода материалы не могут отвечать высоким требованиям по качеству, но в данном случае на первое место выходит оперативность передачи информации и ее эксклюзивность. К тому же такого рода материалы журналисты могут сами монтировать, снабжая их мультимедийными элементами: перебивками, вставками, заставками и титрами.

Видимо, благодаря такому повсеместному взаимодействию специалистов разной направленности и подготовки, в конечном итоге и стали создаваться конвергентные редакции, где не существует границ между бумажной и электронной версией газеты, где весь коллектив работает на две-три платформы одновременно, где принципы планирования и подготовки материалов носят принципиально иной характер. При этом сразу заметим, что идея конвергенции могла быть реализована в тех СМИ, где имело место реальное объединение нескольких каналов в единый медиахолдинг. Однако в данном случае, как рассказывали респонденты, журналистским коллективам и их учредителям приходилось сталкиваться с рядом трудностей.

Во-первых, это коснулось новых условий труда. В традиционных редакциях все журналисты были распределены по различным отделам и работали, как правило, в отдельных кабинетах. При объединении все они оказались в общем ньюсруме, где у человека нет постоянного рабочего места. С одной стороны, это давало полную свободу при взаимодействии с коллегами по цеху и с руководством редакции, а с другой — наблюдается невозможность поработать в уединении.

Во-вторых, многие опрошенные сотрудники редакций говорили о том, что в такой объединенной редакции им приходится работать над разными проектами одновременно, что требует максимальной согласованности действий каждого члена творческой команды. Поэтому наиважнейшим элементом совместной работы является четкая координация действий всех редакционных подразделений. Любой сбой в производственной цепочке тут же сказывается на результате общей работы.

В-третьих, важным элементом в работе конвергентных редакций стало внедрение новых систем управления контентом. Без наличия соответствующего программного обеспечения сделать это практически невозможно. Поэтому от многих каналов СМИ потребовались большие финансовые затраты для решения данного вопроса.

В-четвертых, кардинально изменился цикл производства контента. Теперь любой материал, вышедший на одной платформе, должен был тут же появиться с определенными модификациями на другой. Допустим, в бумажной версии газеты вышла заметка о каком-либо общественно значимом событии. Этот же материал, но с наличием видеосюжета, должен тут же появиться и на сайте. Такая синхронизация публикаций возможна только при четкой координации работы журналистов, редакторов, дизайнеров, операторов, монтажеров. В данном случае важную координирующую роль стали играть выпускающие редакторы. Не случайно их число в конвергентных редакциях существенно увеличилось. Они сегодня занимаются не только тематическим планированием, но и координацией работы как творческого, так и технического персонала. Именно в их работе, как считают респонденты, наиболее ярко проявляется идея конвергенции: совместное производство контента для его размещения и распространения на различных медийных платформах.

В-пятых, производство мультимедийного контента потребовало поиска новых форматов для дальнейшего распространения на различных носителях. Прежде всего — это, конечно, касалось мобильных устройств. В последние годы, как показывают многочисленные исследования, среднестатистический пользователь предпочитает получать информацию через мобильные телефоны и гаджеты. Поэтому возникла необходимость в создании пакетного принципа подачи информации, который предполагает не только упорядоченную структуру, но и определенную «нарезку» информации емкими и короткими порциями. Кроме этого, особой популярностью сегодня у пользователей пользуются социальные сети. Поэтому необходимо было

найти те форматы, которые были бы наиболее востребованы у пользователей социальных сетей. Как считают респонденты, современные пользователи хотят получать всю необходимую информацию в едином информационном пакете, с хорошей ее визуализацией.

Таким образом, создание конвергентных редакций сопровождалось решением комплекса проблем, начиная от форм организации производственного процесса и заканчивая поиском оптимальных форматов презентации информации на различных носителях. В зависимости от характера работы журналистов, от способов их совместной деятельности, наконец, от специфики создания контента, стали формироваться разные типы конвергентных редакций.

Кросс-медийная редакция не имеет четкой организационной структуры. Здесь все журналисты могут объединяться по тематическому принципу. Целью такой редакции является производство мультимедийного продукта, сочетающего в себе и звуковые, и текстовые, и изобразительные элементы. Поэтому в подобного рода редакциях, как правило, работают универсальные журналисты, владеющие всеми мультимедийными инструментами. Несмотря на отсутствие четкой специализации, сотрудники мультимедийной редакции могут объединяться в различные творческие группы, за каждой из которых может быть закреплена определенная тема. Особенно часто такие тематические группы образуются при подготовке лонгрида. После совместного обсуждения всех аспектов темы каждый сотрудник берется за разработку своего блока. Одни, допустим, занимаются сбором и обработкой информации, другие отвечают за видеосъемку, третьи — за монтаж, четвертые — за обработку данных и редактирование конечного контента и т. д. По такому принципу готовятся и другие материалы.

Интегрированная редакция напоминает традиционную редакцию, разделенную на тематические отделы. Однако здесь нет четкой специализации журналистов. Если журналист, допустим, работает в спортивном отделе, то он должен писать о всех спортивных мероприятиях. С одной стороны, это позволяет ему быть включенным в освещение всех спортивных мероприятий, а с другой — работать только в рамках своего тематического отдела. Основным преимуществом интегрированной редакции является то, что любой тематический отдел обеспечивает контентом разные каналы и порталы.

Мультимедийная редакция — одна из сложнейших организационных структур в новых медиа [4; 5]. Здесь вся работа коллектива делится по каналам связи, объединенных в один медиахолдинг. Специфика работы мультимедийной редакции заключается в том, что каждый производственный отдел, будь то радиальный или телевизионный, газетный или иллюстративный, готовит материалы для всех каналов. Телевизионный сюжет, подготовленный тележурналистами, может быть размещен и на сайте, и на других платформах медиахолдинга. Именно поэтому особое внимание при организации работы мультимедийной редакции, по мнению респондентов, уделяется тематическому планированию. Здесь выпускающим редакторам, стоящим во главе каждого канала, приходится учитывать множество факторов, начиная от выработки единой информационной повестки дня и кончая последовательностью размещения материалов на различных каналах и платформах.

Тщательно детализированный план, по мнению респондентов, помогает лучше ориентироваться в многозадачности, с которой сталкиваются журналисты. Ведь каждый из них призван готовить материалы сразу для нескольких платформ. Поэтому выпускающие редакторы особое внимание уделяют следующим аспектам:

- выработке основных требований к представлению контента для того или иного носителя: хронометраж, жанровое воплощение, количество мультимедийных элементов, наконец, формы интерактивной взаимосвязи с аудиторией;
- разработке редакционных стандартов. В данном случае для каждого канала прописываются свои требования в представлении материалов. Допустим, в стан-

дарте могут быть указаны следующие параметры: из каких мультимедийных элементов должен состоять видеорепортаж; по какому принципу должны публиковаться материалы в социальных сетях и с какой периодичностью; из каких блоков должно состоять интервью для того или иного канала; какая инфографика и другой изобразительный материал необходимы при публикации статей и т. д.

Другим немаловажным фактором при организации работы мультимедийной редакции является учет реального времени и четкое разграничение функциональных обязанностей между сотрудниками. Неэффективно, если сотрудники редакции имеют дублирующие функции или имеют двойное подчинение. В таких случаях менеджеры быстро и оперативно перераспределяют редакционные обязанности. Очень часто в мультимедийных редакциях, по мнению респондентов, функциональные обязанности дублируются у дизайнеров и верстальщиков, фотографов и бильд-редакторов. Узким местом будет и то, что зачастую опытного специалиста привлекают к выполнению работ, которые мог бы выполнить менее опытный сотрудник.

В ходе подготовки мультимедийного материала могут возникнуть различного рода производственные нестыковки и разногласия, связанные с конкуренцией за использование редакционных ресурсов. Допустим, в редакции находится только два мощных монтажных компьютера, но из-за отсутствия графика использования данной техники между сотрудниками возникают конфликты. Редакционные разногласия могут возникнуть из-за вопросов, связанных с очередностью публикаций материалов на различных носителях, что говорит об отсутствии контент-плана. Как считают респонденты, подобного рода разногласия в мультимедийной редакции решаются только за счет четких планов и инструкций, графиков и дедлайнов.

Детально разработанная организационная схема работы редакции необходима для того, чтобы производственный конвейер по выпуску мультимедийной продукции работал бесперебойно. Конечно, к такому отлаженному механизму работы люди приходят со временем. И задача редакционных менеджеров заключается в том, чтобы как можно четче наладить совместную работу сотрудников редакции.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были сформулированы основные подходы в планировании работы конвергентной редакции. Далее разберем их более детально. В основе этих подходов, по утверждению наших респондентов, всегда лежат вполне конкретные и понятные для всех членов редакционного коллектива цели и задачи. При этом, чтобы создать работающую систему планирования, менеджерам необходимо хорошо знать особенности функционирования конвергентной редакции, все производственные этапы подготовки мультимедийного продукта, взаимосвязь творческой части редакции с технической, имеющиеся в редакции ресурсы, качественный и количественный состав аудитории, ее информационные запросы и потребности, наконец, хорошо ориентироваться во всех трендах, наметившихся на информационном рынке. Все эти знания позволяют комплексно подойти к планированию работы редакции на основе тех принципов, которые там приняты.

Системный подход в планировании работы конвергентной редакции предполагает учет взаимосвязанных элементов, из которых состоит производство мультимедийного продукта. В данном случае менеджерам необходимо знать ответы на следующие вопросы: «Какой контент и в каком объеме для какого канала необходим?», «Какие творческие и технические ресурсы необходимы для его реализации?», «Какие творческие группы и в каком количестве нужно создать для разработки и реализации того или иного проекта?», «Сколько времени потребуется для сбора информации и для ее дальнейшей компоновки для различных медийных платформ?»,

«Какие информационные ожидания аудитории будут удовлетворены подготовкой тех или иных материалов?» и т. д.

Если рассматривать ответы на все эти вопросы, то получится определенное множество вариантов. Задача системного планирования будет заключаться в том, чтобы на основе полученных вариантов, найти именно те, которые в той или иной степени будут пересекаться с этим множеством. Допустим, при освещении того или иного общественно важного события журналисты могут не только собрать информацию о самом мероприятии, но и взять теле- или радиointервью у собравшихся на этом мероприятии известных людей, которые могут выйти отдельными материалами. В этом случае эти публикации должны быть обязательно запланированы в редакционном плане. В таком случае на само мероприятие может быть отправлен не один журналист, но и видеооператор.

При системном планировании важно следовать принципу совместимости планов различных отделов и их непротиворечивости. Как показывает практика, системное планирование при всех его плюсах все же дает сбои, потому что в нем очень сложно учесть все детали, так как жизнь редакции, да и события, происходящие в социуме, очень многообразны и порой просто непредсказуемы. Поэтому, по признанию респондентов, сегодня в конвергентных редакциях пытаются перейти на принципы многоуровневого планирования¹. И, возможно, это вполне оправдано в условиях крупного медиахолдинга.

В чем же заключается данный подход? Для снятия противоречий между различными каналами, объединенными «под одной крышей», планирование их работы может быть развернуто на трех уровнях: оперативном, тактическом и стратегическом. На оперативном уровне составляется детализированный план работы. На тактическом — вырабатываются наиболее приоритетные сферы. На стратегическом — определяются основные цели и задачи деятельности. Наличие такого плана, по мнению респондентов, позволяет лучше ориентироваться в текущей работе, не упуская при этом перспективные направления деятельности.

Однако, как показывает практика, одного умелого планирования недостаточно. Современным редакционным менеджерам необходимо знать, что с переходом на конвергентные принципы работы изменилась вся производственная цепочка по подготовке мультимедийного продукта. Сегодня мультимедиазация рабочего процесса пронизывает все производственные процессы, требуя от всех сотрудников не только более расширенных профессиональных компетенций, но и умений. Особое место занимает в мультимедийных редакциях управляющее звено, основной функцией которого выступает координация работы разных служб и творческих команд при создании конечного информационного продукта.

Благодаря проведенному нами исследованию мы пришли к следующим результатам:

- 1) перестройка традиционных редакций в конвергентные была обусловлена рядом объективных причин, которые, с одной стороны, связаны со слиянием ранее несовместимых каналов СМИ (радио, ТВ, газета) в рамках единых медиахолдингов, а с другой — с изменением цикла производства медиапродуктов и их публикации;
- 2) создание конвергентных редакций сопровождалось решением комплекса проблем, начиная от форм организации производственного процесса и заканчивая поиском оптимальных форматов презентации информации на различных носителях;
- 3) в зависимости от характера работы журналистов, от способов их совместной деятельности, наконец, от специфики создания контента, стали формироваться

¹ Отметим, что данные поиски на уровне редакций продолжаются. Поэтому схему многоуровневого плана мы строим из тех вариантов, которые были предложены нашими респондентами в ходе обсуждения данной проблемы.

разные типы конвергентных редакций. Нами выделяются кросс-медийная, интегрированная, мультимедийная редакции;

- 4) технологические новации позволили в рамках одной мультимедийной редакции совместить производство разных видов контента на основе одного исходного материала. Мультимедиатизация редакционного процесса коснулась работы всех сотрудников СМИ, что требует от них овладения более универсальными профессиональными компетенциями;
- 5) особое место занимает в мультимедийных редакциях управляющее звено, основной функцией которого выступает координация работы разных служб и творческих команд при создании конечного информационного продукта.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования определено влияние технологических новаций на перестройку всей редакционной работы; изучены основные принципы организации и планирования труда сотрудников новых медиа и др. Анализ показал, что основной функцией конвергентных редакций является однократное совместное производство контента и его многократное распространение по различным медийным платформам. Именно в этом, по мнению респондентов, заключается принципиальное отличие конвергентных редакций от традиционных. Поиски эффективных моделей в организации работы мультимедийной редакции и создания контента привели к внедрению в редакционную практику новых форм планирования и управления контентом, к изменению функциональных обязанностей сотрудников СМИ, к появлению новых журналистских специализаций, наконец, к мультимедиатизации не только всего производственного цикла по выпуску медийного продукта, но и его дальнейшего продвижения к потребителю.

Литература

1. *Вартанова Е. Л.* К чему ведет конвергенция СМИ // Информационное общество. 1999. Вып. 5. С. 11–14.
2. *Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные* / под ред. А. Г. Качкаевой. М., 2010. 200 с.
3. *Загидуллина М. В.* Стремительное развитие технологий как вызов профессии журналиста // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5. С. 7–8.
4. *Кирия И.* Что такое мультимедиа? // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010. С. 13–29.
5. *Молчанова О. И.* Конвергентная редакция как новый тип организации редакционной структуры СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 157–166.
6. *Мультимедийная журналистика : учебник для вузов* / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

Об авторах:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, доцент; kim-mn@ranepa.ru

Пак Екатерина Максимовна, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат филологических наук; pak-em@ranepa.ru

References

1. Vartanova E.L. What does media convergence lead to // Information society. 1999. Is. 5. P. 11–14.

2. Journalism and convergence: why and how traditional media are turning into multimedia / ed. A. G. Kachkaeva. M., 2010. 200 p.
3. Zagidullina M.V. The rapid development of technology as a challenge to the profession of a journalist // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. N 5. P. 7–8.
4. Kiriya I. What is multimedia? // Journalism and convergence: why and how traditional media are turning into multimedia. M., 2010. P. 13–29.
5. Molchanova O.I. Convergent editorial office as a new type of organization of the editorial structure of the media // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. N 1. P. 157–166.
6. Multimedia journalism: a textbook for universities / ed. by A. G. Kachkaeva, S. A. Shomova; National research University "Higher School of Economics". M. : Ed. house of the Higher School of Economics, 2017.

About the authors:

Maxim N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communication of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology Sciences), Associate Professor; kim-mn@ranepa.ru

Catherine M. Puck, Associate Professor of the Chair of Journalism and Media Communication of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philology; pak-em@ranepa.ru

Роль Генерального плана в развитии современных городов на примере Санкт-Петербурга

Минина М. В. *, Рехаккайнен Д. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *minina-mv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен процесс формирования Генерального плана Санкт-Петербурга. Выявлены недостатки существующего Генерального плана Санкт-Петербурга. Проанализированы понятие Генерального плана, документы территориального планирования, процесс внесения изменений в Генеральный план Санкт-Петербурга. На основе проведенного исследования автор предложил решение, направленное на оптимальное функционирование Генерального плана.

Ключевые слова: Генеральный план, территориальное планирование, долгосрочное планирование, функциональные зоны, публичные слушания

Для цитирования: Минина М.В., Рехаккайнен Д. А. Роль Генерального плана в развитии современных городов на примере Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 82–93.

The Role of the General Plan in the Development of Modern Cities on the Example of St. Petersburg

Marina V. Minina*, Daria A. Rehakkainen

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *minina-mv@ranepa.ru

ABSTRACT

This article discusses the process of forming the General Plan of St. Petersburg. The shortcomings of the existing General Plan of St. Petersburg are revealed. The concepts of the General Plan, territorial planning documents, the process of making changes to the General Plan of St. Petersburg are analyzed. Based on the conducted research, the author proposed a solution aimed at the optimal functioning of the General Plan.

Keywords: General plan, territorial planning, long-term planning, functional zones, public hearings

For citing: Rehakkainen D. A., Minina M. V. The role of the General Plan in the development of modern cities on the example of St. Petersburg // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 82–93.

Введение. Что такое Генеральный план

Что такое Генеральный план и зачем он нужен? Почему до сих пор сохранился в Санкт-Петербурге (да и по всей России) этот «пережиток социалистического строительства»? Неужели без долгосрочного планирования «невидимая рука рынка» не может обеспечить избалованным современным уровнем комфорта потребителям приемлемое для них качество жизни в большом мегаполисе?

Попробуем с помощью простых и понятных обычному «пользователю» слов разобраться: что сегодня представляет собой Генеральный план Санкт-Петербурга,

какое значение имеет для города, с помощью каких способов и средств участвует этот документ в жизни и развитии Северной столицы и как его улучшить в будущем.

Генеральный план поселения есть неотъемлемое и одно из самых важных условий успешного развития современного города, к коим, несомненно, нужно отнести и Санкт-Петербург.

Генеральный план является основным градостроительным документом, начиная от уровня муниципального образования и до городов федерального значения.

В действующем законодательстве есть несколько отсылок и формулировок этого документа. Так, в ст. 4 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» приведено такое определение: «Генеральный план Санкт-Петербурга является документом территориального планирования субъекта Российской Федерации — города федерального значения Санкт-Петербурга»¹.

Для понимания термина «территориальное планирование» следует обратиться к ст. 23 Градостроительного кодекса РФ: «Генеральный план содержит положение о территориальном планировании; карту планируемого размещения объектов местного значения поселения или городского округа; карту границ населенных пунктов (в том числе границ образуемых населенных пунктов), входящих в состав поселения или городского округа; карту функциональных зон поселения или городского округа».

Таким образом, Генеральный план Санкт-Петербурга — это графическое двухмерное изображение города Санкт-Петербурга с указанием его границ и имеющихся в нем функциональных зон, с описанием размещения объектов недвижимости внутри этих границ и функциональных зон.

Причем это изображение фиксирует как существующее положение дел, так и обозначает перспективу — те объекты, которые могут появиться в будущем физически.

«Образ будущего»

Генеральный план Санкт-Петербурга дает отправную точку (описывает настоящее) для начала движения и указывает направление движения (описывает будущее) на определенный промежуток времени.

Если с настоящим мы худо-бедно разбираемся (архитектурная и художественные школы в России всегда были сильны, и изобразить то, что видят глаза, мы можем неплохо), то с формированием «образа будущего» на любом уровне на протяжении последних трех десятилетий обычно возникают проблемы.

В части исследуемой темы некоторый разрыв в фиксировании настоящего и визуализации будущего можно объяснить несколькими факторами. В Советском Союзе планирование было всеобъемлющим, во всех сферах жизни, включая территориальное развитие. Генеральные планы были органической частью такого планирования. «Генеральный план города решал вопросы взаимосвязанного размещения мест приложения труда и расселения трудящихся, развития систем массового культурно-бытового и коммунального обслуживания населения, определения оптимальной системы магистральных улиц и перспектив развития пассажирского транспорта, содержал обоснование принципиальных решений по развитию инженерного оборудования и благоустройства территории, по охране окружающей среды и памятников истории и культуры» [3, с. 468].

¹ Закон Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» от 24.11.2009 № 508-100 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=94081-0&req=doc&rnd=jDcgoA&base=SPB&n=2655718cDi1RTMVRIZLv0x> (дата обращения: 23.02.2023).

Особая градостроительная документация существовала для крупнейших городов, к которым относили мегаполисы с численностью населения свыше 500 тыс. жителей. В этом случае разрабатывался не только сам Генеральный план города, но и технико-экономические основы (ТЭО) этого документа. В Генеральном плане формулировали две составляющие: первая очередь охватывала первые 5 лет его действия, при этом весь срок реализации был 20 лет. Стадия ТЭО была особенно важна в части описания градообразующей основы, что позволяло, отталкиваясь от нее, формулировать предложения по планировке территорий города, а также прогнозировать демографическую ситуацию.

Процедура утверждения Генерального плана любой территории была сопряжена с государственной экспертизой. Проходила она в два этапа. ТЭО подвергались экспертизе Госплана СССР. Далее Генплан утверждал Госстрой СССР. С середины 70-х гг. XX в. некоторые генеральные планы экологически неблагополучных городов стали рассматриваться Государственной экологической экспертизой, которую проводило Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов.

Тем не менее существовали и определенные упущения в градостроительной политике советского периода. Укажем лишь наиболее важные из них:

- 1) слабая концептуальная проработка плана развития города;
- 2) перекос в части сопряжения социального и производственного факторов развития городов — производственное всегда довлело над социальной инфраструктурой;
- 3) слабая экологическая составляющая;
- 4) непроработанность механизма реализации Генерального плана, отсутствие ссылок на источники покрытия издержек. Это, в принципе, было одной из системных ошибок любой управленческой модели;
- 5) объем и сложность проектной документации вкупе с графическими изображениями на бумаге, что сейчас, в век информационной революции, кажется непонятным фактором.

Но при этом нельзя не упомянуть наличие тщательных расчетов, которые помогали осуществлять оценку эффективности всех градостроительных решений и делать прогнозы о состоянии города на ближайшую перспективу.

Сейчас документы территориального планирования, в том числе Генеральные планы, разрабатываются на основе многочисленных различных стратегий: программ развития приоритетных отраслей экономики, масштабных национальных проектов, программ социально-экономического развития отдельных субъектов РФ, планов комплексного развития муниципальных образований и т. д. и т. п. [2, с. 47]. Каждый год их становится больше, но согласованность между ними и координация при их реализации пока явно недостаточные. И нет никакого «общего плана»: а какую страну и на каких принципах мы строим?

И все это усложняется многочисленным бюрократическим аппаратом, у которого отсутствует эффективный правовой механизм персональной ответственности за результат своих действий и решений. Имеющиеся механизмы, как правило, ограничены достаточно малыми сроками давности привлечения к административной ответственности.

Примером в данном случае могут служить проектные ошибки, допущенные при строительстве многоквартирных жилых домов: срок давности для предъявления претензий к качеству построенного жилья общий, всего три года, а все скрытые недостатки, чаще всего, выявляются позже. В результате ответственность несет не компания-застройщик, а сами собственники квартир, которые за свой счет устраняют выявленные недостатки.

Цена и масштаб ошибок, допущенных при создании документов территориального планирования, гораздо выше.

Нормативная база

Количество нормативных актов, которое нужно учитывать при формировании Генерального плана Санкт-Петербурга, постоянно увеличивается и их взаимосвязи усложняются.

В ч. 5 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ перечислены некоторые документы из этой базы: «Подготовка документов территориального планирования Российской Федерации осуществляется на основании отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации, в том числе генеральных схем в топливно-энергетических и транспортных отраслях, стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документах в области обеспечения безопасности с учетом положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации, национальных проектов, межгосударственных программ, государственных программ Российской Федерации, инвестиционных программ субъектов естественных монополий, решений органов государственной власти, иных главных распорядителей средств соответствующих бюджетов, предусматривающих создание объектов федерального значения, а также сведений, содержащихся в федеральной государственной информационной системе территориального планирования»¹.

Есть много других нормативных актов, требования которых необходимо принимать при территориальном планировании. Среди них можно выделить:

Постановление Правительства РФ от 13 ноября 2006 года № 680 «О составе схем территориального планирования Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 23 марта 2008 года № 198 «О порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации»; Приказ Министерства регионального развития РФ от 26 мая 2011 г. № 244 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов» и другие.

Без установления четких и понятных принципов формирования Генеральных планов поселений, которые остаются неизменными на протяжении десятилетий, количество документов в нормативной базе будет расти, планы будут наполнены противоречиями, а конструкция создания документов территориального планирования будет неустойчивой.

Принципы формирования Генерального плана

Градостроительство не может опираться только на сегодняшний уровень развития общества, так как любой градостроительный проект рассчитан на достаточно длительный срок — так, обычный генеральный план обычного поселения определяет его перспективу развития минимум на ближайшие 20 лет [4, с. 5]. В этой связи навыки прогнозирования, особенно в части стратегического планирования, должны быть присущи любому градостроительному ведомству и его сотрудникам, петербургским не в последнюю очередь, принимая во внимание ценность города как целостного архитектурного ансамбля. В настоящее время легко изменяются границы зон зеленых насаждений, как регулярно увеличиваются размеры различных зон отчуждения (железной дороги, газопроводов и т. п.), как бездумно меняются назначение и виды разрешенного использования земельных участков.

Согласно ст. 1 Закона Санкт-Петербурга «О зеленых насаждениях в Санкт-Петербурге», «зеленые насаждения — это древесные, кустарниковые, травянистые растения

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 23.02.2023).

и цветники естественного (выросшие в результате естественных процессов, без ведения хозяйственной деятельности человека) и искусственного (высаженные в результате хозяйственной деятельности человека) происхождения, расположенные на территории Санкт-Петербурга.

Правила охраны и использования территорий зеленых насаждений общего пользования, территорий зеленых насаждений, выполняющих специальные функции (в части уличного озеленения), территорий зеленых насаждений ограниченного пользования (в части земельных участков, предоставленных в постоянное (бессрочное) пользование государственным учреждениям Санкт-Петербурга) устанавливаются Правительством Санкт-Петербурга¹.

Земля в любом мегаполисе является самым ценным ресурсом. Чем крупнее город, тем больше различных структур — государственных институтов, представительств бизнеса и общественных организаций претендуют на территорию, транспортно-логистическую и жилищно-коммунальную инфраструктуру, здания промышленного и гражданского строительства. В этой связи Генеральный план — это важный документ, позволяющий с наибольшей эффективностью обозначить решения всех городских градостроительных проблем, увязанных между собой, для обеспечения бесперебойной работы городского хозяйства и социальной инфраструктуры.

Главная задача Генерального плана — не допустить хаотичную застройку территории и не довести ситуацию в городе до пресловутой «Вавилонской башни». Вавилонская башня — архитектурное сооружение в древнем городе Вавилон. Согласно легенде, люди хотели построить башню до небес, но Боги прогневались за такое намерение и наказали людей, наделив их разными языками. В результате строительство башни не было завершено. Сама башня несколько раз разрушалась и реконструировалась. Тем самым хотелось сказать, что отсутствие долгосрочного скоординированного на всех уровнях плана приведет ни к устойчивому развитию города, а к хаосу на его территории и саморазрушению.

Генеральный план должен отвечать за четкое планирование самой структуры города путем его разделения на функциональные зоны по видам их использования: жилая застройка, промышленная застройка, транспортная инфраструктура, общественно-деловая застройка, места отдыха населения, зеленые насаждения и т. д.

Согласно ст. 3 Приказа Министерства регионального развития РФ от 26 мая 2011 г. № 244 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов», «Функциональные зоны — зоны, для которых документами территориального планирования определены границы и функциональное назначение.

К функциональным зонам могут быть отнесены общественно-деловые зоны, жилые зоны, рекреационные зоны, производственные и коммунальные зоны, зоны инженерной и транспортной инфраструктур, зоны сельскохозяйственного использования, пригородные и иные функциональные зоны»².

Более подробное описание каждой зоны дано в ст. 3.1 Закона Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга».

«Жилые зоны предназначены для размещения жилой застройки односемейными (индивидуальными) и многоквартирными жилыми домами различных типов и этаж-

¹ Закон Санкт-Петербурга «О зеленых насаждениях в Санкт-Петербурге» от 28.06.2010 № 396-88 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=100386 tvB0FbT0EIqA96kk> (дата обращения: 23.02.2023).

² Приказ Минрегиона РФ «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов» от 26.05.2011 № 244 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114654/ (дата обращения: 23.02.2023).

ности. К жилым зонам относятся также территории коллективных садоводств. В жилых зонах допускается размещение отдельно стоящих, встроенных или пристроенных объектов социального и коммунально-бытового обслуживания населения Санкт-Петербурга, культовых зданий, стоянок автомобильного транспорта, гаражей и иных объектов. В зонах жилой застройки допускается размещение объектов общественно-делового назначения и инженерной инфраструктуры, связанных с обслуживанием данной зоны.

Общественно-деловые зоны предназначены для размещения общественно-деловой застройки различного назначения в соответствии с типами объектов. В общественно-деловых зонах допускается размещение гостиниц и иных подобных объектов, предназначенных для временного проживания граждан; общежитий, предназначенных для проживания лиц, обучающихся в учебных заведениях, расположенных на территории зоны, а также подземных или многоэтажных гаражей. В зоне многофункциональной общественно-деловой застройки также допускается размещение многоквартирной жилой застройки и объектов инженерной инфраструктуры, связанных с обслуживанием данной зоны.

Производственные зоны предназначены для размещения промышленных объектов различных классов вредности. В производственных зонах допускается размещение объектов транспортно-логистического, складского назначения и инженерной инфраструктуры, а также объектов общественно-деловой застройки, связанных с обслуживанием данной зоны.

Зоны инженерной и транспортной инфраструктур и объектов внешнего транспорта предназначены для размещения улично-дорожной сети дорог непрерывного движения и скоростных, городских магистралей, объектов городского транспорта, складов, объектов внешнего транспорта, в соответствии с типами объектов, указанными в наименованиях зон. В зонах инженерной и транспортной инфраструктур допускается размещение общественно-деловых объектов, связанных с обслуживанием данной зоны.

Зоны сельскохозяйственного использования предназначены для размещения сельскохозяйственных угодий, питомников и теплиц, а также производственных объектов сельскохозяйственного назначения в соответствии с типами объектов, указанными в наименованиях зон, а также для установления санитарно-защитных зон таких объектов в соответствии с требованиями технических регламентов. В зонах сельскохозяйственного использования допускается размещение объектов производственного назначения, а также объектов общественно-делового назначения и инженерной инфраструктуры, связанных с обслуживанием данной зоны.

Рекреационные зоны предназначены для размещения объектов отдыха, туризма, санаторно-курортного лечения, занятий физической культурой и спортом. В рекреационных зонах допускается размещение зеленых насаждений, выполняющих специальные функции (санитарно-защитного озеленения). В рекреационных зонах допускается размещение объектов инженерной и транспортной инфраструктур, а также объектов общественно-делового назначения, связанных с обслуживанием данной зоны.

Зоны специального назначения предназначены для размещения объектов специального назначения, размещение которых недопустимо на территории других функциональных зон, в том числе кладбищ, крематориев, территорий складирования отходов потребления и т.п., а также военных и иных режимных объектов. В зонах специального назначения допускается размещение объектов общественно-делового назначения и инженерной инфраструктуры, связанных с обслуживанием данной зоны»¹.

¹ Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане» от 22.12.2005 № 728-99 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=207754&dst=100000001C7wNUbT94XBnYdL9> (дата обращения: 23.02.2023).

При этом в использовании земель нужно постараться соблюсти баланс между социальными обязательствами государства (города) и экономической эффективностью. Генеральный план определяет объемы строительства и реконструкцию жилого фонда, социальных объектов, развитие транспортного комплекса и т. п. Также Цифровой Генплан обеспечивает информацией всех заинтересованных лиц о разных объектах недвижимости, об их характеристиках, возможностях и потенциале.

Генеральный план и современный город

Генеральный план — общепринятый в Российской Федерации документ. Его зарождение и использование началось еще в период советской власти. Именно тогда были определены основные цели и задачи этого документа. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 5 декабря 1987 г. № 1387 «О генеральном плане развития г. Ленинграда и Ленинградской области на период до 2005 года», «Генеральным планом развития г. Ленинграда и Ленинградской области на период до 2005 года предусматривается по основным направлениям экономического и социального развития г. Ленинграда и Ленинградской области и численности их населения»¹.

В настоящее время все населенные пункты, начиная от расположенных в муниципальных образованиях и заканчивая городами федерального значения Москвой, Санкт-Петербургом, Севастополем осуществляют планирование своего развития, в том числе на основании Генеральных планов.

Современные города стремительно развиваются, и многие люди стремятся переехать из маленьких городов в большие. Почему так происходит? Большие города предоставляют необходимый уровень комфорта, в них развитая инфраструктура, лучше выбор рабочих мест, образовательных учреждений, досуга, более высокий заработок и т. д.

Существует достаточно большой разрыв между крупными городами и маленькими. Качество жизни выше в большом городе, где в основном современные условия проживания, развита культура (театры, музеи, кинотеатры, выставки, парки развлечений и т. д.) и система здравоохранения, большие супермаркеты и торговые центры и многое другое. Большинство крупных компаний сосредоточено именно в больших городах, где они могут развиваться и расти, поэтому имеется достаточно большой выбор рабочих мест и соответствующий уровень заработной платы. В то время как в маленьких городах или поселках в основном всего несколько небольших магазинов, нередко отсутствуют культурные и развлекательные учреждения, намного меньше рабочих мест и меньше заработная плата. Можно еще сказать про разницу уровня образования. В крупных городах сосредоточено большое количество детских садов, школ с различными образовательными программами, учебных учреждений среднего профессионального и высшего образования. И многие будущие студенты стремятся уехать из небольшого города учиться в вуз в большом городе. Также очень отличается бюджет в городе и в любом небольшом поселке: в городе бюджет во много раз больше. Город имеет достаточно возможностей для развития и улучшения качества жизни людей, а маленькие поселения остаются на том же уровне развития.

На чем же должно базироваться развитие такого мегаполиса, как Санкт-Петербург? Оно строится, прежде всего, на долгосрочном планировании, в котором можно вы-

¹ Постановление Совета Министров СССР «О генеральном плане развития г. Ленинграда и Ленинградской области на период до 2005 года» от 5.12.1987 № 1387 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=64811DAOOUbT2UOsfDqh01> (дата обращения: 23.02.2023).

делить различные виды такого планирования: стратегическое, бюджетное, экономическое и многие другие.

Генеральный план — это только одно из направлений долгосрочного планирования, но, к сожалению, пока плохо связанное с остальными его направлениями.

Санкт-Петербург — крупный мегаполис, площадь и население которого постоянно увеличивается, и ему необходим четко и ясно сформулированный Генеральный план на несколько десятилетий вперед.

Сейчас формируется такой план вплоть до 2050 г., но проект пока не утвержден. Разработкой документа занимается Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Научно-исследовательский и проектный центр Генерального плана Санкт-Петербурга». СПб ГКУ «НИПЦ Генплана Санкт-Петербурга» находится в ведении КГА СПб. Согласно п. 1.8 ст. 1 Постановления Правительства Санкт-Петербурга от 19 октября 2004 г. № 1679 «О Комитете по градостроительству и архитектуре», «в ведении Комитета находятся Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие «Проектный институт по проектированию городских инженерных сооружений «Ленгипроинжпроект»», государственное учреждение «Центр информационного обеспечения градостроительной деятельности», государственное учреждение «Научно-исследовательский и проектный центр Генерального плана Санкт-Петербурга»¹.

Внесение изменений в Генеральный план

Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга разрабатывает проект Закона Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга» в соответствии с постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 14.09.2016 № 795 «О подготовке проекта закона Санкт-Петербурга «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга».

До недавнего времени в законе Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» имела статья «Подготовка, согласование и утверждение Генерального плана Санкт-Петербурга, внесение в него изменений», но ее исключили 23 августа 2021 г.

Сейчас сведения о некоторых принципах, этапах подготовки и изменений Генерального плана Санкт-Петербурга можно подчерпнуть из ст. 15 Градостроительного кодекса РФ:

- схема территориального планирования субъекта Российской Федерации (для нас — Генеральный план Санкт-Петербурга), в том числе внесение изменений в такую схему, утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (в нашем случае — Губернатором Санкт-Петербурга);
- проект схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации до ее утверждения подлежит обязательному согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, имеющих общую границу с субъектом Российской Федерации, обеспечившим подготовку проекта схемы территориального планирования, и органами местного самоуправления муниципальных образований, применительно к территориям которых подготовлены предложения по территориальному планированию, в порядке, установленном ст. 16 Градостроительного кодекса РФ;

¹ Постановления Правительства Санкт-Петербурга «О Комитете по градостроительству и архитектуре» от 19.10.2004 № 1679 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=5237968fDFbTqT89oLlvs> (дата обращения: 23.02.2023).

- заинтересованные лица вправе представить свои предложения по проекту схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации;
- органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, заинтересованные физические и юридические лица вправе представить предложения о внесении изменений в схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации¹.

Одним из обязательных этапов внесения изменений в Генеральный план Санкт-Петербурга является проведение процедуры публичных слушаний, которая, в соответствии с ч. 5 ст. 5.1 Градостроительного кодекса РФ, состоит из следующих этапов:

- 1) оповещение о начале публичных слушаний;
- 2) размещение проекта, подлежащего рассмотрению на публичных слушаниях, и информационных материалов к нему на официальном сайте и открытие экспозиции или экспозиций такого проекта;
- 3) проведение экспозиции или экспозиций проекта, подлежащего рассмотрению на публичных слушаниях;
- 4) проведение собрания или собраний участников публичных слушаний;
- 5) подготовка и оформление протокола публичных слушаний;
- 6) подготовка и опубликование заключения о результатах публичных слушаний².

Каждый житель города может принять участие в таких публичных слушаниях. При этом Правительство Санкт-Петербурга определяет временной интервал, в который население может предложить свои изменения в Генеральный план Санкт-Петербурга, и сделать это можно только в этот временной промежуток. Все предложения и замечания по формированию этого документа можно в электронном виде подать через официальный сайт Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга в разделе «Генплан» или в письменном виде — опустив их в ящик для корреспонденции в здании этого комитета на площади Ломоносова, д. 2³.

И чем активней позицию занимают горожане на публичных слушаниях, тем больше шансов склонить чашу весов не в пользу интересов бизнеса, а в пользу простых жителей и будущих поколений.

Недостатки Генерального плана

Хотелось бы обозначить некоторые из недостатков существующего Генерального плана в Санкт-Петербурге.

Генеральный план сегодня не может служить универсальной схемой территориального планирования Санкт-Петербурга, поскольку он пока не является тем ресурсом, где собрана полная актуальная информация о существующем положении дел на всех уровнях: федеральном, региональном и местном, а также информация о планах государственных органов, муниципалитетов, организаций, частных лиц, влияющих на изменение Генплана. Отсутствуют также четко прописанные нормативные и технические требования по формированию Генерального плана Санкт-Петербурга. Стратегическое и бюджетное планирование в настоящее время практически никак не скоординировано с составлением Генплана [1, с. 3]. Кроме того,

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 23.02.2023).

² Там же.

³ Как внести поправки в Генплан? // Еженедельник «Аргументы и факты». 2022. № 31 [Электронный ресурс]. URL: https://spb.aif.ru/city/event/kak_vnesti_popravki_v_genplan (дата обращения: 23.02.2023).

отсутствуют различные комплексные программы по реализации Генерального плана Санкт-Петербурга. Нет согласованности мероприятий по развитию инфраструктуры города между уровнями власти, монополистами, организациями-подрядчиками, в том числе по времени, что приводит к неоправданной потере бюджетных средств [Там же].

Цифровой Генеральный план

На сайте Комитета по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга размещен цифровой Генеральный план Санкт-Петербурга с различными слоями с зонами, объектами и т. д. (<https://portal.kgainfo.spb.ru/genplan>). Он удобен тем, что любое заинтересованное лицо может ознакомиться с имеющейся там информацией, с ее учетом планировать свои проекты и предлагать изменения в Генплан.

Цифровой Генеральный план включает в себя информацию по территориальному планированию (Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга»), по функциональному зонированию (карта города разделена на зоны, указывается тип зоны, ее описание и т. д.), объектам культурного наследия, планировочной структуре города, утвержденной разрешительной градостроительной документации, объектам регионального значения в различных областях социально-экономического развития Санкт-Петербурга в области образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, культуры, социального обслуживания, законности и правопорядка.

Но, к сожалению, цифровой Генеральный план Санкт-Петербурга имеется только в виде графического изображения, которое в настоящее время не отражает всей полноты картины необходимого городу долгосрочного планирования. Этот план пока в полной мере не скоординирован с прочими электронными базами, реестрами и схемами, которые формируются другими государственными органами (ЕГРП, Кадастровая карта и т. д.).

Цифровой опыт Сингапура

Одним из лидеров в использовании цифровых технологий является город Сингапур. В нем, как и в Санкт-Петербурге, есть цифровой Генеральный план (<https://www.ura.gov.sg/maps/>). Он представляет собой интерактивную карту с различными слоями. Цифровая карта сразу же разделена на функциональные зоны по цветам. Каждому цвету соответствует своя функциональная зона и ей соответствует свое обозначение, которое прописано в Законе о планировании «Письменные положения Генерального плана» 2019 г. В этом законе по каждой зоне указано ее использование, примеры разработок и комментарии по строительству в данной зоне. Также загружены и предыдущие Генеральные планы Сингапура, чего нет в Санкт-Петербурге.

В Сингапуре разрабатывают платформу под названием «Виртуальный Сингапур» с 2014 г. «Виртуальный Сингапур» — это цифровая трехмерная копия Сингапура, созданная на основе топографических и динамических данных в реальном времени. На основании этой платформы можно будет проводить симуляции и виртуальные испытания новых решений градостроительных задач. Данная платформа отличается от 2D-карт, которые не могут отображать местность в третьем измерении (лестницы, угол наклона дорожного полотна, бордюры, расположение и высоту деревьев и т. п.).

Государственные органы, агентства и ведомства с помощью этой платформы могут разрабатывать и согласовывать проекты и планы различных уровней, который будет реализовываться в одном месте. Данная платформа помогает визуализировать актуальный ландшафт с увязкой его с планами реконструкции или модернизации в текущем моменте и в будущем. Такой подход упрощает согласование

государственными органами, агентствами и ведомствами различных планов и проектов, их оптимизации в части общего дизайна, загруженности инфраструктуры и т. д.

«Виртуальный Сингапур» — это оптимальная платформа не только для государственных органов, но и для граждан, у которых имеются права на недвижимое имущество в городе. Платформа позволяет гражданам визуализировать обновления их имущества и предоставлять своевременно информацию соответствующим органам¹.

Платформу в 3D намного легче использовать для согласования деятельности всех уровней органов власти, городских служб, общественного транспорта, правоохранительных органов и т. д. Не возникает больших трудностей увидеть, где будут располагаться в городе велосипедные дорожки, инфраструктура для инвалидов, остановки общественного транспорта, дорожные указатели, столбы освещения и т. п. «Виртуальный Сингапур» — трехмерная цифровая версия Сингапура. В ней по каждому объекту есть сведения, достаточно навести курсор.

В «Виртуальном Сингапуре» можно в режиме реального времени отслеживать работу всего городского хозяйства и отдельных его частей. Любой проект, любую работу городских служб можно, как в виртуальном симуляторе, сначала поместить в 3D-модель Сингапура, тем самым избежав несогласованности между существующей инфраструктурой и новыми проектами, работой различных уровней городского хозяйства.

Общие выводы

На взгляд авторов статьи, нужна *единая цифровая платформа*, где должна содержаться вся актуальная информация о территории города и обо всех планах ее развития на всех уровнях. Причем разработана она должна быть как 3D-модель. Здесь можно использовать опыт Сингапура. Такая платформа будет бесценной при государственном долгосрочном планировании с привязкой к территории. Ее открытость позволит любому заинтересованному лицу в режиме онлайн посмотреть интересующую его территорию, ее особенности, какие планы у государства и у других лиц есть на эту территорию. Заниматься такой платформой должна специально созданная для этих целей федеральная государственная организация. Только она должна иметь возможность формировать наполнение этой цифровой платформы и вносить в него изменения.

Такая цифровизация позволит ускорить все процессы и согласования в долгосрочном территориальном планировании, быстрее сформировать более понятную правовую базу по формированию Генеральных планов поселений, в том числе города Санкт-Петербурга, уменьшить коррупционную составляющую в строительстве, улучшить управление коммунальным и дорожным хозяйством поселений, более эффективно обеспечивать комфорт жителей и постоянно улучшать городскую среду.

Любой градостроительный проект — регион, область, район, город, деревня — это сложнейшая многоуровневая система, в рамках которой переплетаются и взаимодействуют друг на друга десятки и сотни самых различных факторов — экономических, географических, экологических, демографических, социальных, технических, политических, этнических, религиозных, и успех проекта, а именно концепции Генерального плана, зависит от способности его авторов выявить и учесть эти факторы во всем их многообразии, взаимодействии и динамике. Соблюдение этих

¹ Правительство Сингапура: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nrf.gov.sg/programmes/virtual-singapore> (дата обращения: 23.02.2023).

принципов на практике ставит градостроителя в центр всех основных процессов развития любой территории, без него невозможно принятие обоснованных, стратегически важных для этой территории решений.

Литература

1. *Береговских А.* Генеральный план — сегодня и завтра [Электронный ресурс] // Метод. 2019. № 1. С. 2–5. URL: <https://gosmetod.ru/article/373147/>
2. *Грахов В. П., Кислякова Ю. Г., Худякова В. В.* Генеральный план как стратегия социально-экономического развития территории // Проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 4 (32). С. 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-plan-kak-strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territorii>.
3. *Лаппо Г. М.* География городов: учеб. пособие. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 480 с.
4. *Щитинский В. А.* Градостроитель — профессия или образ жизни? : сборник статей. СПб. : Зодчий, 2013. 152 с.

Об авторах:

Минина Марина Виссарионовна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; minina-mv@ranepa.ru

Рехааккайнен Дарья Алексеевна, студент факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dasharehakkainen@yandex.ru

References

1. *Beregovskikh A.* General Plan-today and tomorrow [Electronic resource] // Method Magazine. 2019. No. 1. URL: <https://gosmetod.ru/article/373147/> (in Rus).
2. *Grakhov V.P., Kislyakova Yu.G., Khudyakova V.V.* The General plan as a strategy of socio-economic development of the territory // Problems of economics and management. 2014. No. 4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-plan-kak-strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territorii> (in Rus).
3. *Lappo G. M.* Geography of cities. Tutorial. Moscow: VLADOS Center, 1997. 480 p. (in Rus).
4. *Shchitinsky V. A.* Urban planner — profession or way of life? : Collection of articles. St. Petersburg: Zodchiy Publishing House, 2013. 152 p. (in Rus).

About the authors:

Marina V. Minina, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences; minina-mv@ranepa.ru

Daria A. Rehakkainen, Student of the Faculty of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); dasharehakkainen@yandex.ru

Использование нестандартных методов продвижения в event-индустрии в условиях ограниченных ресурсов

Никитина О. О.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация; oxana_nikitina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Глобализация бросает компаниям вызов, требуя от них незамедлительного отклика на изменения в социуме и использования нестандартных методов продвижения, способных привлечь целевую общественность. Специальные события — эффективный инструмент продвижения бренда, но не лишенный сложностей. Даже в условиях ограниченного бюджета, при условии качественного управления, оригинального концепта и оперативного реагирования на текущие социально-экономические и политические перемены, специальные мероприятия способны приносить прибыль, повышать эффективность деятельности организации, выделять бренд на рынке, повышая тем самым конкурентоспособность компании. Каждое мероприятие требует разработки концепции как отдельной возможности наилучшим образом повлиять на целевую группу. Цель работы состоит в выявлении нестандартных способов продвижения специальных событий в условиях ограниченных ресурсов и определении их эффективности. Для достижения результата автор применил методы систематизации и обобщения уже имеющегося опыта по тематике исследования, а также приемы теоретического и эмпирического анализа, благодаря чему были разработаны рекомендации по использованию нестандартных методов продвижения в рамках решения задач по реализации специального события в современных условиях.

Ключевые слова: специальное событие, социально-экономические факторы, human to human, целевая аудитория, бюджет, эмоциональная связь с потребителем, показатели эффективности

Для цитирования: Никитина О. О. Использование нестандартных методов продвижения в event-индустрии в условиях ограниченных ресурсов // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 94–102.

Using Non-Standard Methods of Promotion in the Event Industry in Conditions of Limited Resources

Oksana O. Nikitina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation; oxana_nikitina@mail.ru

ABSTRACT

Globalization challenges companies, demanding from them an immediate response to changes in society and the use of non-standard methods of promotion that can attract the target public. Special events are an effective brand promotion tool, but not without difficulties. Even in conditions of a limited budget, provided high-quality management, an original concept and prompt response to current socio-economic and political changes, special events can bring profit, increase the efficiency of the organization, highlight the brand in the market, thereby increasing the competitiveness of the company. Each event requires the development of a concept as a separate opportunity to best influence the target group. The purpose of the work is to identify non-standard ways to promote special events in conditions of limited resources and to determine their effectiveness. To achieve the result, the author applied methods of systematization and generalization of existing experience on the subject of research, as well as methods of theoretical and empirical analysis, thanks to which recommendations

were developed on the use of non-standard methods of promotion within the framework of solving problems for the implementation of a special event in modern conditions.

Keywords: special event, socio-economic factors, human to human, target audience, budget, emotional connection with the consumer, performance indicators

For citing: Nikitina O. O. The use of non-standard methods of promotion in the Event industry in conditions of limited resources // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 94–102.

Введение

Создание специальных событий является важным инструментом для построения эффективной коммуникации между компаниями и конечными потребителями. Достаточно часто мероприятия, регулярно проводимые компанией, приобретают традиционность, популярность, становятся сравнимы с рекламными инструментами и могут носить доминирующий характер в коммуникационно-маркетинговой политике предприятия [10]. Специальное событие имеет большое количество преимуществ для продвижения компании, так как обеспечивает широкий охват целевой аудитории, способствует формированию положительного имиджа [1; 3; 9]. Заявляют о своих ценностях, стимулируют продажи, а также позволяют компаниям привлекать внимание, как к социально активным организациям. Этот выбор сегодня является актуальным для бизнеса, где качество, связанное с социальной инициативой и ответственностью, становится приоритетом любой фирмы и условием для успешного развития.

В настоящее время изменения на рынке происходят очень быстро, конкуренты используют нетривиальные подходы в коммуникационной деятельности, а потребители становятся более притязательными при выборе товаров. Специальное мероприятие в современной кризисной ситуации является подающим большие надежды направлением коммуникационной политики в любом бизнес-проекте. Event-формат предполагает совмещение делового и неформального общения, что создает благоприятную атмосферу для решения проблем и задач разного характера. В рамках проведения event-мероприятия компания-организатор получает возможность личного взаимодействия со своей аудиторией, которая включает как клиентов и сотрудников, так и инвесторов и СМИ, что позволяет максимально быстро отследить настроение аудитории, установить эмоциональную связь и продлить эффект от коммуникации на долгосрочную перспективу. Высокая эффективность специального события обусловлена тем, что данный канал продвижения позволяет компании и ее представителям зафиксировать свой статус эксперта и в понятной и доступной форме донести до потребителя основные характеристики и преимущества предлагаемых товаров или услуг [4].

Теоретический аспект понятия «специальное событие»

В современном дискурсе существует огромное количество различных определений специальных событий, рассмотрим некоторые из них.

По мнению Александра Шумовича, специальное мероприятие представляет собой «событие, которое заранее организуется для группы людей, встречающихся и взаимодействующих для решения актуальных и общих для всех проблем и достижения конкретных целей» [14].

А. Е. Назимко в своем определении понятия обращает внимание на взаимосвязь специального мероприятия и бренда: «Событие — это такое мероприятие, которое изменяет отношения целевых аудиторий и бренда, и обладает в их глазах субъективной значимостью» [12].

Карен Кули справедливо делает акцент на ценностях бренда и считает, что специальное событие способствует акцентированию внимания потребителей именно на них, а также на главных атрибутах бренда в ходе двусторонней коммуникации [7].

А. В. Зимина и Н. М. Воловская в своей книге дают следующие определения: с одной стороны, специальные мероприятия — современный инструмент продвижения товаров и услуг, позволяющий передавать потребителям наиболее полную информацию. С другой стороны, они направлены на продвижение товарных марок с помощью ярких событий [5].

Г. Л. Тульчинский характеризует специальные события как «современное, эффективное и относительно недорогое продвижение товара в рамках перенасыщенности потребительского общества, разросшегося до невероятных размеров информационного потока рекламных сообщений» [13, с. 80]. В основе этой концепции, по мнению автора, «лежит задача не надоесть клиенту своей бесконечной рекламой, попытками заставить его потреблять тот товар или услуги, которые выгодны именно вам, а дать ему мнимое ощущение свободы, будто это вы подстраиваетесь и предугадываете его нужды, а не навязываете ему свои способы и объемы потребления» [там же].

Единой трактовки понятия специального события нет, мы можем охарактеризовать его как коммуникационную деятельность, целью которой является продвижение компании или бренда с помощью комплексных технологий, включающих в себя элементы прямой и непрямой рекламы, а также инструментарий public relations.

Анализируя, предложенные уважаемыми авторами, дефиниции, можем сделать вывод, что специальные события — это заранее спланированные мероприятия, проводимые в строго определенных пространственно-временных рамках, оригинальные по замыслу, соответствующие образу компаний, и осуществляемые с различными целями, как-то: привлечения внимания общественности; формирования благоприятного образа; повышения доверия; увеличения эффективности рекламы по отношению к самой компании, ее деятельности и продуктам; возрастания узнаваемости и укрепления лояльности; установления эмоциональных взаимосвязей компании с потребителями; трансляция основополагающих ценностей контактной аудитории; установления прочных партнерских отношений и получения обратной связи.

Прогнозы развития event-индустрии на отечественном рынке

За последние два года в связи с пандемией увеличилось количество мероприятий, проводимых в цифровой среде, что повлияло на применение новых технологий. Исследования HTC Vive показывают, что использование VR (виртуальной реальности) возросло в течение пандемии, так как при удаленной работе и мероприятиях людям не хватает контакта и погружения, в связи с чем повысился интерес к коллаборативным платформам, в основе которых лежат phygital-технологии. Этот новый иммерсивный формат мероприятий — один из новых трендов, появившихся в результате пандемии [15]. В целом тренд на использование новых технологий в event-индустрию начался задолго до наступления пандемии, но он был только усилен за последнее время, и сейчас некоторые российские компании продолжают эффективно внедрять диджитал-инструменты для автоматизации и упрощения процессов при реализации специальных мероприятий.

Основным негативным фактором влияния на event-индустрию является экономическая и социальная ситуация в стране и благосостояние граждан в целом. Сегодня снижение доходов населения приводит к сокращению бюджетов мероприятий или отказу от услуг отраслевых агентств. Ситуация требует разработки

гибкой ценовой политики, увеличения спектра оказываемых услуг и привлечения потенциальных клиентов из разных отраслей деятельности, а также использования нестандартных методов продвижения, способных заинтересовать и привлечь потенциальных потребителей. Практики призывают экспериментировать с форматами, отходить от «золотого стандарта» события, чтобы сделать что-то особенное и уникальное [2]. Вследствие этого возрастают требования к смысловой нагрузке и содержанию событий, что вызывает необходимость в глубокой проработке event-концепций.

Разработка концепта специального события в условиях ограниченного бюджета

Важными элементами подготовки любого событийного мероприятия являются разработка программы с целью определения его целей и задач, подготовка основных этапов, расчет бюджета и создание креативных идей, оценка эффективности и контроль проведения [6; 8].

В центре нашего внимания формат закрытой пресс-конференции в бьюти-сфере. Это традиционная и эффективная форма PR-продвижения бренда и приращивания публичного капитала компании в данном сегменте.

Существует установившийся «золотой стандарт» формата проведения пресс-конференций в бьюти-отрасли. Он состоит из информационной части, состоящей из выступления экспертов, тестирования продукта и дискуссии. И развлекательной части, куда входят мастер-классы, перформансы, лотереи, выступление артистов и прочие, так называемые, активности; а также неформальное общение представителей компании и целевых групп, фуршет, обеспечение целевой общественности PR-материалами и подарками от бренда.

Данный формат пресс-мероприятий в бьюти-сегменте в России существует более 20 лет и активно меняется с включением в коммуникационный процесс цифровых технологий, о чем и было сказано выше. Интересно, что трансформация касается, как правило, второй части специального события — развлекательной. Информационная остается практически неизменной. Те же требования и та же реализация — грамотный, харизматичный эксперт-спикер, качественная, насыщенная фактами презентация, с интересной визуализацией. Хронометраж не более 20–30 мин.

Нет сомнений, что использование технологий дополненной и виртуальной реальности в event-сфере может дать целевой аудитории уникальный эмоциональный опыт, а внедрение актуальных цифровых IT-технологий поможет оптимизировать процессы исследования оценки эффективности события. Но нельзя не учитывать, что в ситуации социально-экономических вызовов не все компании готовы выделить бюджет на привлечение новейших диджитал-разработок в рамках реализации пресс-конференции.

Может ли специальное событие в бьюти-сегменте в рамках ограниченного бюджета и, соответственно, без использования цифровых технологий, быть с оттенком сенсации, причем в содержательной, информационной части? Если да, то насколько это будет эффективно решать поставленные бизнесом задачи?

Спроектируем ситуацию на примере запуска мужского антивозрастного средства по уходу за кожей лица французского косметического бренда Sisley. Для марки это стратегический запуск, так как за полувековую историю своего существования Sisley выпускала средства только для женщин. Конкурентные преимущества бренда в своем сегменте: Sisley — компания-первооткрыватель в области фитокосметологии, использует натуральные экстракты растений для создания возрастных средств по уходу. Ноу-хау исследовательских лабораторий компании основано на объединении экспертного знания о коже — ее механиз-

мах и окружающей среде — и уникального опыта и мастерства в области фитокосметологии.

Целевая аудитория пресс-конференции: представители СМИ, блогеры и лидеры общественного мнения.

Основными целями события является увеличение узнаваемости о новом средстве по уходу за кожей лица, привлечение целевых аудиторий к продуктам бренда, обозначение своих ценностей, позиционирование деятельности компании на рынке бьюти-индустрии. Для реализации проекта автор предлагает использовать стратегию H2H (human to human), которая основана на установлении доверительного контакта с аудиторией и направлена на создание не только ярких впечатлений, но и на формирование памяти у целевых групп, что, конечно, потребует более тщательной, ответственной и детальной проработки события.

Мы рекомендуем информационную, формальную часть пресс-конференции, транспонировать в нативный формат драматической постановки. Точнее, разыграть одноактную пьесу по мотивам пресс-релиза нового мужского продукта марки Sisley, запускаемого на российском рынке.

Это ставит перед брендом эстетические и коммуникационные задачи, которые можно решить, например, через филологические приемы. С одной стороны — пьеса должна быть написана в лучших традициях французской классической литературы (*Sisley — французская компания*), быть наполнена озорством, самоиронией, непринужденностью. С другой стороны, необходимо создать в пьесе информационно-рекламные послания, которые должны восприниматься аудиторией как естественные. Одно из таких сообщений необходимо связать с использованием природных ресурсов, а точнее, с мыслью о том, что наука только «подносит блюдо», а руководит всем природа. И оно очень созвучно посланию эпохи. Если в XX в. наука управляла природой, а иногда и ломала ее, то сегодня идеологический вектор поменялся — экологические тенденции необратимы, потребителю сегодня особенно важно не только то, что он покупает, но и история, связанная с производством покупки. Второе сообщение связано с побуждением к практическим действиям: «Мы добываем энергию из недр природы и помогаем потребителю сохранить естественную красоту и молодость. Не веришь? Возьми средство и проверь!»

Фабула произведения должна быть проста, но соответствовать законам жанра, а именно: в центре сюжета пьесы может быть представлен конфликт двух мнений, антагониста и протагониста, Скептика и Адепта марки Sisley. В результате горячего спора и «эмпирического исследования» Скептик, верящий только фактам, должен принять сторону Адепта бренда.

Через ритмику стиха необходимо добиться определенного эмоционального настроения, заложенного в сюжете. Первую часть можно начинать с 6-стопного ямба. Это торжественный размер, на котором написаны лучшие трагедии французского классицизма. Когда нарастает напряжение конфликта, необходимо поменять ритм: шестистопный яmb сменить на пятистопный, а затем на четырехстопный. К кульминации и развязке: когда острота спора достигает апогея и герои от теории переходят к практике и разрешают спор, логично повторить ритмический треугольник, но уже другого формата, пятистопный яmb сменить на четырехстопный, и к финалу перейти к трехстопному.

В реализации информационно-рекламных задач через филологические приемы автор опирается на идеи семиотики Ролана Барта, который рассматривает искусство с точки зрения знака и языка, как формальную систему, в которой главным выступает форма и структура, порождающая смысл. В частности, благодаря 5-стопному ямбу, который используется в перечислении всех ресурсов природы (ингредиентов), содержащихся в продукте марки Sisley — SISLEYUM for Men (Сислейом),

последний будет читаться или восприниматься на слух как своеобразный рог изобилия. А именно:

Адепт бренда Sisley:

Венец природы — новый «Сислейом»:
 Экстракт содержит водорослей он,
 Подсолнечник, что кожу вмиг смягчит,
 От эластазы — белой ивы щит.
 О «Сислейом»! В нем свойств полезных масса:
 В нем каритэ живительное масло;
 Морщины сгладят, словно лаской фей,
 Физалис, пряный майоран, шалфей.
 Чтоб был желанен муж или любовник,
 От оксидантов их хранит шиповник.
 Забудь пред жженьем кожи жгучий страх ты,
 Доверясь шандры мощному экстракту.
 Для крема, что всех кремов эталон,
 Земля раскрыла свое лоно лон.
 Вот средство, что в себя вобрало
 Все, чем богаты минералы:
 Вред радикалов отразит
 Прочь от лица родохрозит;
 А в оливине магний редкий
 Метаболизм ускорит клетки!

Французские драматурги, как известно, мастера иронии и высокого стиля в литературе. Через поэтический язык, самоиронию и шутки, доведенные в поэме до гиперболизации, можно «проложить дорогу» главным идеям: о природной, естественной пользе продукта и побуждению потребителя к его применению. Так же реализуя в этом драматическом проекте модель human to human, есть возможность через нативный контент донести до целевых групп то, что бренд слушает их, знает, чего они хотят, что им понравится. Вдохновить общественность, показать, что компания может создать мир, в котором красота является источником уверенности. С помощью юмора вызвать эмоции радости и счастья. Рассказать подлинную историю, которая должна быть искренней, честной и прозрачной.

Event в данном концепте приобретает новое значение. Это не просто мероприятие, направленное на достижение коммерческой выгоды и поддержание репутации, но и социально значимое событие, которое меняет сознание общественности, расширяет возможности их восприятия. Главным элементом торговой цепочки является не просто продукция или потребитель, а человек с его предпочтениями, индивидуальными особенностями.

Показатели оценки эффективности

Гуманизация бренда в формате специального события создает совершенно другой уровень вовлеченности клиентов и лояльности, а также становится мощным драйвером новых бизнес-отношений.

Используя данный формат в реализации мероприятия, необходимо, чтобы целевые группы запомнили то, что пережили и на чувственном уровне, и на всех уровнях восприятия, доступных человеку. Потому что в итоге именно представители СМИ и инфлюэнсеры должны донести до основного потребителя понятное и непротиворечивое сообщение бренда.

Результатом данного проекта, с учетом грамотной реализации всех обязательных этапов проведения специального события, может стать:

- создание lovemark (образа компании, нацеленной на создание эмоциональной связи с потребителем);
- более глубокое восприятие бренда и долгосрочное сохранение положительного образа в сознании участников события;
- продвижение качеств нового продукта и в целом бренда;
- проведение самого оригинального по замыслу и исполнению мероприятия года в бьюти-сегменте;
- отстройка от конкурентов и выявление конкурентных преимуществ;
- заявление о ценностях бренда, имеющих важное социально-культурное значение для общественности.

Требования к бюджету специального события предложенного формата с учетом ограниченного бюджета традиционные: измеримость, достижимость, конкретика, приоритетность. Основные статьи расходов выглядят следующим образом: аренда помещения, фуршет, техническое обеспечение, монтаж, демонтаж, фото- и видеосъемка, дизайн, производство рекламной продукции, работа актеров, написание концепта, трансфер. Выверенный бюджет мероприятия позволит проанализировать уровень запланированных и практически полученных доходов от специального события, подвести итоги и разработать план event-деятельности на следующий период.

Эффективность данного события можно определить через актуальные показатели, такие как:

- количество аккредитованных и посетивших мероприятие СМИ;
- количество и качество публикаций в СМИ;
- количество упоминаний в социальных сетях и степень вовлеченности;
- непосредственное наблюдение за участниками во время осуществления мероприятия;
- уровень удовлетворенности аудитории;
- степень взаимодействия с покупателем — частота и давность совершения покупки;
- время пребывания на мероприятии;
- степень принятия нового продукта, количество привлеченных клиентов, заинтересованных в покупке;
- отстройка от конкурентов, выявление конкурентных преимуществ;
- налаживание и поддержание отношений с партнерами [11].

Заключение

В завершение хотелось бы отметить, что специалистам в области event-индустрии для достижения релевантного результата необходимо проводить мониторинг социально-культурной среды, чтобы иметь возможность адаптироваться и своевременно отвечать на запросы целевых групп. Немаловажными остаются политические и экономические факторы, общее благосостояние населения, в связи с которыми коррелируется финансовая и контентная политика организации. Кроме того, важно учитывать множество показателей и стараться оптимизировать свою работу в соответствии с настроениями, мотивациями общественности и актуальными трендами потребления. Не стоит думать, что мероприятие без внедрения новых диджитал-технологий станет априори не успешным. Относиться к специальным мероприятиям как к набору традиционных шаблонных элементов также не верно. Для любой концепции можно найти формат, который будет эффективно работать на достижение результата, и соответствовать рамкам отведенного бюджета.

Литература

1. Атаева Т. А. Событийный маркетинг как инструмент продвижения товара и создания его имиджа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 84–86.
2. Ближайшее будущее индустрии событий, по мнению экспертов // Eventicious Team. 28 декабря 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://blog.eventicious.ru/trends_2022/ (дата обращения: 19.08.2022).
3. Егорова М. А. BTL-коммуникации, их отличительные особенности и рекомендации при подготовке к реализации // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2015. № 19. С. 28–32.
4. Ермаков С. Г., Макаренко Ю. А., Соколов Н. Е. Event-менеджмент: обзор и систематизация подходов к организации мероприятий // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 140–148. EDN ZSJTRL.
5. Зими́на А. В. Event-маркетинг: понятие и преимущество / А. В. Зими́на, Н. М. Воловская // Достижения вузовской науки 2018 : сб. науч.-исслед. конкурса, 5 мая 2018 г. Пенза, 2018. С. 126–128.
6. Исаева Е. В., Дусь Ю. П. Программы взаимоотношений с потребителями как основа разработки маркетинговой стратегии // Экономические науки. 2013. № 106. С. 39–42.
7. Карен К. Корпоративные мероприятия, которые стали легендой / К. Карен, К. МакЭван. М. : Феникс, 2008. 256 с.
8. Климова Т. Б., Вишневецкая Е. В. Событийный маркетинг: новый вектор развития территорий // Научный результат. Сер. «Технологии бизнеса и сервиса». 2014. № 2. С. 80–84.
9. Ключагина Е. С. Event-маркетинг как эффективный метод маркетинговых коммуникаций / Е. С. Ключагина; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26514326_86360146.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
10. Мухина М. В., Каткова О. В., Мухина Е. С. и др. Совершенствование технологий event-маркетинга // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 248–254. EDN MQNWLE.
11. Никитина О. О. Событийный маркетинг как инструмент достижения бизнес-целей // Управление коммуникациями. Сб. статей Первой международной научно-практической конференции / под ред. А. Н. Чумикова, Э. Э. Шульца. М., 2022. С. 159–163.
12. Новикова М. Российский событийный маркетинг. Тенденции и перспектива // Лаборатория рекламы и PR. 2007. № 5 (60). С. 32–36.
13. Тульчинский Г. Л. Специальные события и общественные мероприятия. М. : Мир, 2009. 452 с.
14. Шумович А. Великолепные мероприятия. Технология и практика event management. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2007. 320 с.
15. Augmented World Expo Hosts 6th Asia Conference Amid Pandemic. 28 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/augmented-world-expo-hosts-6th-asia-conference-amid-pandemic-301120116.html> (дата обращения: 19.08.2022).

Об авторе:

Никитина Оксана Олеговна, доцент кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета (Москва, Российская Федерация), кандидат философских наук; oxana_nikitina@mail.ru

References

1. Ataeva T. A. Event marketing as a tool for promoting a product and creating its image // Theory and practice of social development [eoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2015. N 9. P. 84–86 (in Rus).
2. The near future of the event industry, according to experts. An outstanding team. December 28, 2021. [electronic resource]. URL: https://blog.eventicious.ru/trends_2022/ (accessed 19.08.2022) (in Rus).
3. Egorova M. A. Conducting BTL communication, their distinctive features and recommendations in preparation for implementation // Economics and management: analysis of trends and de-

- velopment prospects [Ekonomika i upravlenie: analiz tendentsii i perspektiv razvitiya]. 2015. No.19. P. 28–32 (in Rus).
4. Ermakov S. G., Makarenko Yu. A., Sokolov N. E. Event management: review and systematization of approaches to the organization of events // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 9. P. 140–148. EDN ZSJTRL (in Rus).
 5. Zimina A. V. Event marketing: concept and advantage / A. V. Zimina, N. M. Volovskaya // Achievements of university science 2018: collection of scientific research contest, May 5, 2018. Penza, 2018. P. 126–128 (in Rus).
 6. Isaeva E. V., Dusya Yu. P. Consumer relationship programs as a basis for developing a marketing strategy // Economic sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2013. N 106. P. 39–42 (in Rus).
 7. Karen K. Corporate events that have become a legend / K. Karen, K. McEwan. M. : Phoenix, 2008. 256 p. (in Rus).
 8. Klimova T. B., Vishnevskaya E. V. Event marketing: a new vector of territorial development // Scientific result. The ser. "Business and Service Technologies" [Nauchnyi rezul'tat. Ser. «Tehnologii biznesa i servisa»]. 2014. N 2. P. 80–84 (in Rus).
 9. Klyuchagina E. S. Event marketing as an effective method of marketing communications / E. S. Klyuchagina; National Research Tomsk Polytechnic University. Tomsk: National Research Tomsk Polytechnic University, 2013 [Electronic source] . URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26514326_86360146.pdf (accessed: 12.01.2023) (in Rus).
 10. Mukhina M. V. Event marketing Technology improvement // Innovative economy: prospects for development and improvement [Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya]. 2019. N 2 (36). P. 248–254. EDN MQNWLE (in Rus).
 11. Nikitina O. O. Event marketing as a tool to achieve business goals // Communication Management. Collection of articles of the First International Scientific and Practical Conference. Edited by A. N. Chumikov, E. E. Schultz. Moscow, 2022. P. 159–163 (in Rus).
 12. Novikova M. Russian event marketing. Trends and perspective // Laboratory of Advertising and PR [Laboratoriya reklamy i PR]. 2007. N 5 (60). P. 32–36 (in Rus).
 13. Tulchinsky G. L. Special events and public events. Moscow: Mir, 2009. 452 p. (in Rus).
 14. Shumovich A. Magnificent events. Technology and practice of event management. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2007. 320 p. (in Rus).
 15. The 6th Asian Conference in the context of a Pandemic is taking place at the Augmented World Expo. August 28, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/augmented-world-expo-hosts-6th-asia-conference-amid-pandemic-301120116.html> (accessed: 19.08.2022).

About the author:

Oksana O. Nikitina, Associate Professor of the Department of Communication Technologies of the Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation), PhD in Philosophy; oxana_nikitina@mail.ru

Мужество и героизм советских воинов в битве под Курском

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Обращение к данной теме обусловлено 80-летием победы на Курской дуге (23 августа 2023 г.), а также проведением специальной военной операции. Курская битва продемонстрировала моральный дух, единство и волю многонационального советского народа в защите своего Отечества. Только на Курской дуге 248 военнослужащим, проявившим мужество и героизм, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Их патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу служат примером для населения страны, солдат и офицеров Вооруженных сил России.

Ключевые слова: герой, мужество, героизм, патриотизм, солдат, сержант, офицер, генерал, пехотинец, артиллерист, танкист, военный летчик, отделение, взвод, рота, батальон, полк, бригада, армия, фронт

Для цитирования: Гриднев В. П. Мужество и героизм советских воинов в битве под Курском // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 103–108.

Courage and Heroism of Soviet Soldiers in the Battle of Kursk

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The appeal to this topic is due to the 80th anniversary of the victory at the Kursk Bulge (August 23, 2023), as well as the conduct of a special military operation. The Battle of Kursk demonstrated the morale, unity and will of the multinational Soviet people in defending their Fatherland. Only on the Kursk Bulge 248 servicemen who showed courage and heroism were awarded the high title of Hero of the Soviet Union. Their patriotism, service to the Fatherland and responsibility for its fate serve as an example for the population of the country, soldiers and officers of the Armed Forces of Russia.

Keywords: hero, courage, heroism, patriotism, soldier, sergeant, officer, general, infantryman, gunner, tankman, military pilot, squad, platoon, company, battalion, regiment, brigade, army, front

For citing: Gridnev V.P. Courage and Heroism of Soviet soldiers in the Battle of Kursk // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 103–108.

К 80-летию Курской битвы

История свидетельствует, что воин во все времена являлся защитником Отечества [1–18]. И когда страна подвергалась беспрестанным опасностям, наши предки всегда проявляли мужество и героизм, защищая свою Родину, как отмечал российский историограф Николай Михайлович Карамзин¹.

¹ 31 октября (12 ноября) 1803 г. именным императорским указом Александра I Николай Михайлович Карамзин был назначен историографом «для сочинения полной Истории Оте-

Одним из примеров исключительного мужества, массового героизма и воинского мастерства является Курская битва. Родина высоко оценила боевую доблесть советских войск, наградив более 100 тыс. солдат, офицеров и генералов орденами и медалями, многим участникам великого сражения Указами Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза¹ [9, с. 72; 16, с. 42], 132 соединения и воинские части получили гвардейское звание, 26 удостоены почетных наименований «Орловские», «Белгородские», «Харьковские», «Карачаевские»² [5, с. 394].

Так, например, в сводной роте 299-й стрелковой дивизии 53-й армии Степного фронта под командованием старшего лейтенанта В. П. Петрищева в ходе ожесточенного боя, развернувшегося за высоту 201,7 в районе Полевого, из 16 бойцов в живых осталось всего лишь семь человек. Командир, обращаясь к воинам, сказал: «Товарищи, будем стоять на высоте так, как стояли панфиловцы у Дубосекова. Умрем, но не отступим!» [8, с. 68]. И воины не отступили.

Старший лейтенант Петрищев В. П. лично подбил гранатами два фашистских танка, организовал с группой бойцов круговую оборону, отбил три атаки противника, а когда закончились боеприпасы, вызвал огонь своей артиллерии на себя. Занятые позиции были удержаны. Звание Героя Советского Союза было присвоено 1 ноября 1943 г. [8, с. 68; 7, с. 255].

Звания Героя Советского Союза были удостоены также и военнослужащие этой роты: командир взвода младший лейтенант Женченко Владимир Васильевич, помощник командира взвода старший сержант Поликанов Герасим Павлович, которые во главе взвода овладели поселком Полевая и удерживали занятую позицию до подхода подкрепления [8, с. 68; 7, с. 292].

Героически сражался ефрейтор Ларкин Иван Иванович — снайпер 1183-й стрелкового полка 61-й армии Брянского фронта. В период Курской битвы уничтожил 138 гитлеровцев и 6 пулеметных точек. Рискуя своей жизнью в бою, спас своего командира роты. Всего на счету снайпера 340 убитых фашистов. 15 января 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза [6, с. 848].

С честью и достоинством выполнил свой священный долг по защите Родины гвардии подполковник — начальник штаба 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 60-й армии Центрального фронта Арапов Алексей Назарович. Летом 1943 г. дивизия участвовала в отражении июльского наступления фашистов, прорыве обороны противника и его преследовании. В ходе боев дивизия уничтожила несколько тысяч немецких солдат и офицеров, много боевой техники, взяв большие трофеи.

чества». Данная должность давала право Карамзину Н. М. «читать сохраняющиеся как в монастырях, так и в других библиотеках от святейшего Синода зависящих древние рукописи, до российских древностей касающиеся». С этого времени и до конца дней Николай Михайлович работал над главным трудом своей жизни — «Историей государства Российского». С 1816 по 1824 г. в Петербурге были изданы первые 11 томов сочинения. Книги имели огромный успех и содействовали повышению интереса к отечественной истории в различных слоях русского общества. Высокую оценку труда дал Александр I. Император повелел разослать «Историю» по министерствам и посольствам, указав в сопроводительном письме, что государственные мужи и дипломаты обязаны знать свою национальную историю. По словам В. О. Ключевского, Николай Михайлович Карамзин стоял на одном положении: «Россия, прежде всего, должна быть великою, сильною и грозною в Европе...» См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/history/619713> (дата обращения: 25.01.2023).

¹ По данным Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», 248 человек было удостоено звания «Герой Советского Союза» [Электронный ресурс]. URL: <https://прохоровское-поле.пф/наука/2-sljader/uncategorised/444-spisok-geroev-sovetskogo-soyuza-kurskoj-bitvy.html> (дата обращения: 25.01.2023).

² Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М. : Воениздат, 1975. С. 16–17.

14 сентября 1943 г. погиб. 17 октября 1943 г. было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) [6, с. 73].

Мужество и героизм в битве под Курском продемонстрировали и советские танкисты.

Танковая рота 389-го танкового батальона 10-го танкового корпуса Воронежского фронта под командованием лейтенанта Фролова Михаила Павловича в боях на белгородском направлении (7 июля — 16 августа 1943 г.) нанесла противнику значительный урон в живой силе и технике. Лично сам командир танковой роты подбил 10 фашистских танков и уничтожил много гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему 10 января 1944 г. [7, с. 666].

В памяти воинов, жителей деревни Яковлево (в н. в. — поселок городского типа Белгородской области. — *авт.*) будет вечно жить великий подвиг командира танкового взвода гвардии лейтенанта Вальдемара Сергеевича Шаландина, девятнадцатилетнего комсомольца, окончившего в 1942 г. танковое училище в г. Ташкенте.

6 июля 1943 г. во время оборонительных боев в районе деревни Яковлево гвардии лейтенант В. Шаландин смело атаковал группу вражеских танков. В разгоревшемся неравном бою, длившемся 10 часов, отражал атаки танков противника.

В этом бою мужественный экипаж подбил три танка, три противотанковых орудия. Экипаж гвардии лейтенанта В. Шаландина сражался до последнего дыхания и погиб в горящем танке, до конца выполнив свой воинский долг.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. В. С. Шаландину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а члены экипажа награждены боевыми орденами. Он был навечно зачислен в списки Харьковского танкового училища [7, с. 752].

Исключительное мужество и героизм в борьбе с врагом на Курской дуге проявил командир танкового взвода 231-го отдельного танкового полка Брянского фронта старший лейтенант Антонов Михаил Моисеевич. Он лично подбил 5 танков противника, подавил 4 орудия, уничтожил более 40 солдат противника. 4 августа 1943 г. в боях на подступах к г. Орлу героически погиб. 27 августа 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно [6, с. 69].

Героически сражались на Курской дуге и воины-артиллеристы. Особо отличился наводчик 76-мм орудия, комсорг артиллерийского дивизиона 58-й (с сентября 1943 — 28-й гвардейской) мотострелковой бригады Воронежского фронта гвардии старший сержант Борисов Михаил Федорович.

11 июля 1943 г. в районе станции Прохоровка (н. в. пгт. Белгородской области. — *авт.*) одна из батарей артиллерийского дивизиона была атакована 19 танками противника. Когда орудийный расчет вышел из строя, гвардии старший сержант Борисов М. Ф. встал к орудью и прямой наводкой подбил 7 фашистских танков, получив ранение в этом бою.

За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Федоровичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [6, с. 192].

При защите своей Родины отважно сражался сержант Николаев Михаил Архипович — наводчик орудия 496-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 6-й гвардейской армии Воронежского фронта. 5 июля 1943 г., когда к огневой позиции батареи, стоявшей на прямой наводке у с. Черкасское Белгородской области, прорвалось 15 фашистских танков, сержант подбил лично 5 танков противника, чем внес перевес в ход боя. 17 августа 1943 г. в районе с. Качаловка Краснокутского района Харьковской области он же уничтожил еще 3 танка врага и в этом бою погиб. 21 сентября 1943 г. Михаилу Архиповичу Николаеву

было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды и медалью [7, с. 165–166].

Огромный вклад в победу на Курской дуге внесли военные летчики [2]. Единственным летчиком, уничтожившим в одном бою на Курской дуге 9 вражеских самолетов, был старший лейтенант Горовец Александр Константинович (1915–1943 гг.), вступивший 6 июля 1943 г. в бой с 20 фашистскими бомбардировщиками. Всего произвел 74 боевых вылета, в 11 боях им было сбито 11 самолетов противника. Звания «Герой Советского Союза» был удостоен 28 сентября 1943 г. (посмертно). Награжден орденами В. И. Ленина, Красного Знамени, медалями [6, с. 357].

Генерал-майор авиации дважды Герой Советского Союза Арсений Васильевич Ворожейкин, сбивший в дни войны пятьдесят два самолета противника, с уважением отметил беспримерный подвиг старшего лейтенанта Александра Горовца. «Девять самолетов сбить в одном бою! Мы не знали такого. Простой расчет показал, что для этого нужно произвести не менее девяти длинных очередей и столько же раз исключительно точно прицелиться. А противник ведь не на привязи, маневрирует и защищается. Однако факт — вещь упрямая. Горовец сделал то, что теоретически считалось невыполнимым» [6, с. 289].

В битве под Курском проявил мужество и героизм военный летчик старший лейтенант Кожедуб Иван Никитович.

Свой первый подвиг Кожедуб И. Н. совершил на Курской дуге летом 1943 г., являясь командиром эскадрильи 240-го истребительного авиационного полка 5-й воздушной армии Степного фронта, сбил фашистский бомбардировщик. На следующий день им был уничтожен еще один самолет, а через несколько дней — еще два!» [14].

Воздушное сражение в битве под Курском было блестяще выиграно советскими летчиками. «Мы полностью взяли инициативу в свои руки. Лично для меня оно закончилось тем, что в мой боевой счет была вписана первая десятка сбитых самолетов врага» [14].

За эти и последующие подвиги 4 февраля 1944 г. старшего лейтенанта Ивана Никитовича Кожедуба удостоили звания Героя Советского Союза. На тот момент его боевая биография насчитывала 20 уничтоженных немецких самолетов за 146 боевых вылетов [6, с. 681–682].

В августе 1944 г. И. Н. Кожедубу вручили вторую медаль «Золотая Звезда» за 48 сбитых машины противника и 256 вылетов. А к концу Великой Отечественной войны гвардии майор Иван Кожедуб имел на своем счету уже 60 уничтоженных в воздухе самолетов противника, среди которых — два бомбардировщика, три штурмовика, один реактивный истребитель и 17 пикирующих бомбардировщиков.

Последний подвиг его героической биографии в Великой Отечественной войне был совершен над Берлином в апреле 1945 г., когда был сбит очередной фашистский самолет. За все время войны гитлеровцам не удалось его сбить ни разу, хотя случались попадания в машину И. Кожедуба.

18 августа 1945 г. Иван Никитович получил еще одну медаль «Золотая Звезда», став трижды Героем Советского Союза [6, с. 681–682].

Героически сражался в годы Великой Отечественной войны военный летчик гвардии старший лейтенант, заместитель командира эскадрильи 63-го гвардейского истребительно-авиационного полка 15-й воздушной армии Брянского фронта Алексей Петрович Маресьев. Он, лишившийся голени обеих ног в районе Демянского плацдарма (Новгородская область), сбил на Курской дуге три фашистских самолета, а перед этим в 1942 г. — четыре вражеских самолета. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 августа 1943 г. [7, с. 37].

Трудно переоценить подвиг советских воинов, сражавшихся на Курской дуге, когда завершился коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Мужество, героизм и стойкость наших защитников, проявленные как в Сталинградской битве¹, так и на Курской дуге, должны являться важнейшим морально-нравственным ориентиром для всего многонационального российского народа. Наш моральный долг — бережно и во всей своей полноте хранить память об этом подвиге, передавать ее следующим поколениям, не позволять никому принижать и искажать роль Курской битвы в победе над фашизмом, в освобождении всего мира от этого чудовищного зла.

Литература

1. *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М. : Воениздат, 1984. 350 с.
2. *Барабанщиков М.* Летчики : сб. / М. Барабанщиков, А. Некрылов, В. Фалеев [и др.]. М. : Молодая гвардия, 1978. 164 с.
3. *Василювский А. М.* Дело всей жизни. М. : Воениздат, 1984. 496 с.
4. *Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945.* Краткая история / 3-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1984. 560 с.
5. *Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия.* М. : Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
6. *Герои Советского Союза: Краткий библиографический словарь в 2 т.* М. : Воениздат, 1987. Т. 1. 911 с.
7. *Герои Советского Союза: Краткий библиографический словарь в 2 т.* М. : Воениздат, 1988. Т. 2. 863 с.
8. *Государственный* военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле»: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры [Электронный ресурс] URL: <https://прохоровское-поле.рф/наука/2-sljader/uncategorised/444-spisok-geroev-sovetskogo-soyuza-kurskoj-bitvy.html> (дата обращения: 04.02.2023).
9. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. 7-е изд. М. : Изд-во АПН, 1986. Т. 3. 351 с.
10. *Игнатъев А. А.* 50 лет в строю. В 3 кн. М. : Сов. писатель, 1952 г. 611 с.
11. *История второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т.* Итоги и уроки Второй мировой войны. М. : Воениздат, 1982. Т. 12. 496 с.
12. *Карамзин Н. М.* История государства Российского : в 3 кн. СПб. : Кристалл, 2000. Кн. 1. 704 с.
13. *Керсновский А. А.* История русской армии: в 4 т. М. : Голос, 1992. Т. 1. 304 с.
14. *Кожедуб И. Н.* Три сражения [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kozhe-dub-ivan-nikitich/tri-srazheniya/1> (дата обращения: 04.02.2023).
15. *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. 526 с. М. : Воениздат, 1982.
16. *Советская военная энциклопедия : в 8 т.* М. : Воениздат, 1990. Т. 1. 543 с.
17. *Три века: Россия от смуты до нашего времени : ист. сб. в 6 т.* Т. 1. М. : Патриот, 1991. 286 с. (Переиздание 1912 г.)
18. *Устинов Д. Ф.* Во имя Победы: Записки наркома вооружения. М. : Воениздат, 1983. 320 с.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор: valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Baghramyan I. H. The sons of the Great People. M. : Voenizdat, 1984. 350 p. Military memoirs (in Rus).
2. Barabanchikov M. Pilots: Collection. M.: Molodaya gvardiya, 1978. 164 p.

¹ Стенограмма выступления Путина на торжественном концерте годовщины Сталинградской битвы [Электронный ресурс]. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-torzhestvennom-koncerte-godovschiny-stalingradskoi-bitvy-02-02-20.html> (дата обращения: 02.02.2023).

3. Vasilevsky A. M. The whole life's work. M. : Voenizdat, 1984. 496 p. (in Rus).
4. The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. A brief history. 3rd ed. M. : Voenizdat, 1984. 560 p. (in Rus).
5. The Great Patriotic War 1941–1945: encyclopedia. M. : Soviet Encyclopedia, 1985. 832 p. (in Rus).
6. Heroes of the Soviet Union: A short bibliographic dictionary in two volumes. M. : Voenizdat, 1987. Vol. 1. 911 p. (in Rus).
7. Heroes of the Soviet Union: A short bibliographic dictionary in two volumes. M. : Voenizdat, 1988. Vol. 2. 863 p. (in Rus).
8. State Military Historical Museum-Reserve "Prokhorov Field": Federal State budgetary Institution of Culture [Electronic source]. URL: <https://прохоровское-поле.рф/наука/2-sljder/unca-tegorised/444-spisok-geroev-sovetskogo-soyuza-kurskoj-bitvy.html> (accessed: 04.02.2023) (in Rus).
9. Zhukov G. K. Memories and reflections. In 3 vols. 7th ed. M. : Publishing House of APN, 1986. Vol. 3. 351 p. (in Rus).
10. Ignatiev A. A. 50 years in the ranks. In 3 books. M. : Soviet Writer, 1952, 611 p. (in Rus).
11. History of the Second World War 1939–1945: In 12 vols. Results and lessons of the Second World War. M. : Voenizdat, 1982. Vol. 12. 496 p. (in Rus).
12. Karamzin N. M. History of the Russian state : In 3 books. SPb. : Kristall, 2000. B. 1. 704 p. (in Rus).
13. Kersnovsky A. A. History of the Russian army: In 4 vols. M. : Voice, 1992. Vol. 1. 304 p. (in Rus).
14. Kozhedub I. N. Three battles [Electronic source]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kozhedub-ivan-nikitich/tri-srazheniya/1> (accessed: 04.02.2023) (in Rus).
15. Konev I. S. Notes of the front commander 1943–1945. M. : Voenizdat, 1982. 526 p. (in Rus).
16. Soviet military Encyclopedia: In 8 volumes. M. : Voenizdat, 1990. Vol. 1. 543 p. (in Rus).
17. Three centuries: Russia from the troubles to our time: Historical collection. In 6 vols. Vol. 1. M. : Patriot, 1991. 286 p. (in Rus).
18. Ustinov D. F. In the name of Victory: Notes of the People's Commissar of Armament. M. : Voenizdat, 1983. 320 p. (in Rus).

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of the Chair of Social Sciences of the North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; valerijgridnev@yandex.ru

Феномен чрезвычайности в социально-экономическом и стратегическом аспектах

Гринев С. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; sergey-grinev@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу структуры и содержания социально-экономических кризисов как проявления чрезвычайности и соответствующих периодов. С помощью общенаучных и специальных методов, включая компаративный, автор раскрывает эволюцию кризисных явлений в экономике в соотношении с чрезвычайными периодами, сущностно отражающими феномен чрезвычайности. Исторический анализ экономических кризисов проиллюстрирован составленными автором графиками влияния кризисов на базовые экономические показатели. Дано авторское определение понятия «чрезвычайный период» с конкретизацией явлений его составляющих (ситуация, положение, обстоятельство, происшествие). На основе стратегической методологии В. Л. Квинта обосновывается необходимость стратегирования чрезвычайного периода с точки зрения предупреждения, преодоления и выхода из него. При этом автор полагает, что экономические кризисы от зарождения до своего пика, по существу, представляют собой чрезвычайные периоды, требующие соответствующего стратегирования по фазам экономического цикла: стратегии предупреждения кризиса, недопущения или смягчения депрессии, а также обеспечения оживления экономики с выходом из того или иного чрезвычайного периода.

Ключевые слова: социоэкономический цикл, кризис, чрезвычайность, чрезвычайный период, стратегирование

Для цитирования: Гринев С. А. Феномен чрезвычайности в социально-экономическом и стратегическом аспектах // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 109–120.

The Phenomenon of Emergency in Socio-Economic and Strategic Aspects

Sergey A. Grinev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; sergey-grinev@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the structure and content of socio-economic crises as manifestations of emergencies and corresponding periods. With the help of general scientific and special methods, including comparative, the author reveals the evolution of crisis phenomena in the economy in relation to emergency periods, essentially reflecting the phenomenon of emergency. The historical analysis of economic crises is illustrated by the graphs of the impact of crises on basic economic indicators compiled by the author. The author's definition of the concept of "emergency period" is given with the specification of the phenomena of its components (situation, situation, circumstance, incident). On the basis of V.L. Kvant's strategic methodology, the necessity of strategizing the emergency period from the point of view of prevention, overcoming and getting out of it is substantiated. At the same time, the author believes that economic crises from their inception to their peak are essentially extraordinary periods that require appropriate strategizing according to the phases of the economic cycle: strategies for crisis prevention, prevention or mitigation of depression, as well as ensuring the revival of the economy with an exit from a particular emergency period.

Keywords: socio-economic cycle, crisis, emergency, emergency period, strategizing

For citing: Grinev S.A. The phenomenon of emergency in socio-economic and strategic aspects//Administrative consulting. 2023. N 7. P. 109–120.

Современное мировое общественное развитие отмечено как определенной устойчивостью, так и динамизмом процессов его составляющих. Подобные состояния возможно рассматривать в категориях «социального порядка» и «социального прогресса», как их определял еще О. Конт [7; 8] и другие представители позитивизма. Однако указанные тенденции социального развития не следует анализировать в рамках «линейной», одновекторной интерпретации, абстрагируясь от объективно существующих циклических и волнообразных изменений, которые отражают динамику и статику современного глобализирующегося мира. При этом вполне очевидными, периодически возникающими и повторяющимися субстанциональными факторами общественного развития являются социально-экономические кризисы, содержащие в себе как позитивные, так и негативные последствия, зачастую принимающие длительную и экстремальную форму. Проблематика общественного развития в его переменных и константных формах является одним из фундаментальных направлений в качестве объекта исследования от античности до наших дней по разным основаниям и аспектам. В этом немалое место занимает феномен кризисов и других коллизий, особенно экономического порядка, проявляющихся наиболее негативно и значимо, что в полной мере продемонстрировали последние события, связанные с пандемией коронавируса, угрозами социально-экономической рецессии. Этим, на наш взгляд, обусловлена актуальность отмеченной проблематики.

В этой связи целеполаганием данной статьи представляется раскрытие содержания феномена чрезвычайности через соотношение экономических кризисов и чрезвычайных периодов, посредством стратегирования последних и выхода из них.

Для этого предполагается решить следующие задачи: проследив эволюцию экономических кризисов как части соответствующих циклов, определить их современную специфику; раскрыть содержание феномена чрезвычайности в экономическом контексте, а также этапы стратегирования чрезвычайных периодов и выхода из них.

Кризисы вообще и социально-экономические в частности, являются отражением и следствием закономерного циклического развития общества, когда происходит замедление некоего движения и возникает своеобразный «социальный реверс» по тем или иным причинам, включая «рукотворные». Известно, что еще в начале прошлого века Н. Д. Кондратьев полагал, что «...при всей изменчивости экономической жизни ее элементы, не находясь никогда в статическом состоянии, все же обнаруживают известную устойчивость» [6, с. 53–54].

При этом экономическая наука, равно как и практическое управление стратегирования данными процессами при всей их определенности, представляет общую проблематику кризисов в качестве дискуссионной. Это происходит, с нашей точки зрения, как в связи со сложностью самого объекта исследования (кризисов), так и с множественностью предметной специфики дисциплин их анализирующих.

Так, не вполне решенным представляется вопрос об историческом генезисе тех или иных кризисов, прежде всего социально-экономических. Предположительно, по мере развития различных типов хозяйств как основы экономических отношений и дифференциации труда возникали периоды социального и экономического «застоя», нестабильности соответствующего развития в целом. Иными словами, на стадии зарождения промышленности в рамках способа производства общественной жизни (материального, антропологического, природного) кризисные факторы преобладали в двух последних составляющих. В этой связи, что вполне очевидно, причинами кризисных неурядиц прежде всего становились политические и военные конфликты, природные катаклизмы, эпидемии, неурожаи и прочее.

Указанные факторы и их негативные последствия надолго определили кризисные состояния, субстанционально сопутствующие общественному развитию, сохранившие свою актуальность и поныне. При этом кризисные явления были зафиксированы уже в первой половине XVII в. (Нидерланды — «тюльпановая» лихорадка),

финансовый кризис в Англии, крах торговых корпораций и др.) в рамках развития товарно-денежных отношений и промышленного производства [20, с. 88].

В этой связи полагаем, что указанные факторы обусловили периодически повторяющиеся кризисные правления, приобретающие циклическую форму. Например, европейские кризисы и в США (1825, 1836, 1866–1886), и другие с начала XX — XXI в. (1929–1936, 1967, 1982, 2008–2009, 2018–2020) обрели циклическую природу с очевидными последствиями [14], которые можно выявить по анализу статистических данных.

Анализ графика по индексу промышленного производства всего мира и двух ведущих промышленных стран с 1920 по 1938 г. указывает на резкое синхронное снижение этого экономического показателя в момент кризиса с 1929 по 1933 г. (рис. 1).

В кризисном 2009 г. рост мирового ВВП, впервые с момента окончания Второй мировой войны, не просто сократился, а приобрел отрицательное значение. Согласно статистическим данным в этот год мировой ВВП снизился на 5,8%, откатившись до уровня 2007 г., уровень безработицы вырос на 0,8%, а также был отмечен резкий рост государственного долга [2].

Анализ данных Всемирного банка с 1990 по 2020 гг. позволяет графически выстроить изменения по трем самым показательным индикаторам мировых экономических изменений: инфляции, безработицы и роста ВВП. Обращает на себя внимание изменение каждой кривой в годы кризисов. Так, в 2008 г. резко возросла безработица, а инфляция и ВВП ответили на изменения по итогам 2009 г. Подобным отличаются изменения в 1994–1995 гг. Ростом инфляции и резким падением роста ВВП характеризуется кризис 2020 г. (рис. 2).

Следует отметить, что история знает многообразные кризисы по масштабу, казуальности, содержанию и последствиям в рамках так называемого циклического развития:

- социальные (рассогласование «социального места», демографические);
- политические (кризис легитимности);
- экономические (финансовый, структурно-производственный, внешнеэкономический);
- организационные; технологические («дисраптивные», инновационные).

Безусловно, перечень кризисных явлений этим не исчерпывается, в исследованиях упоминается о десятках типологий по различным основаниям, включая как

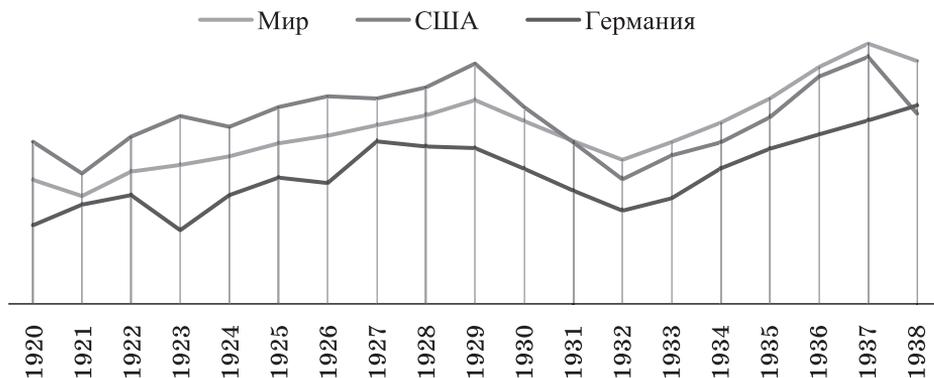

Рис. 1. Индекс промышленного производства с 1920 по 1938 г.

Fig. 1. Index of industrial production from 1920 to 1938

Источник: составлено автором на основе данных: Базовые экономические показатели ведущих стран мира (1700–1980). Statinformation. Исторические данные [Электронный ресурс]. URL: <https://statinformation.ru/wpi/istoricheskie-dannye-po-v-v-p.html> (дата обращения: 23.09.2022).

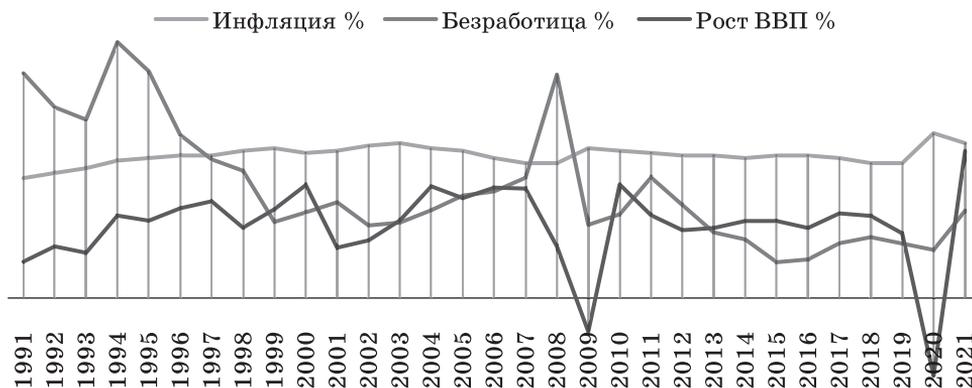

Рис. 2. График мировых значений (инфляция, безработица, рост ВВП) за 1991–2021 гг.
Fig. 2. Graph of world values (inflation, unemployment, GDP growth) for 1991–2021

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного Банка: The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 15.01.2023).

количественные, так и качественные по содержательной определенности критерии. При этом представляется (в рамках целеполагания данной работы) корректным «... понимание экономического кризиса позволяет представить его как экономическое явление, возникающее вследствие формирующегося в фазе хозяйственного роста нарушения количественных пропорций (внутреннего баланса) экономической системы, преодолеваемое в результате восстановления старых или установления новых количественных пропорций, обеспечивающих дальнейшее развитие в рамках среднесрочного экономического цикла» [7, с. 51–52].

К «качественным» параметрам для характеристики системного экономического кризиса относят представляющие «...собой совокупность сопряженных в едином экономическом процессе явлений, возникающих вследствие формирования в экономической системе внутренних противоречий качественного характера, связанных с необходимостью кардинальных изменений институциональной среды, смены управленческой модели, качественного обновления технологической базы и пр.» [7, с. 53].

С высокой долей очевидности экономические кризисы представляют собой сложный и многофакторный феномен, имеющий разную степень детерминации с другими коллизионными проявлениями: энергетическим, сырьевым, климатическим, продовольственным, демографическим и т. д.

Вторым немаловажным вопросом в рамках объявленного целеполагания, на наш взгляд, является обозначение (с точки зрения качественной определенности) структурных элементов кризиса, кризисного периода и временных «отрезков» его проявлений и последствий.

Абстрагируясь от конкретных подходов по данной проблеме (зачастую дискуссионных в части соотношения экономического цикла с соответствующими кризисами), следует обратить внимание на следующее.

Обычно экономический цикл среди ученых представлен универсальной совокупностью сменяемых и взаимозависимых фаз (периодов), из которых базовыми являются:

- фаза кризиса — разрыв одной или более звеньев кругооборота капитала, а также резкие перепады между различными индикаторами: обеспечение основного капитала, снижение прибыли, падение заработной платы и товарных цен;
- фаза депрессии (стагнация) — адаптация хозяйственной жизни к «кризисным» экономическим реалиям, прекращение спада производства и низким уровнем

ставки процента, а также замедление безработицы, снижение инвестиционного режима, уменьшение товарных запасов. «Экономическая сущность процесса депрессии состоит в распространении — через механизм стремления к равновесию — технических достижений на все народное хозяйство» [12, с. 356];

- фаза активизации предполагает оживление в реализации функциональности расширенного воспроизводства за счет расширения инвестиционной базы и вследствие этого достижения докризисного уровня производства, что, впрочем, не достигается автоматически. На этой фазе, как правило, наблюдается рост цен, объемов производства, процентных ставок и инвестиций со снижением безработицы и возникновением новых предприятий и технологических инноваций. Таким образом происходит оживление экономической жизни;
- фаза подъема («экспансии»), иногда характеризующаяся как экономический «бум». Для подъема вполне закономерен рост инноваций и технологий, курсов акций и ценных бумаг в целом, капиталовложений, процентных ставок, зарплат и цен.

Таковы, на наш взгляд, основные фазы классического экономического цикла, где кризисы являются начальной и конечной точкой социального развития.

При этом становится очевидным, что при всей универсальности экономического цикла, ипостаси его составляющие в рамках изменяющегося пространства и времени отражают усиливающееся многообразие глобальных формирующихся рынков [16].

В этой связи отметим, что возникающие время от времени «дополнительные» коллизии (геоэкономические — в части становления нового миропорядка, транснациональной конкуренции и ряда других факторов объективного свойства) не отменяют устойчивые тенденции экономического развития, приобретающие иные ситуационные формы. По-видимому, именно они качественно трансформировали современный экономический цикл, включая стадию кризисов во всем их многообразии. В частности, здесь имеется в виду: становление промышленного уклада 4.0 (интернет вещей, технологии искусственного интеллекта, био- и нейротехнологии и т. д.); регулирование экономики со стороны государства; глобализация системы общественного производства.

В этой связи в современных условиях содержание экономического цикла существенным образом модифицируется и проявляется «...в уменьшении амплитуды колебаний экономической активности (фазы спада стали короче, фазы подъема — продолжительнее)» [6, с. 28].

Кроме того, в последнее время на смену спадов (кризисов) приходят, минуя депрессию, стадии оживления, а также уменьшение уровня колебаний занятости и объемов промышленного и другого производства. На наш взгляд, это отражает действие вышеотмеченных факторов, включая объективные процессы становления глобальных формирующихся рынков. «В последние годы возникло своего рода клише — специально подчеркивать, что китайские иероглифы, используемые для передачи понятия „кризис“, можно истолковать и как „опасность“, и как „возможность“, — отмечал нобелевский лауреат Дж. Стиглиц [11, с. 350].

Историческая практика преодоления кризисов, упомянутых выше, а также их ретроспектива в России конца XX — начала XXI вв. в известной мере подтверждает (с поправкой на время и регион) корректность высказанных нами предположений.

С первым кризисом современная Россия (с началом распада СССР) столкнулась в период либерализации цен (декабрь 1991 г.), когда от госрегулирования были освобождены 90% розничных и 80% оптовых цен. Вследствие этого начался переход экономики на рыночные основания с преодолением товарного дефицита и обеспечением внутренней конвертируемости национальной валюты. Обратной стороной данного процесса являлись гиперинфляция (за 1992 г. — 2600%), обесценивание

доходов и сбережений, рост безработицы, резкое падение покупательского спроса и другие.

Экономическим потрясением для России обычно называют дефолт 1998 г., возникший в результате внешнего (резкое падение цен на углеводороды на мировых рынках и кризис с Юго-Восточной Азией) и внутренних факторов (противостояние жесткой финансовой политики правительства с отказом от «эмиссионного» госбюджета, завышенного курса рубля, и «оппозиционной Госдумой», принимающей бюджет с неоправданно высокими государственными расходами). Несмотря на пятикратную девальвацию рубля и дефолт, российская экономика отметилась оживлением и ростом в условиях «нефтяного» оздоровления.

Следующий кризис в России был ознаменован финансовым кризисом 2008 г. на Западе, причиной которого называют «низкокачественные кредиты» [15; 17], приведшие к банкротствам некоторых банков [15, с. 31]. Это произошло, согласно оценке Всемирного банка, в связи с уходом зарубежных инвестиций и снижением (как и в других развивающихся рынках) фондовых индексов и цен на нефть [17; 19]. При этом ВВП РФ в 2009 г. снизился на 7,8%, промышленность — на 10,8%, а внешнеэкономический оборот — на 40% [1]. О преодолении рецессии в отечественной экономике власти заявили в 2010 г. Как известно, «...российскому государству пришлось спасти активы российских предприятий, даже частных» [5, с. 9], а представленные средства банки конвертировали в валюту, кроме того, правительство РФ «...выбрало другую стратегию — досрочное возвращение долгов» [Там же].

Экономический кризис в РФ был отмечен с ноября 2014 г. и отчасти связан с отказом ЦБ в поддержке курса рубля валютными интервенциями, сопровождающийся сокращением государственных инвестиций и оттоком капитала. Если в 2010–2012 гг. наблюдался рост ВВП в пределах 4%, то уже в 2013 г. наблюдается его снижение с 4,7% до 0,7%. Кроме того, очередное падение цен на нефть и введенный Западом рестрикционный режим не добавили позитивных факторов для оздоровления российской экономики. По существу, этот временной период (2015–2019 гг.) характеризовался падением ВВП на 2 и 10% снижением реальных доходов населения страны [1].

Новый экономический кризис с 2020 г. наступил не только в России, но и в мировой экономике в целом. Данный кризис в отличие от прежних, на наш взгляд, специфичен с признаками чрезвычайности в том числе и потому, что его основным триггером являлась пандемия COVID-19, охвативший большинство регионов мира. Естественными последствиями коронавируса стали карантинные мероприятия и закрытие государственных границ, а также политика «нулевой терпимости» (Китай) и ее альтернативы, вариативно используемые в других странах мира, включая Россию. В результате имел место экономический спад не только в странах формирующихся рынков, но и всей глобальной экономической системы, усиливающийся разрывом логистических цепочек, снижением координирующих функций ВОЗ, а также циклическим характером течения самой пандемии.

Графическое отображение базовых значений экономики РФ наглядно указывает на рассмотренные экономические кризисы за период с 1996 по 2021 гг. (рис. 3), как и в случае с уже проанализированными мировыми кризисами, и подтверждает тезис о сокращении амплитуды колебаний.

На основе вышеотмеченного следует предположить, что вся социально-экономическая и даже политическая история сопряжена экстраординарными временными интервалами, обладающими свойствами чрезвычайности явлений, событий и процессов. Вполне очевидна необходимость стратегирования данного чрезвычайного периода и соответствующей стратегии выхода из него.

Очевидно, что данный феномен чрезвычайности материализуется и дефинитивно отражается в конкретных понятиях: «ситуация», «обстоятельство», «происше-

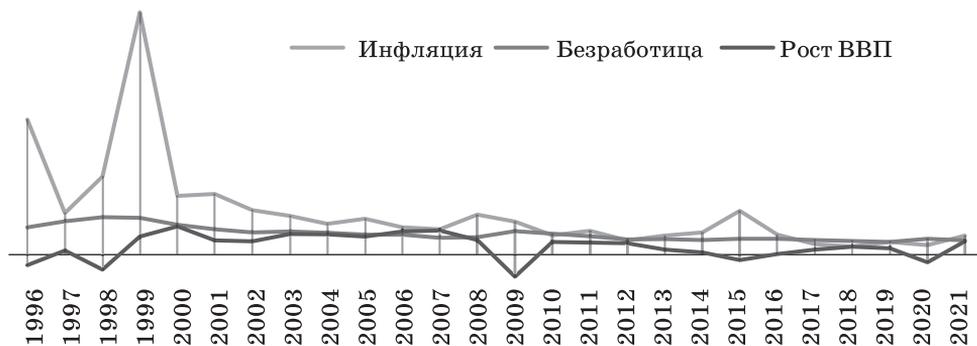

Рис. 3. График значений (инфляция, безработица, рост ВВП) в РФ за 1996–2021 гг.
Fig. 3. Graph of values (inflation, unemployment, GDP growth) in the Russian Federation for 1996–2021

Источник: составлено автором на основе данных [7].

ствие», «период». На наш взгляд, чрезвычайность отражает состояние того или иного фрагмента социальной действительности или отдельной ее сферы (экономической, политической, этнодемографической и прочей) в контексте экстремальности, «крайней» повседневности субъективно-объективного характера в национальном, региональном и мировом развитии. При этом, как правило, отличительными признаками чрезвычайности являются степень угрозы, ситуативность как форма воздействия на нее, всеобъемлемость в пространстве и во времени, а также неотложность реакции на нее с точки зрения предупреждения и преодоления.

Большинство из указанных чрезвычайных состояний имеет нормативно-правовое оформление. Согласно ФЗ РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера «чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»¹. Данное явление в правовом смысле фиксирует причинно-следственную связь, последствия, а также и пространственное измерение случившегося.

Чрезвычайное обстоятельство представляет собой негативное событие, вызванное чрезвычайной ситуацией и (или) массовыми беспорядками. В этой связи сопоставимо последнему содержательное понятие «чрезвычайное происшествие», так же понимаемое как событие, в результате которого наступает чрезвычайная ситуация.

Отметим, что вся совокупность «чрезвычайностей», как правило, приводит к чрезвычайному положению, вызванному теми или иными коллизиями экономического, политического и иного свойства, включая явления, что называется «непреодолимой силы» (природные катаклизмы, пандемии и т. д.). Данное положение представляет собой вариант исключительного правового режима функционирования государственных органов и местного самоуправления на определенной территории.

Краткий исторический экскурс на примере США, на наш взгляд, фактологически подтверждает высказанное предположение об «интегративной» сущности чрезвычайного положения:

¹ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 23.06.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2022).

- в 1933 г. в период Великой депрессии президент Ф. Рузвельт вводил ЧП из-за волны банковских банкротств;
- в 1970 г. президент Р. Никсон дважды вводил ЧП в связи с массовой забастовкой почтовых работников, а в 1971 г. из-за тяжелой экономической ситуации;
- в 2021 г. Дж. Байденом ЧП введено в связи с «необычайной и экстраординарной» угрозой национальной безопасности США со стороны России.

Отмеченные выше состояния «чрезвычайности», а также соотношение между ними обладают некоей диалектической целостностью и взаимообусловленностью, имеющих, прежде всего, праксиологическое значение.

Однако феномен и понятие чрезвычайного периода не в полной мере вошли в научный оборот с соответствующей теоретической и, что особенно важно, практической интерпретацией. Эвристичный подход в использовании предикативности данного понятия было продемонстрировано лишь в трудах академика РАН В. Л. Квинта в контексте его концепции и научной школы стратегирования [4].

Под периодом обычно понимается круговорот, промежуток времени, зачастую дискретный и длительный, охватывающий какой-либо «законченный» процесс. В этой связи под чрезвычайным периодом следует понимать временной отрезок, последующий после чрезвычайной ситуации (не только природный или техногенный), имеющий долгосрочные последствия и требующие адекватных, как правило, длительных в пространстве и во времени мер стратегического управления, прежде всего, со стороны государства. На наш взгляд, к указанным параметрам в большей мере семантически относятся социально-экономические кризисы и, например, пандемия COVID–19, оказавшая воздействие на мировую экономику.

Очевидно, что именно экономические кризисы в полной мере представляют собой (от зарождения до своего пика) собственно чрезвычайный период и на макроуровне требуют соответствующей стратегии снижения последствий, а затем выхода из них.

В этой связи обозначенные теоретико-методологические подходы В. Л. Квинта дают полный и исчерпывающий по значимости ориентир [3]. Согласно им, автор определяет основные этапы стратегии в чрезвычайных периодах таковыми: система предупреждения, оценка сценария, принятие стратегических решений, реализация тактики.

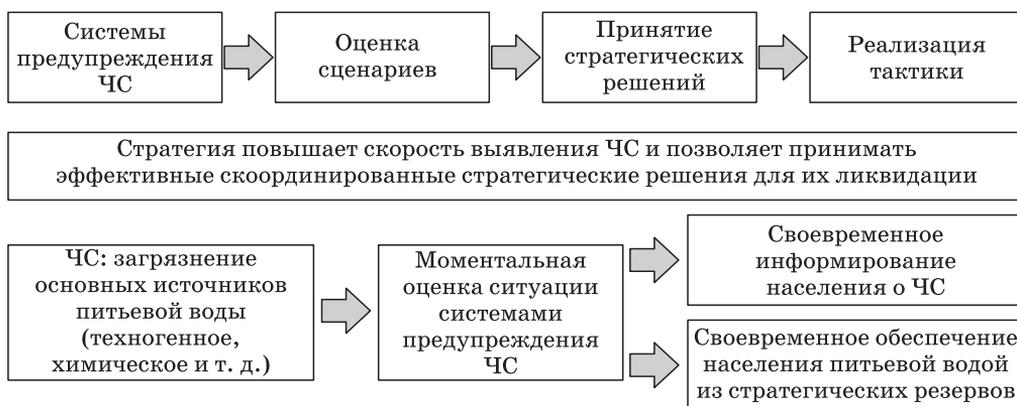

Рис. 4. Стратегия в чрезвычайных периодах
Fig. 4. Strategy in Emergency Periods

Источник: [3].

ляет принимать эффективные скоординированные стратегические решения для их ликвидации» [3], что представлено авторской схемой (рис. 4).

Известно, что начальным этапом формирования стратегии в любой сфере, особенно в социальной, включая экономическую, является прогнозирование любого фрагмента социального бытия. При этом имеется в виду, прежде всего, создание так называемого индикативного прогноза, возникающего посредством экстраполяции поискового (вероятностного) прогноза с учетом данных прогнозного фонда в рамках доминирующих сегодня тенденций в обозримое будущее стратегизируемого объекта. В этой связи возникает вопрос о содержательных и временных рамках, например, чрезвычайного периода, а также стратегических параметрах выхода из него.

Мы полагаем, что чрезвычайный период в экономике и ее развитии соответствует некоторым фазам экономического цикла:

- кризис (спад) экономический, обусловленный вышеотмеченными факторами, а также другими коллизиями природного, антропогенного, демографического и иного характера;
- депрессивная фаза возникает в связи с неэффективностью преодоления собственно кризиса, в современных реалиях наблюдается нечасто (в силу эффективности антикризисных мер и стратегического управления), однако может быть актуализирована из-за ошибок и просчетов, например, государственного регулирования [10; 18];
- фаза оживления свидетельствует о завершении чрезвычайного экономического периода и требует соответствующей стратегии выхода из него.

В общем виде стратегия выхода из чрезвычайных периодов, согласно академику В. Л. Квинту, выглядит следующим образом (рис. 5):

Рис. 5. Стратегия выхода из чрезвычайных периодов
Fig. 5. Emergency Exit Strategy

Источник: [3].

При этом элементами данной стратегии являются:

- устранение последствий и барьеров (препятствий) выхода из чрезвычайных периодов и создание тремпоральной необратимости оживления экономики;
- оценка новых условий (сложившихся экономических реалий) на фазе оживления;
- адаптация объекта стратегирования к новым устойчивым условиям по обеспечению экономического подъема [3].

Стратегия выхода из чрезвычайных периодов предполагает глобальный национальный, региональный и корпоративный уровни их формирования и реализации.

На наш взгляд, это общий подход к чрезвычайному периоду как объекту стратегирования возможно представить в качестве многосоставного по фазам экономического цикла: стратегия преодоления собственно экономического кризиса и его последствий; стратегия недопущения депрессии (если для этого есть «ресурсные» условия); стратегия выхода из чрезвычайного периода (рис. 6).

Мы согласны с мнением академика В. Л. Квинта, что создание той или иной стратегии в разных сферах социального бытия — это удел специальной компетенции и профессионалов. Нередко, социально-политическая практика демонстрирует варианты национальных стратегий, где экономические вопросы отражены в форме субстратегических вариантов соответствующих сфер общественной жизни.

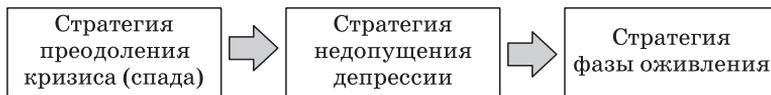

Рис. 6. Стратегирование чрезвычайного периода по фазам экономического развития

Fig. 6. Emergency Period Strategy for Economic Development Phases

Источник: разработано автором.

Нам представляется, что обеспечение экономической безопасности нашей страны суммарно соответствует противодействию социально-экономическим кризисам и соответствующим чрезвычайным периодам, поскольку затрагивает все аспекты экономического роста, его снижение или даже падение является индикатором приближения экономических неурядиц.

В заключение позволительно сделать некоторые основные выводы и суждения.

Экономические кризисы представляют собой сложный и многофакторный феномен, взаимосвязанный с другими коллизионными проявлениями (энергетическим, сырьевым, продовольственным и другими), в большинстве своем не имеющими так называемую циклическую природу. Для экономических кризисов, как показывает анализ базовых показателей экономики, последняя существенно трансформировалась как в части сокращения времени рецессии, так и периода депрессивного функционирования экономики.

Феномены чрезвычайности отражаются в понятиях «ситуация», «обстоятельство», «событие», «период» и с критериями: степень угрозы (опасности), ситуативность и безотлагательность реакций как формы воздействия, а также пространственно-временная всеобъемлемость. При этом под чрезвычайным периодом следует понимать временной отрезок, начинающийся с возникновения или после чрезвычайной ситуации, имеющий в сравнении с ней долгосрочные последствия, требующие адекватных мер стратегического управления, прежде всего со стороны государства и, особенно, в экономической сфере.

Экономические кризисы от зарождения до своего пика представляют собой чрезвычайный период, актуализируют необходимость стратегий снижения последствий и выхода из них.

Чрезвычайный период как объект стратегирования представляет собой многокомпонентный процесс по фазам экономического цикла: стратегии предупреждения кризиса, недопущения депрессии и обеспечения оживления с выходом из чрезвычайного периода.

Литература

1. Аганбегян А. Г. Главное наше преимущество — высокий интеллект. Интервью Академика Аганбегяна А. Г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/08/akademik-aganbegyan-v-den-90letnego-yubileya-dal-ocenku-rossiyskoy-ekonomiki.html?ysclid=I9ybtt7fx7838688598> (дата обращения: 15.08.2022).
2. Бабаева Э. Э. Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов: причины и последствия для мировой экономики // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2014. № 15. С. 12–16.
3. Квинт В. Л. Абрис стратегии как новой науки и ее роль в устойчивых условиях и в чрезвычайные периоды [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.msu.ru/strategy> (дата обращения: 15.04.2022).
4. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. СПб. : СЗИУ РАНХиГС. Т. 1, 2019., Т. 2, 2020.
5. Квинт В. Л. Россия: специфика кризиса и тенденции посткризисного развития // Экономика и управление. 2009. № 9. С. 8–10.

6. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М. : Экономика, 1989. 523 с.
7. Конт О. Дух позитивной философии. М. : Либроком, 2011. 76 с.
8. Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии. Т. 3. М. : Мысль, 1970. 775 с.
9. Коптелов И. О. Экономический цикл и сущность его проявления // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 10 (264). С. 24–28.
10. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М. : Дело АНХ, 2011. 232 с.
11. Стиглиц Дж. Крутое пики: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М. : Эксмо, 2011. 509 с.
12. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2008. 861 с.
13. Щербаков Г. А. Генезис и механизмы преодоления системных экономических кризисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 51–52.
14. Щербаков Г. А. Зависимость природы экономических явлений от источников хозяйственного роста. Периодические и системные экономические кризисы // Экономическая кибернетика и системная экономика: сб. материалов круглого стола XVII Международной конференции по мягким вычислениям SCM'2014. СПб. : ЛЭТИ, 2014. С. 113–117.
15. Hull J. Risk management and financial institutions. Published by John Wiley & Sons, Inc. Hoboken, New Jersey, 2018. 799 p.
16. Kvint V. The global emerging market: strategic management and economics. N.Y. : Routledge, 2009. 453 p.
17. Lothian J. R. US Monetary Policy and the Financial Crisis // The Journal of Economic Asymmetries. 2009. № 6 (2). P. 25–40.
18. Mensch G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. Frankfurt-am-Main : Umschau-Verlag, 1975. 287 p.
19. Posner R. A. A Failure of Capitalism: The crisis of '08 and the Descent into Depression. MA : Harvard University Press, 2009. 121 p.
20. Thorp W. Busines Annals. N.Y. : National Bureau of Economic Research, Inc., 1926. 380 p.

Об авторе:

Гринев Сергей Александрович, аспирант ВШГА, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), sergey-grinev@mail.ru

References

1. Aganbegyan A. G. Our main advantage is high intelligence. Interview of Academician Aganbegyan A. G. [Electronic source]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/08/akademik-aganbegyan-v-den-90letnego-yubileya-dal-ocenku-rossiyskoy-ekonomiki.html?ysclid=I9y6tt7fx7838688598> (accessed: 08.15.2022) (in Rus).
2. Babaeva E. E. The global financial crisis of 2008–2009: causes and consequences for the world economy // Economics and management in the XXI century: development trends [Ekonomika i upravleniye v XXI veke: tendentsii razvitiya]. 2014. N 15. P. 12–16 (in Rus).
3. Kvint V. L. Outline of strategy as a new science and its role in sustainable conditions and in emergency periods [Electronic source]. URL: <https://expert.msu.ru/strategy> (accessed: 04.15.2022) (in Rus).
4. Kvint V. L. The concept of strategizing. SPb. : NWIM PANEPA. Vol. 1, 2019., Vol. 2, 2020.
5. Kvint V. L. Russia: specifics of the crisis and trends of post-crisis development // Economics and management [Ekonomika i upravleniye]. 2009. N 9. P. 8–10 (in Rus).
6. Kondratiev N. D. Problems of economic dynamics. M. : Ekonomika, 1989. 523 p. (in Rus).
7. Comte A. The spirit of positive philosophy. M. : Librocom, 2011. 76 p. (in Rus).
8. Comte A. Course of positive philosophy. Anthology of World Philosophy. Vol. 3. M. : Thought, 1970. 775 p. (in Rus).
9. Koptelov I. O. The economic cycle and the essence of its manifestation // Bulletin of Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 10 (264). P. 24–28. (in Rus).
10. Peres K. Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity. M. : Delo, 2011. 232 p. (in Rus).

11. Stiglitz J. A Steep Dive: America and the New Economic Order after the global crisis. M. : Eksmo, 2011. 509 p. (in Rus).
12. Schumpeter J. A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. M. : Eksmo, 2008. 861 p. (in Rus).
13. Shcherbakov G. A. Genesis and mechanisms of overcoming systemic economic crises // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. N 2 (44). P. 51–52 (in Rus).
14. Shcherbakov G. A. Dependence of the nature of economic phenomena on the sources of economic growth. Periodic and systemic economic crises // Economic Cybernetics and System Economics: collection of materials of the round table of the XVII International Conference on Soft Computing SCM'2014. SPb. : LETI, 2014. P. 113–117. (in Rus).
15. Hull J. Risk management and financial institutions. Published by John Wiley & Sons, Inc. Hoboken, New Jersey, 2018. 799 p.
16. Kvint V. The global emerging market: strategic management and economics. N.Y.: Routledge, 2009. 453 p.
17. Lothian J. R. US Monetary Policy and the Financial Crisis // The Journal of Economic Asymmetries. 2009. N 6 (2). P. 25–40.
18. Mensch G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. Frankfurt-am-Main : Umschau-Verlag, 1975. 287 p.
19. Posner R. A. A Failure of Capitalism: The crisis of '08 and the Descent into Depression. MA: Harvard University Press, 2009. 121 p.
20. Thorp W. Busines Annals. N.Y.: National Bureau of Economic Research, Inc., 1926. 380 p.

About the author:

Sergey A. Grinev, Post-Graduate Student of the Higher School of Economics, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); sergey-grinev@mail.ru

Взаимообогащение или «утечка мозгов»?

Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии

Савельчев Л. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; Isavelchev-17@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Целью исследования является изучение феномена «утечки мозгов», формирующегося в ходе международной студенческой мобильности.

Методы. В качестве ответа на исследовательский вопрос «Какое влияние оказала международная студенческая мобильность между Россией и Германией на формирование «утечки мозгов» из России?» была выбрана качественная методология. Методами исследования выступают сравнительно-исторический метод (философская компаративистика) и метод кейс-стади. Сбор данных опирается на статистические и информационно-аналитические данные, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет.

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что международная студенческая мобильность между Россией и Германией носит неравномерный характер: количество российских студентов, ежегодно обучавшихся в Германии с 2013 по 2020 г., почти в 30 раз превышало количество немецких студентов, находящихся в России. Более того, 47% российских студентов, получивших разрешение на обучение в Германии с 2006 по 2011 г., спустя 10 лет все еще находились в ФРГ по разным основаниям, включая натурализацию.

Выводы. Во-первых, международная студенческая мобильность между Россией и Германией не способствует взаимному обогащению друг друга (то есть «циркуляции умов»), а скорее играет роль в оттоке интеллектуальных ресурсов для первой и прироста квалифицированной рабочей силы для второй, что свидетельствует о развитии феномена «утечки мозгов» из России. Во-вторых, различие в уровне социально-экономического развития и особенностях политической системы в России и Германии могут объяснять высокий спрос на немецкое высшее образование среди российских студентов и, в то же время, бесперспективность и непривлекательность российского высшего образования для немецких студентов. Также в качестве результата исследования автором выдвинуты рекомендации по укреплению технологического суверенитета России, преумножению и сохранению ее интеллектуального капитала.

Ключевые слова: студенческая мобильность, высшее образование, мягкая сила, утечка мозгов, миграция, Россия, Германия

Для цитирования: *Савельчев Л. А.* Взаимообогащение или «утечка мозгов»? Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 121–141.

Mutual Enrichment or Brain Drain? The Analysis of International Student Mobility in the Cases of Russia and Germany

Leonid A. Savelchev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; Isavelchev-17@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The study addresses the phenomenon of brain drain developing via international student mobility.

Methods. In order to address the research question “What impact has international student mobility between Russia and Germany had on the formation of the brain drain in Russia?” a qual-

itative methodology was applied with the comparative historical method (philosophical comparativism) and the case study. In terms of data collection techniques, document and Internet-based research was primary used.

Results. First and foremost, the research revealed that international student mobility between Russia and Germany is imbalanced: the number of Russian students studying in Germany from 2013 to 2020 was almost 30 times higher than the number of German students coming to Russia. Furthermore, 47% of the Russian students who were permitted to study in Germany from 2006 to 2011 were still there 10 years later on various reasons, including naturalisation.

Conclusions. Firstly, international student mobility between Russia and Germany does not contribute to the mutual enrichment of each other (brain circulation), but it rather plays a significant role in the brain drain formation of the former and the brain gain of the latter. Secondly, the difference in the level of socio-economic development and features of the political systems in Russia and Germany may explain the high demand for German higher education among Russian students and, at the same time, futility and unattractiveness of Russian higher education for German students. As an outcome, the author proposes recommendations for strengthening Russia's technological sovereignty, multiplying and preserving its intellectual capital.

Keywords: student mobility, higher education, soft power, brain drain, migration, Russia, Germany

For citing: Savelchev L.A. Mutual enrichment or brain drain? The analysis of international student mobility in the cases of Russia and Germany // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 121–141.

Введение

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, трансформацией современной экономики, влияющей на формирование спроса на рынке труда. В мире усиливается спрос на высшее образование, поскольку квалифицированные специалисты становятся необходимостью в условиях неопределенности меняющейся экономики и требований технологического прогресса¹. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), уровень занятости молодых людей (от 25 до 34 лет) с высшим образованием в 2021 г. был на 8% выше, чем у тех, кто получил полное среднее образование, и на 26% выше, чем у тех, кто получил образование ниже среднего². В 2019 г. страны ОЭСР инвестировали в среднем 18 тыс. долл. на одного студента в год на уровне высшего образования, а в отдельных странах, как Люксембург, Норвегия, Швеция, Великобритания и США, инвестиции составили более 25 тыс. долл³.

Во-вторых, ростом международной студенческой мобильности, являющейся средством накопления культурного капитала и фактором, способствующим перспективам трудоустройства и адаптации в межкультурном сообществе. Так, число студентов, получающих высшее образование за пределами своей родины, увеличилось с 0,8 млн чел. в 1975 г. до 6,4 млн студентов в 2020 г⁴. Вовлечение студентов-мигрантов реализуется через различные государственные механизмы: начиная от реализации стратегий «мягкой силы» с помощью стипендиальных программ и заканчивая репатриационной политикой и последовательной работой с соотечественниками, проживающими за рубежом [28, с. 11].

В-третьих, неравномерностью миграционных потоков квалифицированной рабочей силы на «Запад» из не западных стран (Восточной Европы, Африки и Азии),

¹ Education at a Glance 2022: OECD Indicators // OECD Library. P. 62 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3197152b-en.pdf?expires=1684584827&id=id&accname=guest&checksum=316E3C1F5E32A87DB0A4F9EFDB71AE61> (дата обращения: 13.05.2023).

² Ibid., p. 62.

³ Ibid., p. 238.

⁴ International student mobility // Wissenschaft weltoffen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/> (дата обращения: 20.05.2023).

предпосылки которых тесно связаны с наследием колониального господства США и Великобритании [28, с. 11]. Страны ОЭСР являются территориями с наибольшим притоком «мозгов»: там сосредоточено до 85% высокообразованных мигрантов со всего мира [19, с. 138]. Преимущественное движение человеческого капитала из малоразвитых и развивающихся стран в развитые является одним из факторов увеличения миграции, в частности количество мигрантов с 153 млн в 1990 г. выросло до 280 млн в 2020 г.¹

Сосредоточение квалифицированной рабочей силы в развитых регионах мира ведет к усилению борьбы за интеллектуальные ресурсы и способствует экономической и технологической зависимости малоразвитых и развивающихся стран [7, с. 135]. Исследования показывают положительные моменты от миграции высококвалифицированных специалистов для граждан стран с высоким уровнем эмиграции, а также для самих мигрантов, поскольку их уровень дохода возрастает от 40 до 75 тыс. долл. в год. При этом страны происхождения мигрантов получают наименьшую выгоду от эмиграции, неся фискальные потери от 6 до 17 тыс. долл. за одного индивида в год [18, с. 31]. Также «утечка мозгов» приводит к деградации национальных образовательных систем: около 20 стран потеряли почти треть или даже половину университетского образования, среди них Ливия, Сомали, Камбоджа, Афганистан, Гонконг и Ирландия [19, с. 138].

В данной работе автором предпринята попытка провести анализ статистических данных международной студенческой мобильности между Германией и Россией. Выбор кейсов обусловлен тем, что в первые два десятилетия нынешней эпохи Германия занимала лидирующие позиции в качестве важнейшего образовательного направления среди российских студентов и партнера для российских вузов (до февраля 2022 г.)².

Цель исследования состоит в изучении феномена «утечки мозгов», формирующегося в ходе международной студенческой мобильности.

Задачи исследования:

- определить понятие и классификацию международной студенческой мобильности;
- выявить место международной студенческой мобильности в теории социальной мобильности, концепции «мягкой силы», а также ее роль в формировании «утечки мозгов»;
- проанализировать статистические данные международных студенческих потоков между Россией и Германией;
- провести критический анализ того, насколько показатели социально-экономического и политического развития России и Германии могут влиять на приток международных студентов, быть следствием «утечки мозгов» и диспропорции в студенческих потоках.

Объектом исследования выступает феномен международной студенческой мобильности.

Предметом исследования является международная студенческая мобильность между Россией и Германией.

Исследовательский вопрос состоит в следующем: какое влияние оказала международная студенческая мобильность между Россией и Германией на формирование «утечки мозгов» из России?

¹ Population Division. International Migrant Stock 1990–2020 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 12.02.2023).

² Многолетнее взаимовыгодное партнерство // Посольство России в Федеративной Республике Германия [Электронный ресурс]. URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/information/dvustoronnie-otnosheniya/sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovani/mnogoletnee-vzaimovuygodnoe-partnyors/> (дата обращения: 24.02.2023).

В качестве **теоретической основы** исследования выступают теория социальной мобильности Питирима Сорокина [10], а также определение и классификация международной студенческой мобильности по Оксане Мартыненко [6], Джоанне Уотерс и Рэйчел Брукс [28]. В работе рассматривается связь международной студенческой мобильности и феномена «утечки мозгов» на основе исследования Невены Красули, Милицы Благодоевич и Иваны Радоевич [19], а также роль международной студенческой мобильности в качестве составляющей «мягкой силы» на основе неолиберальной концепции Джозефа Ная [24; 25; 26].

Литературный обзор

Концептуальные основы социальной мобильности разработал Питирим Сорокин в 1927 г., определив социальную мобильность как «переход индивида или социального объекта (ценности)... из одной социальной позиции в другую» [10, с. 373]. По Сорокину, существует два основополагающих вида мобильности: горизонтальная и вертикальная [10, с. 373]. Первая подразумевает движение индивида на одном уровне социального пласта в различных измерениях: территориальном, политическом, религиозном или семейном без изменения социального слоя (например, смена одного гражданства на другое), а вторая предполагает изменение социальной иерархии и профессионального статуса индивида, которое может быть как восходящим (например, с позиции штатного врача до главврача поликлиники), так и нисходящим (например, со среднего класса до уровня люмпенов) [10, с. 374–375]. Также Сорокин выделяет интенсивность (скорость) и всеобщность вертикальной мобильности: интенсивность — это количество социальных пластов и затраченных временных единиц, необходимых индивиду для продвижения по социальному лифту; в свою очередь всеобщность представляет собой количество индивидов, изменивших свое социальное положение за определенный промежуток времени. Абсолютное значение таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в рамках территориального образования (например, страны), а пропорция абсолютной всеобщности к генеральной совокупности населения дает относительную всеобщность. Вместе интенсивность (скорость) и относительная всеобщность составляют совокупный показатель вертикальной мобильности в той или иной сфере исследуемой территориальной единицы, который можно использовать в качестве сравнительного критерия двух и более территориальных единиц [10, с. 376].

Исходя из сказанного, международная студенческая мобильность представляет собой горизонтальный вид мобильности, прежде всего в территориальном измерении, поскольку происходит движение индивидов из одной страны в другую без изменения социального положения. По территориальному признаку, Джоанна Уотерс и Рэйчел Брукс классифицируют международную студенческую мобильность как «большую» (big) и «транснациональную» (transnational), подразумевающую мобильность на дальние расстояния с пересечением границ между странами на основе специальных миграционных разрешений (например, визы, вида на жительство или гражданства) [28, с. 4].

Оксана Мартыненко определяет международную студенческую мобильность в качестве инструмента, способствующего повышению эффективности образовательного процесса, формированию глобальной научно-образовательной сети и приумножению человеческого капитала [6, с. 65]. Из этого, в частности, следует, что студенческая мобильность может влиять на изменение социального положения и профессионального роста индивидов, что дает право рассматривать международную студенческую мобильность в качестве инструмента, влияющего на движение по вертикальной оси. Мартыненко классифицирует международную студенческую мобильность по признаку направленности: прямая и обратная [6, с. 66]. Прямая предполагает отток своих

студентов за рубеж, в свою очередь, обратная подразумевает приток иностранных студентов на свою территорию. В англоязычной литературе существует схожая типология: например, Уотерс и Брукс подразделяют студенческую мобильность на «входящую» (incoming mobility) и «исходящую» (outgoing mobility) [28, с. 10], но и в обоих случаях — и отечественном, и в зарубежном подходах этимологический смысл один и тот же¹.

В свою очередь основными участниками международной студенческой мобильности являются международные и/или иностранные студенты. Как отмечают Уотерс и Брукс, зачастую эти понятия взаимозаменяют, но если проводить различия, то иностранные студенты, будучи международными, могут быть долговременными жителями принимающей страны или родившимися в ней, не имея гражданства [28, с. 5]². В данной работе эти понятия будут использоваться в качестве синонимов, а за основу будет взято понятие международных студентов, предложенное ЮНЕСКО: лица, покидающие страну своего происхождения (резидентства), и выезжающие в иностранное государство с целью обучения в рамках программ высшего образования³.

Согласно международному стандарту классификации образования, к категории tertiary education (с англ. яз. — высшее, академическое образование) относятся: краткосрочные образовательные обмены (short-cycle tertiary education), бакалавриат (bachelor's), магистратура (master's) и докторантура (Doctoral, PhD) или их эквиваленты⁴. Также из этой классификации следует, что существует две основные формы (типа) международной студенческой мобильности: краткосрочная мобильность, предполагающая временное обучение в иностранном университете — от 1 до 2 семестров (credit mobility), и полное образование, целью которого является получение диплома о высшем образовании (degree mobility). В данной работе будут проанализированы данные перемещений иностранных студентов всех уровней и форм высшего образования.

С географической точки зрения мобильность и миграция являются синонимами, поскольку и то и другое представляет собой территориальное перемещение. При этом, как отмечают Уотерс и Брукс, сами международные студенты часто рассматриваются в качестве «проектов государства» (projects of state), т. е. по сути являются инструментами государственной политики принимающей страны [28, с. 131]. При этом стоит отметить, что многие государства рассматривают международных студентов скорее как долгоиграющих туристов, нежели иммигрантов [28, с. 134], хотя потенциально они все ими являются, поскольку при определенных условиях могут быть интегрированы в иностранное общество в процессе обучения или после

¹ Помимо incoming и outgoing в идентичном значении используются такие понятия, как inbound и outbound: например, см. определения на сайте статистической базы студенческой мобильности Project Atlas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-data/russia-2/> (дата обращения: 20.05.2023).

² В России эти понятия используются в качестве синонимов, а в Германии международных студентов подразделяют на две категории: студенты-нерезиденты (не имеют немецкого гражданства, получили школьное образование за пределами Германии и/или завершили подготовительный курс для поступления в немецкий университет) и студенты-неграждане (не имеют немецкого гражданства, имеют квалификацию для получения высшего образования или завершили обучение в немецкой школе, или сдали тест для одаренных студентов). Источник: Project Atlas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-data/germany-2/> (дата обращения: 20.05.2023).

³ Internationally mobile students // UNESCO: Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/glossary> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ International Standard Classification of education (ISCED), 2011 // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/education/isced-2011-operational-manual-9789264228368-en.htm> (дата обращения: 12.02.2023).

его завершения. Как точно подчеркивает Мария Троянская, образовательная мобильность наиболее идеальный вид миграции, поскольку основу целевой группы составляют молодые люди с высоким потенциалом адаптивности к новому окружению, знаниям и иностранной культуре [13, с. 357]. По этим причинам миграционная политика в отношении международных студентов может сильно отличаться: например, в Канаде после окончания обучения иностранцы вправе продолжить жить в стране, в то время как в Великобритании к иностранным студентам относятся как «враждебному окружению» (*hostile environment*), особенно это проявилось во время пребывания на посту Терезы Мэй, когда иностранные студенты были представлены в ложном свете как загостившиеся нелегалы (*intentional overstayers*). Хотя после Брексита и ужесточения пограничного контроля выяснилось, что 97% иностранцев покидают «Туманный Альбион» по завершении обучения, что стало «сюрпризом» для Британского правительства [28, р. 134–135], похоже, переоценившего привлекательность своей страны.

С позиции теории международных отношений (МО) международная студенческая мобильность может быть объяснена через призму либеральной школы МО. В частности, свобода рынка, углубление глобализации, удешевление трансатлантических воздушных перевозок и развитие информационно-коммуникационных технологий привели к увеличению роста мобильности населения, в том числе и образовательной [17, с. 194].

Особое значение в этой связи приобретает неолиберальная концепция «мягкой силы» Джозефа Ная, появившаяся в 1990 г. [23]. Согласно Наю, добиваться внешнеполитических целей можно не только при помощи традиционных («жестких») государственных ресурсов, институтов и инструментов, основанных на насилии и принуждении (например, армии и экономических санкций), но и кооптивных («мягких») средств, реализующихся за счет убеждения и привлекательности своей культуры, политических ценностей и государственной политики [25, с. 31]. Высшее образование, являясь элементом культуры, занимает системообразующую роль в мобилизации «мягкой силы» государств, поскольку способствует налаживанию долгосрочных отношений с «ключевыми лицами» посредством «эффекта просачивания» (*trickle-down effect*) [25, с. 102] или передачи культуры, идей и ценностей [25, с. 109]. Как отмечает Най, с окончания Второй мировой войны США обучили более 750 млн иностранных студентов по всему миру [26, с. 96], среди которых такие известные политики, как премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, канцлер Федеративной Республики Германия Гельмут Шмидт и президент Египта Анвар Садат [25, с. 109]. Основная позиция Ная состоит в том, что после обучения в США иностранные студенты вернутся в страну своего происхождения с лучшим пониманием США, ценностей и идей этой страны, а если студент займет должность в эшелонах политической власти своей страны, то это и вовсе может способствовать лояльной политике в соответствии с интересами Белого дома [25, с. 12–13]. Наиболее часто упоминаемым результатом «эффекта просачивания» идей демократии или «политического поцелуя смерти» США [26, с. 101] через студенческие обмены Най называл развал СССР [24, с. 14; 25, с. 46; 26, с. 96]. В частности, он пишет, что те идеи, которые были подхвачены Александром Яковлевым во время обучения в Колумбийском университете в 1958, нашли отражение в политических реформах его соратника Михаила Горбачева, приведшие к дезинтеграции государства [24, с. 14].

Как показывают исследования Кэрол Эткинсон [14], Анн Кроули-Виньо, Андрея Байкова и Елены Калужновой [16], международная студенческая мобильность действительно может являться эффективным инструментом государств по формированию и изменению политико-идеологических установок студентов: будь то либерализация авторитарных государств [14, с. 17] или выравнивание взглядов студентов

в соответствии с политической повесткой принимающей страны [16, с. 133–134]. Безусловно, формирование сети влиятельных выпускников, управление (манипуляция) мировоззрением студентов и проецирование культуры, идей и ценностей являются не единственными функциями образовательных обменов. Помимо прочего, международная студенческая мобильность способствует формированию имиджа и деловой репутации государств [15, с. 56]; привлекает квалифицированных специалистов для развития национальной экономики и создает крепкие партнерские связи [27, с. 66]. А также играет роль в формировании научно-образовательных сетей и стимулировании движения глобальной рабочей силы [9, с. 59]. Все это различные проявления «мягкой силы» государств — индивидуальные, направленные на достижение собственных интересов, или кооперативные, направленные на разделение общих интересов.

Процессы глобализации и интернационализации высшего образования¹ привели к размыванию территориальных границ государств, упрощенным миграционным требованиям на передвижение и, как следствие, к неравномерным миграционным потокам и формированию оттока населения в одних регионах, и притока рабочей силы в других. В особенности это касается диспропорции территориальной мобильности между развитыми и развивающимися странами: люди едут из развивающихся в развитые страны для поиска лучшей жизни — высокой зарплаты, работы, профессионального опыта и качественного обучения [7, с. 135]. При этом последствия миграции между развивающимися и развитыми странами зачастую играют негативный эффект для первых и выигрышный для последних, поскольку уехавшие граждане остаются в более развитых регионах, способствуя их экономическому развитию [2, с. 133].

Согласно международной стандартной классификации занятий (МСКЗ, 2008 г.), существует четыре уровня классификации труда: первые два уровня относятся к простому физическому труду, не требующему образования выше среднего или средне-специального; к третьему и четвертому уровню классификации относится сложный умственный труд, требующий специальных знаний и навыков в определенной профессиональной области, и предполагающий обучение в высшем учебном заведении от 1 до 3 лет для третьего уровня и от 3 до 6 лет для четвертого уровня. Иными словами, к третьему уровню труда относятся квалифицированные, а к четвертому уровню высококвалифицированные специалисты. Как отмечает Этери Рубинская [8, с. 146], каждая страна определяет свои критерии для определения квалифицированных и высококвалифицированных, поэтому в рамках данного исследования договоримся, что в отношении высшего образования третий уровень труда будет соответствовать квалификации бакалавра и магистра, а четвертый уровень квалификации PhD (или их эквивалентам).

Устойчивая односторонняя миграция квалифицированной рабочей силы из одной страны в другую получила в научном дискурсе название «утечка мозгов» (brain drain). Впервые термин был использован Британским королевским обществом в отношении только ученых (то есть сугубо высококвалифицированных специалистов),

¹ Глобализация в широком смысле подразумевает поток людей, товаров, услуг, знаний, ценностей, культуры и капитала через границы [20, с. 12]. Илья Ильин отмечает, что глобализация характеризуется укоренением взаимозависимости всех сфер человеческой жизнедеятельности, проявляющейся в создании единого политического, социального, культурного и экономического пространства [3, с. 148]. В свою очередь, как отмечает Цзянь Ли, интернационализация высшего образования способствует углублению глобализационных процессов, являясь инструментом по выстраиванию научно-образовательных партнерств между государственными и негосударственными акторами, развитию межкультурных навыков общения и созданию международного сознания между индивидами и социальными группами [20, с. 13].

мигрировавших из Великобритании в США и Канаду в середине XX в. Впоследствии под «утечкой мозгов» стали понимать отток всех индивидов, имеющих высшее образование (квалифицированных специалистов), за рубеж [19, с. 132]. С целью упрощения понятийного аппарата под «утечкой мозгов» будет пониматься отток студентов всех форм и уровней высшего образования за рубеж, которые интегрировались в принимающую страну и не вернулись обратно в страну своего происхождения. А для обозначения агентов, составляющих «утечку мозгов», будет использоваться унифицированное понятие «квалифицированные специалисты», включающее лиц, получающих первую ступень высшего образования (бакалавриат, включая обмены), и лиц, продолжающих обучение по программам высшего образования (магистратура, PhD и обмены).

Невена Красуля, Милица Благоевич и Ивана Радоевич выделяют три основных подхода относительно «утечки мозгов». Согласно первому, появившемуся в 1960-х годах, отток квалифицированной силы носит нейтральный характер для страны-эмигранта, поскольку процент покинувших страну не является критическим: в стране есть люди, которые могут заменить тех, кто уехал, и высока вероятность того, что те, кто уехал, вернутся с новыми «активами» для развития своей Родины [19, с. 133]. Согласно второму подходу, который появился в 1970-х годах, «утечка мозгов» приводит к дисбалансу на международном уровне ввиду того, что богатые становятся богаче, а бедные беднее. Иными словами, это приводит к проигрышу развивающиеся страны, из которых уезжают специалисты в более развитые государства, поскольку маловероятно, что люди, находящиеся в поисках лучшей жизни, вернутся туда, где жизнь лучше не стала. Согласно третьему подходу, появившемуся в 1990-х годах, «утечка мозгов» подталкивает страны к пересмотру образовательных систем, чтобы привлечь «утекшие» кадры обратно, а также способствует выстраиванию сетевых форм взаимодействия между развивающимися и развитыми странами [19, с. 134].

При этом за оттоком квалифицированных специалистов могут стоять социальные, экономические и политические предпосылки [5, с. 104; 19, с. 134]. Однако в отношении международных студентов не всегда фактор нестабильности в той или сфере общественной жизни в их родной стране будет являться стимулом для обучения за рубежом и последующей интеграции (включая натурализацию). Особую роль в данном случае приобретает привлекательность высшего образования, культуры, политической системы, уровня социально-экономического развития государства или будущие перспективы профессионального роста. Например, исследование Бенджамина Малви об угандийских студентах, обучавшихся в Китае, показало, что студенты могут даже не восхищаться культурной привлекательностью принимающей страны, но все равно принимать участие в программах международной студенческой мобильности [22]. Участие в мобильности, безусловно, расширило представление африканских студентов о Китае, но не изменило в корне их скептическое отношение к стране. Угандийские выпускники внесли свой вклад в «мягкую силу» Китая, но не потому, что Китай был симпатичен и привлекателен для студентов, а потому, что трудоустройство и конвертация знаний (например, китайского языка), полученных в Китае, могли помочь им улучшить экономические и личные карьерные возможности в Уганде [22, с. 474]. Это означает, что рациональность также играет определенную роль, становясь актуальным мотивом для принятия студентами решений о том, где учиться за рубежом.

Похожей позиции придерживается Джоанна Уотерс и Рэйчел Брукс: с одной стороны, за мотивацией может стоять «желание укрепить свое социальное положение», а с другой стороны, возможность сметить обстановку и познакомиться с новой академической культурой [28, с. 168]. Например, китайские студенты выбирают США, потому что американские программы предлагают всестороннее образование, фокусирующееся на критическом мышлении и творчестве, в отличие от тех, что

реализуются в Китае [28, с. 170]. Аналогичным образом, британские студенты приводят в качестве мотивации для выезда на учебу за границу продвинутую учебную программу в США. А большинство иностранных студентов, участвующих в программе Erasmus (европейская программа обмена студентами и преподавателями), «рассматривают свое пребывание за границей как побег от давления существующих образовательных режимов» [Там же]. Пренебрегаемые прагматические, личные мотивы и рациональность индивидов (т. е. студентов), которые определяют их выбор места обучения, были самым последним вопросом, кратко рассмотренным в текущей литературе. Как отмечают Бенджамин Малви [22] и Сильвия Ломер [21], этот вопрос играет все более важную роль в современном мире и экономике — ситуации, которая поощряет трудовую мобильность и несет в себе сильный положительный потенциал для планов социальной мобильности индивида. Это специфическое направление в интерпретации выбора и мотивации студенческой мобильности ставит рационального, самомотивированного индивида обратно в центр принятия решений, место, которое в более раннем восприятии, казалось, было зарезервировано для рационального государства и его потребностей в безопасности (студенты рассматривались как агенты той или иной страны и т. д.). В настоящее время существующая литература обнаруживает пробел и указывает на настоятельную необходимость совместного и взаимодополняющего рассмотрения этих двух точек зрения в будущих исследованиях.

Интересным является и вопрос о том, является ли развитие интернационализации высшего образования целенаправленными действиями по выманиванию талантов из других стран или это следствие конкуренции открытого рынка. Например, Дарья Ковба и Екатерина Грибовод подчеркивают, что российское академическое сообщество относится к студенческой мобильности настороженно, поскольку инвестиции в продвижение программ обмена со стороны западных стран несут «стратегическую подоплеку» по формированию «утечки мозгов» из России и лояльности к иностранным государствам [4, с. 24]. Как отмечает ОЭСР, «утечка мозгов» действительно является фактором риска для отправляющих государств, однако, если студенты возвращаются, то они способствуют росту социально-экономического капитала и помогают интегрировать свою страну в глобальные научно-образовательные сети¹. Однако ключевое здесь «если»: к примеру, в странах ОЭСР сосредоточено до 85% квалифицированных мигрантов со всего мира, а их рост с 2000 по 2016 г. составил 108% [8, с. 147]. Этот факт, в частности, подтверждает, что однажды прибывшие квалифицированные специалисты (будь то студенты, получающие образование, или лица, уже имеющие высшее образование) остаются в принимающей стране.

Наряду с термином «утечка мозгов» тесно переплетены и такие понятия, как «мозговая трата» (brain-waste) и «циркуляция умов» (brain-circulation). В первом случае идет речь о квалифицированной рабочей силе, фактический род деятельности которых на новом месте ниже, чем их профессиональная квалификация: например, в 2008 г. 90% мигрантов со степенью магистра и 96% со степенью PhD занимали рабочие позиции в США, не требующие квалификации выше диплома колледжа [19, с. 133]. В свою очередь «циркуляция мозгов» подразумевает двухсторонний поток квалифицированной силы из страны в страну — то есть в данном случае «перемещение мозгов» может рассматриваться скорее как источник выгоды для всех стран, на которые работает индивид [19, с. 136]. Из этого следует, что «мозговая трата» — наименее перспективный результат социальной мобильности

¹ Education at a Glance 2022: OECD Indicators // OECD Publishing, Paris. 2022. P. 219 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/deliver/3197152b-en.pdf?itemId=/content/publication/3197152b-en&mimeType=pdf> (дата обращения: 21.05.2023).

индивидов, поскольку это не приносит пользы ни стране-происхождения индивида, ни ему самому в плане интеллектуального «простоя», потенциал которого, возможно, мог бы быть использован во благо и на Родине эмигранта, если бы не ряд факторов, из-за которых было принято решение уехать. В свою очередь «циркуляция умов» — наиболее идеальная форма обмена человеческим капиталом, от которой теоретически будут в выигрыше все: сам индивид, страна его происхождения и страна временного пребывания.

Подводя черту под теоретическим анализом феномена международной студенческой мобильности как части социальной мобильности, географической миграции и «мягкой силы» государств, стоит отметить, что перетекание человеческого капитала из страны в страну стало обыденным явлением, вызванным либерализацией рынка и общими тенденциями глобализации. Однако односторонняя миграция из развивающихся в развитые страны продолжает усиливать неравенство в системе международных отношений, делая экономически богаче развитые страны, при этом усугубляя социально-экономическое положение развивающихся стран. Это представляет серьезный вызов для последних, правительствам которых необходимо укреплять и развивать научно-образовательные сферы, проводить политику по удержанию талантов и развивать систему поддержки репатриантов [5, с. 106; 7, с. 137; 19, с. 140]. В противном случае поддержание технологического суверенитета и экономического роста станет трудно достижимым.

Методология

Данное исследование основано на сравнительно-историческом методе (философской компаративистике) и методе кейс-стади. В качестве кейсов выступают Россия и Германия, а именно сравнительный анализ международной студенческой мобильности высшего образования между двумя странами. Сбор данных опирается на статистические и документальные источники, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет.

Информационную и эмпирическую основы исследования составили официальные данные и статистическая информация Организации Объединенных Наций (ООН); специализированного учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; немецкой статистической службы Wissenschaft weltweit и Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt). А также аналитические обзоры и информационные материалы, представленные Немецкой службой академических обменов (DAAD), индекс демократии от британского журнала Economist (Democracy Index), индексы университетов от британского журнала Times Higher Education и британской аналитической компании Quacquarelli Symonds (World University Rankings) и индекс «мягкой силы» от британского консалтингового агентства Brand Finance (Global Soft Power Index).

В ходе исследования были использованы данные таких информационных ресурсов, как официальный сайт Посольства Российской Федерации в Федеративной Республике Германия, портал о высшем образовании в России для иностранных студентов Study in Russia и российский медиахолдинг РБК.

Обсуждение

В январе 2022 г. министр иностранных дел Германии Анналена Бербок на встрече с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым озвучила, что «в Германии обучаются 14 тысяч молодых россиян — такого количества граждан России

больше нет ни в одной другой стране мира». Кроме того, Бербок подчеркнула, что между российскими и немецкими университетами существует порядка тысячи партнерских связей, которые подчеркивают особую ценность образования как важного инструмента в укреплении российско-германских отношений¹. Важность высшего образования как связующего элемента в двухсторонних отношениях России и Германии упоминается и в российском политическом дискурсе. Как отметил Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству, посол по особым поручениям, «Германия традиционно — ключевой партнер для России, не только в политико-экономическом смысле, но и в духовном. Это всегда была очень серьезная, глубинная связь интеллектуальных элит двух стран, которая, в общем, принесла очень много пользы человечеству»².

В совместном заявлении Сергея Лаврова и Хайко Мааса в декабре 2018 г. об объявлении российско-германского года «перекрестных» образовательных партнерств было сказано, что научно-образовательное партнерство является «несущим элементом двухстороннего сотрудничества между Россией и Германией»³. В том же месяце правительствами двух государств была подписана Дорожная карта сотрудничества в области образования и науки, установившая стратегию развития российско-германских отношений на 10-летний период на принципах взаимовыгодного партнерства⁴. Одним из направлений Дорожной карты являлись студенческие обмены по принципу «циркуляции умов»⁵. Однако, как показывает анализ статистики, образовательные обмены между Россией и Германией реализовывались скорее по принципу «утечки мозгов», нежели взаимообогащения исходя из неравномерности студенческих потоков, различий в предпочтениях российских и немецких студентов по образовательным направлениям, а также статистических данных, указывающих на интеграцию российских студентов в немецкое общество.

По данным статистических данных ОЭСР и Федерального статистического управления Германии, доступных за 2013–2020 гг., количество российских студентов, зачисленных в университеты Германии, стабильно превышает количество немецких студентов, зачисленных в российские вузы, почти в 30 раз (рис. 1).

Как показывают данные ЮНЕСКО за 2020 г., Германия являлась первой в списке

¹ Срочное заявление Лаврова и МИД Германии по Украине и Северному потоку // Политик: Россия, Украина, США, ЕС [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZsbHu11CmMo* (дата обращения: 26.10.2022). *ПКН: сайт нарушает законодательство РФ.

² Торжественное закрытие перекрестного российско-германского года научно-образовательных партнерств // Университет науки и технологий МИСИС [Электронный ресурс]. URL: <https://misis.ru/university/news/science/2020-09/6928/> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Совместное заявление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и Федерального министра иностранных дел Федеративной Республики Германия Х. Мааса о проведении в 2018–2020 гг. российско-германского «перекрестного» года научно-образовательных партнерств от 06 декабря 2018 г. С. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://russia-germany-cooperation.ru/upload/181130_RAM_GE_rus.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

⁴ Дорожная карта была приостановлена 25 февраля 2022 г. по инициативе немецкой стороны, как и все сотрудничество с Россией в научно-образовательной сфере в целом по причине начала СВО. Источник: Сотрудничество в сфере образования, науки, исследований и инноваций // Посольство Российской Федерации в Федеративной Республике Германия [Электронный ресурс]. URL: <https://germany.mid.ru/ru/rusger/bilateral-relations/science-cooperation/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁵ Российско-Германская Дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральным министерством образования и научных исследований Федеративной Республики Германия от 10 декабря 2018 г. С. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/12/Rossiisko-Germanskaya_dorozhnaya_karta.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

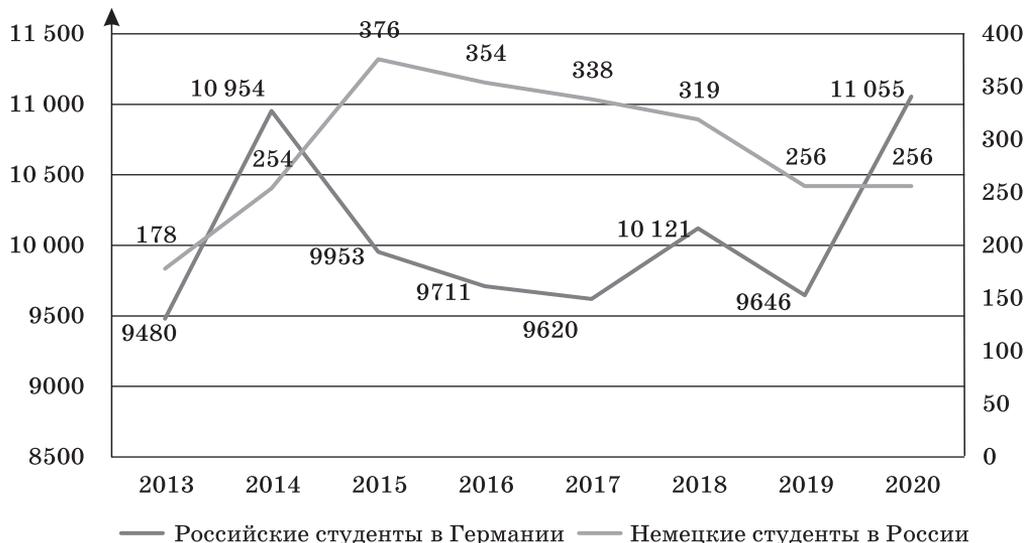

Рис. 1. Российские и немецкие студенты, зачисленные с 2013 по 2020 г.
Fig. 1. Russian and German students enrolled from 2013 to 2020

Источник: составлено автором на основе статистических баз данных ОЭСР (OECD) Enrolment of international students by country of origin // OECD.Stat [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EDU_ENRL_MOBILE > (дата обращения: 23.02.2023) и Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt) German students studying abroad: Germany, years, study // Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=previous&levelindex=1&step=1&titel=Result&levelid=1684744242631&acceptscookies=falseabreadcrumb> (дата обращения: 23.02.2023).

предпочтений российских студентов, в свою очередь Россия занимала лишь 31-е место в рейтинге образовательных дестинаций немецких студентов¹. Данный факт, в частности, объясняет диспропорцию в студенческих потоках между Россией и Германией, а также идет вразрез с политическим дискурсом о «неоценимом заделе для будущего сотрудничества между россиянами и немцами»² и принципом взаимообогащения («циркуляции умов») двух государств (установленным в рамках билатерального соглашения).

Сравнительный анализ образовательных направлений российских и немецких студентов демонстрирует ряд общих и особенных аспектов (табл. 1). С одной стороны, и российские, и немецкие студенты выбирают для обучения США и Великобританию, что неудивительно, поскольку эти направления являются лидерами по экспорту образовательных услуг на мировой арене (как по количеству международных студентов на территории, так и по количеству вузов в топ-100 глобальных рейтингов университетов). С другой стороны, помимо англо-американских стран, немцы выбирают приграничные государства, такие как Австрия, Нидерланды и Швей-

¹ Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO: Institute for Statistics, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 22.05.2023).

² Из совместного заявления Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и Федерального министра иностранных дел Федеративной Республики Германия Х. Мааса о проведении в 2018–2020 гг. российско-германского «перекрестного» Года научно-образовательных партнерств [Электронный ресурс]. URL: <https://russia-germany-cooperation.ru/uber-das-themenjahr/> (дата обращения: 06.02.2023).

Топ-5 образовательных направлений студентов из России и Германии

Table 1. Top 5 educational areas of students from Russia and Germany

Российские студенты (2020, ЮНЕСКО)	Немецкие студенты (2020, ЮНЕСКО и Wissenschaft weltoffen)
Германия	Австрия
Чехия	Нидерланды
США	Великобритания
Великобритания	Швейцария
Франция	США

Источник: составлено автором на основе статистических баз данных ЮНЕСКО (Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO: Institute for Statistics, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 23.02.2023) и немецкого проекта доступной статистики Wissenschaft weltoffen [Электронный ресурс]. Data // Wissenschaft weltoffen. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/> (дата обращения: 23.02.2023).

цария. Территориальная близость этих стран, самобытность языка (в случае с Австрией и Швейцарией) или его схожесть (в случае с Нидерландами), по-видимому, объясняют популярность этих направлений у немцев. Что касается российских студентов, то выбор Германии, в первую очередь, можно объяснить доступностью высшего образования: как отмечает Екатерина Антюхова, с 2014–2015 гг. высшее образование в государственных университетах Германии бесплатное для всех студентов — как немецких, так и иностранных [1, с. 43].

Приведенные статистические данные демонстрируют чрезвычайно высокий интерес российских студентов к Германии и экстремально низкий интерес к российскому высшему образованию со стороны немецких студентов. В этой связи целесообразно посмотреть на влияние привлекательности «мягкой силы» высшего образования Германии на формирование «утечки мозгов» из России. Как показывают данные Федерального статистического управления Германии (Statistisches Bundesamt), 47% российских студентов (из 12 тыс.), впервые получивших вид на жительство (ВНЖ) по учебным основаниям с 2006 по 2011 гг., спустя 10 лет все еще находились в Германии (см. рис. 2). При этом, если сравнивать количество вернувшихся студентов обратно домой после обучения в Германии с Турцией, Китаем и США, подавляющее большинство вернувшихся относится к гражданам США — только 14% американских студентов спустя 10 лет продолжают находиться в Германии; далее следуют резиденты Турции (28%) и граждане Поднебесной (30%)¹. Как видно на рис. 2, наибольший отток российских студентов происходил в первые 1–2 года, что демонстрирует спад кривой. В остальной части периода резких колебаний не наблюдается и присутствует медленная тенденция к снижению.

Спустя 10 лет из 5615 российских студентов 12% были натурализованы, 38% получили ВНЖ по семейным обстоятельствам, 37% находились с ВНЖ по рабочим основаниям, 7% продолжали учиться, 3,5% россиян получили ВНЖ со статусом свободного передвижения в рамках законодательства ЕС, 2% находились со статусом в «поисках работы», а остальные 0,5% жили в Германии в рамках междуна-

¹ One third of international students stay in Germany for a longer period // Statistisches Bundesamt. 2022. 12 October [Электронный ресурс]. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2022/10/PE22_435_12.html (дата обращения: 22.05.2023).

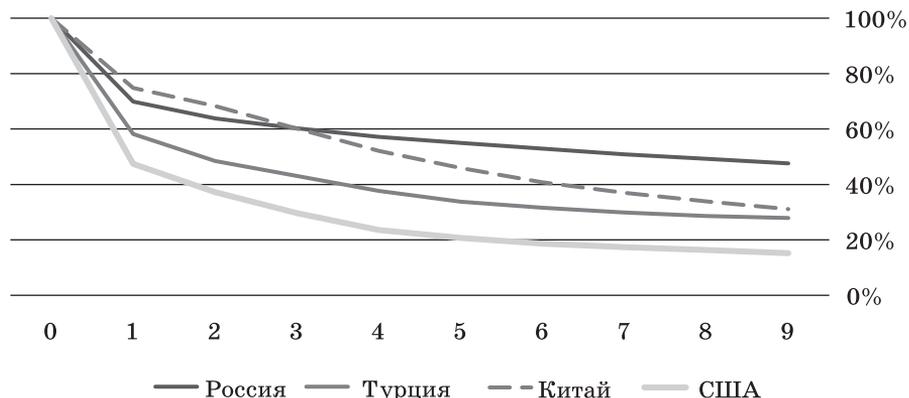

Рис. 2. Доля иностранных студентов, живущих в Германии спустя 10 лет (в процентах)

Fig. 2. Proportion of international students living in Germany after 10 years (percentage)

Источники: One third of international students stay in Germany for a longer period // Statistisches Bundesamt. 2022. 12 October.

родного права, гуманитарных и иных оснований¹. Эти данные являются эмпирическим доказательством того, что студенческий обмен между Россией и Германией не носит взаимовыгодный характер, а скорее способствует оттоку квалифицированной рабочей силы и формированию «утечки мозгов» из России.

Как было упомянуто в литературном обзоре, отток квалифицированной рабочей силы может быть связан с привлекательностью социально-экономической и политической системы иностранного государства. Именно различие в этих сферах может являться ключевой причиной того, почему российские студенты выбирают Германию в качестве образовательного направления и интегрируются в немецкое общество в процессе или после окончания обучения, а немецкие студенты, в свою очередь, испытывают экстремально низкий интерес к высшему образованию в России.

Сравнительный анализ таких критериев социально-экономического и политического развития, как индексы демократии и «мягкой силы», уровень минимального размера оплаты труда и финансовая поддержка студентов в России и Германии, отчетливо показывают, что первая отстает от второй по всем анализируемым критериям (табл. 2). Высокая финансовая поддержка иностранных студентов, доступное высшее образование, распространенность англоязычных программ и перспективы дальнейшего трудоустройства делают немецкое высшее образование привлекательным для российских студентов. В свою очередь, минимальная финансовая поддержка студентов, ограниченность бюджетных квот и лимитированный набор англоязычных программ делает российское высшее образование неперспективным для многих немецких студентов.

Фактор демократизации политической системы (электоральный процесс, механизм сдержек и противовесов, политическая культура, гражданские права и свободы), вероятно, также играет роль в принятии решений студентами при выборе образовательной дестинации, но не всегда ключевую, поскольку Китай с показателем 1,92 по демократии² занимал 9-ю строчку в списке международной студенческой мобиль-

¹ Там же.

² Democracy Index 2022: Frontline democracy and the battle for Ukraine [Электронный ресурс] // Economist Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2022/> (дата обращения: 22.05.2023).

Сравнительный анализ показателей социально-экономического и политического развития России и Германии

Table 2. Comparative analysis of indicators of socio-economic and political development of Russia and Germany

Критерий	Россия	Германия
Индекс демократии (Economist, 2022)	2,28 балла из 10 (авто-кратия)	8,80 из 10 (развитая демократия)
Индекс «мягкой силы» (Brand Finance, 2023)	13-е место из 100	3-е место из 100
Минимальный размер оплаты труда	16 242 руб.	1987 евро
Стоимость высшего образования	Платное, есть бюджетные места на конкурсной основе и квоты для иностранных студентов	Бесплатное (в государственных университетах)
Размер минимальной стипендии	1755 руб. — для граждан России, обучавшихся на бюджетной основе в 2022 г.; 1484 руб. — для иностранных студентов, обучавшихся по квоте Правительства РФ в 2020 г.	Нет государственных академических стипендий. 934 евро — для российских студентов, выигравших грант Немецкой службы академических обменов в 2023 г.
Программы на иностранном языке (бакалавриат и магистратура)	Около 200 программ на английском языке	Около 1700 программ на английском языке
Рейтинг топ-100 университетов мира	0 (Times, 2023) 1 (QS, 2021)	9 (Times, 2023) 3 (QS, 2021)

Источник: составлена автором на основе информационно-аналитических данных, находящихся в открытом доступе в сети Интернет. **Индекс демократии.** Источник: Democracy Index 2022: Frontline democracy and the battle for Ukraine // Economist Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2022/>. **Индекс «мягкой силы».** Источник: Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance [Электронный ресурс]. URL: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2023-digital.pdf>. **МРОТ.** Источники: Федеральный закон от 19.12.2022 № 522-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» и о приостановлении действия ее отдельных положений» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434562/ и Germany has second-highest minimum wage in the EU // Statistisches Bundesamt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.destatis.de/Europa/EN/Topic/Population-Labour-Social-Issues/Labour-market/MinimumWages.html>. **Размер стипендии.** Источники: Поддержка от вуза и государства: какие стипендии могут получить российские студенты // Министерство науки и высшего образования РФ. — 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/47766/>. Госстипендии для иностранных студентов (бюджетные места — квота Правительства РФ) // Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов Study in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/scholarships/>. Стипендии для последипломного обучения для выпускников вузов всех специальностей // Немецкая служба академических обменов (DAAD) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.daad.ru/ru/poisk-finansirovaniya/stipendii/ctipendii-dlya-poslediplomnogo-obuchen/>. **Программы на иностранном языке.** Источники: Образовательные программы // Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов Study in Russia [Электрон-

ный ресурс]. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/programs/>. International programmes in Germany 2022–2023 // German Academic Exchange Service [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.daad.de/deutschland/studienangebote/international-programmes/en/>. **Глобальный рейтинг университетов**. Источники: World University Rankings 2023 // Times Higher Education [Электронный ресурс]. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2023/world-ranking!/length/100/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/scores. QS World University Rankings // Education Index: образование за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/>.

ности немцев в 2020 г.¹, в то время как Россия была в тридцатке списка. Можно предположить, что в данном случае играет роль фактор привлекательности азиатской культуры, китайского языка и подъема Китая как одного из ключевых игроков на мировой арене, включая восприятие страны, образ в глобальной информационной повестке, репутацию и узнаваемость бренда страны. Также нельзя исключать и сугубо рациональный подход студентов при выборе образовательного направления: студенты могут сопоставлять, какое направление и форма обучения в будущем окупят их капитал, вложенный в высшее образование, и позволят продвинуться по социальному и профессиональному статусу (например, как в случае с угандийскими студентами, рассмотренными в литературном обзоре).

Индексы «мягкой силы» — еще один (комплексный) инструмент оценки показателем социально-экономического и политического развития, ставший первой попыткой измерить нематериальные активы «мягкой силы» государств, предложенные Джозефом Наем. К одним из таких относится Глобальный индекс «мягкой силы» от британского консалтингового агентства Brand Finance. Детальная методология данного рейтинга не раскрывается в открытом доступе, однако базовые параметры измерения известны — это узнаваемость, репутация и влияние, и восемь отраслевых блоков (управление, международные отношения, образование и наука, культура, СМИ, бизнес, экология, люди и ценности), включающие свои критерии оценки. В качестве сбора данных Агентство использует опросы и экспертное мнение, как указывается, в сумме 110 000 чел. из более 100 стран мира. В общем индексе 2023 г. Россия занимает 13-е место. Самый сильный российский показатель — «развитие космоса» (2-е место) в отраслевом блоке «образование и наука», а также «узнаваемость» и «влияние». Самыми низкими показателями являются «репутация» (упала с 23-го места в 2022 г. на 105-е в 2023 г.), «управление», «СМИ», а также «люди и ценности». Таким образом, можно предположить, что особенности российской «мягкой силы» и ее индекса демократии, скорее всего, не способствуют привлекательности высшего образования среди либерально настроенных студентов из Германии, а, наоборот, заостряют фактор личной безопасности.

Рейтинги университетов также способствуют привлечению международных студентов, поскольку являются показателем качества высшего образования, репутации, престижа и узнаваемости вузов, а также развитости технологической базы [12]. В глобальный рейтинг университетов от британской компании Times в 2023 г. в топ-100 не вошел ни один российский университет, а в индексе от другой британской организации Quacquarelli Symonds в 2021 г. в топ-100 вошел только один российский университет — МГУ им. Ломоносова, заняв 74-е место. Исходя из оцениваемых критериев, Московский университет уступает по проценту цитирования на одного преподавателя (7,4 балла из 100) и количеству иностранных научно-педагогических кадров (20,1 балла из 100)².

¹ Data // Wissenschaft weltoffen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/en/data/> (дата обращения: 22.05.2023)

² QS World University Rankings // Education Index: образование за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/> (дата обращения: 22.05.2023).

Российский политический дискурс в отношении «утечки мозгов» противоречив. С одной стороны, политическая элита признает существование данного феномена в России. Например, Владимир Путин в 2020 г. заявил, что «утечка мозгов» имеет место быть и связана с посредственными условиями труда: «рыба ищет где глубже, а человек — где лучше», — сказал Путин, — заключив, что выхода из ситуации два: либо устанавливать железный занавес по опыту СССР, либо повышать уровень заработной платы¹. Другой пример связан с выходом России из Болонской системы в мае 2022 г.: по мнению председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга Александра Бельского, основная причина выхода из европейского образовательного пространства — нежелание России больше поощрять «утечку мозгов» из своей страны². С другой стороны, «утечка мозгов» отрицается. К примеру, Валерий Фальков, министр науки и высшего образования России, считает некорректным относить к «утечке мозгов» всех лиц, имеющих высшее образование, поскольку, по его мнению, под данным феноменом следует понимать отток только ученых, то есть лиц, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, — дефицита которых в России не наблюдается³.

Выводы

Автор приходит к выводу о том, что студенческие обмены между Россией и Германией не способствуют взаимному обогащению друг друга, а скорее играют роль оттока интеллектуальных ресурсов для первой и прироста квалифицированной рабочей силы для второй. Германия является приоритетным образовательным направлением среди российских студентов: ежегодно в университеты Германии зачисляются около 10 тыс. студентов из России (а по разным оценкам, и более). В свою очередь Россия не поднимается выше 30-го места в предпочтениях немецких студентов. Спустя 10 лет, почти 50% российских студентов, получивших вид на жительство по учебным основаниям с 2006 по 2011 гг., все еще находились на территории Германии по разным основаниям: были натурализованы и отказались от российского гражданства, обзавелись семьей, трудоустроились, продолжили учиться, находились в поисках работы, получили разрешение на свободное передвижение в рамках законодательства ЕС, международного права, гуманитарных и иных оснований.

Результаты проведенного анализа статистических и информационно-аналитических данных свидетельствуют о неблагоприятных социально-экономических и политических тенденциях развития в России, которые могут быть предпосылками оттока квалифицированной рабочей силы из России (интеграции российских студентов в немецкое общество, в частности). Разница в уровне социально-экономического развития и особенностях политической системы России и Германии является наиболее вероятной причиной экстремально высокой привлекательности немецкого высшего образования среди российских студентов и, в то же время, чрезвычайно низкой привлекательности и перспективности российского высшего образования для немецких студентов.

¹ Тадтаев Г. Путин назвал два возможных пути предотвращения «утечки мозгов» // РБК. 2020. 27 фев. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/02/2020/5e5764309a794785623267d3> (дата обращения: 11.02.2023).

² Воробьева Ю. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется // РБК. 2022. 28 мая. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения: 11.02.2023).

³ Губернаторов Е., Заброда А. В Минобрнауки проанализируют причины «утечки мозгов» из России // РБК. 2021. 27 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/08/2021/61279e329a79472beed00662?ysclid=ldvijxouhf985758931> (дата обращения: 11.02.2023).

Хотя выявленные доказательства «оттока талантов» из России не являются повальными, они, тем не менее, свидетельствуют о развитии данного тренда в России, на что федеральные и региональные государственные органы власти должны обратить пристальное внимание.

В качестве **рекомендаций** по сохранению интеллектуального капитала страны и привлечению международных студентов предлагается следующее:

- 1) способствовать повышению качества программ высшего образования: необходимо привлекать иностранных методистов и научно-педагогические кадры из зарубежных вузов для имплементации лучших мировых образовательных практик; налаживать межвузовские партнерства, наращивая студенческую и педагогическую мобильность; актуализировать образовательные программы в соответствии с востребованными компетенциями на рынке труда;
- 2) поэтапно увеличивать количество бюджетных квот по направлениям высшего образования как для российских, так и для иностранных граждан;
- 3) повышать размер минимальных академических стипендий по программам очного обучения: минимальные стипендии должны соответствовать расходам на общежитие, общественный транспорт и базовую продовольственную корзину;
- 4) способствовать возвращению талантливых и квалифицированных соотечественников обратно в Россию;
- 5) внедрять образовательные программы на иностранном языке для быстрой адаптации и интеграции международных студентов в российское общество; а также продвижения российской повестки, формирующей политико-идеологические установки студентов (целесообразно обратиться к опыту Института общественных наук при ЦК КПСС и Немецкой службы академических обменов);
- 6) способствовать продвижению национального образования за рубежом при помощи инструментария «мягкой силы», территориального маркетинга и брендинга. В качестве конкретной меры рекомендуется создать независимую от правительства (или формально независимую) отечественную службу студенческой мобильности, например, в форме ассоциации российских вузов и студенческих объединений. Неправительственный статус организации будет способствовать формированию доверия и привлекательности со стороны мирового сообщества.

За основу будущих исследований могут быть взяты следующие вопросы: во-первых, насколько фактическое социальное положение мигрировавших российских граждан соотносится с их профессиональной квалификацией; во-вторых, какое место занимает фактор демократизации политической системы в принятии студентами решений в выборе образовательного направления, а также фактор рациональности как таковой.

Литература

1. *Антюхова Е. А.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Германии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 41–45.
2. *Животовская И. Г.* Международная миграция в условиях современной глобализации: динамика и социально-экономические последствия // Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире : Сб. обзоров и реф. / Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. глобальных проблем; отв. ред. Веселовский С. Я. М., 2012. С. 128–180.
3. *Ильин И. В.* Основы глобалистики : учеб. пособие. М. : Издательство Московского университета, 2021. 303 с.
4. *Ковба Д. М., Грибовод Е. Г.* Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. № 21 (10). С. 9–31.
5. *Колтакова А. А.* «Утечка мозгов» как социальная проблема // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2021. № 13. С. 103–106.

6. Мартыненко О. О., Жукова Н. В. Управление академической мобильностью в вузах // Университетское управление: практика и анализ. 2008. № 1. С. 65–75.
7. Оганян А. А. Проблема «утечки мозгов» в мировой экономике // Известия Института систем управления СГЭУ. 2019. № 2 (20). С. 134–137.
8. Рубинская Э. Д. Высококвалифицированные специалисты как ключевой фактор конкурентоспособности стран: мировой опыт привлечения // Государственное и муниципальное управление. Уч. Зап. 2020. № 1. С. 146–153.
9. Рустамова Л. Р. Мягкая сила и публичная дипломатия: учеб. пособие. Москва : КНОРУС, 2021. 252 с. (магистратура и аспирантура).
10. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
11. Степутьев А. Ф. Теоретические основы понятия «конкурентоспособность работников» // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 2. С. 239–254.
12. Торкунов А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Российский совет по международным делам (РСМД). 2013. 27 февраля.
13. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 2 (35). С. 356–360.
14. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
15. Bellamy C. and Weinberg A. Educational and Cultural Exchanges to Restore America's Image // The Washington Quarterly. 2008. N 31 (3). P. 55–68.
16. Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Kalyuzhnova E. "That'll Teach Them": Investigating the Soft Power Conversion Model through the Case of Russian Higher Education // Высшее образование в России. 2022. № 31 (1). С. 120–140. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-120-140.
17. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order. Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
18. Gibson J., McKenzie D. The economic consequences of brain drain of the best and brightest: Microeconomic evidence from five countries // World Bank Policy Research Working Paper. 2010. 5394. P. 1–46.
19. Krasulja N., Blagojevic M., Radojevic I. Brain-drain: The positive and negative aspects of the phenomenon // Ekonomika. 2016. N 62 (3). P. 131–142.
20. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education: Globalization and Universities in China and the World. Singapore: Springer, 2018. 251 p.
21. Lomer S. Soft power as a policy rational for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
22. Mulvey B. International Higher Education and Public Diplomacy: A Case Study of Ugandan Graduates from Chinese Universities. Higher Education Policy. 2020. N 33. P. 459–477.
23. Nye J. S. Bound to lead: The Changing Nature of American Power // Basic Books, A Member of Perseus Books, L. L. C. 1990. 307 p.
24. Nye J. S. Soft Power and Higher Education // Forum for the Future of Higher Education (Archives). International, Policy and Law. 2005.
25. Nye J. S. Soft Power the Means to Success in World Politics. New York : Public Affair, 2004. 216 p.
26. Nye J. S. The Future of Power. New York : Public Affair, 2011. 300 p.
27. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018. 179 p.
28. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Palgrave Macmillan, 2021. 264 p.

Об авторе:

Савельчев Леонид Александрович, студент магистратуры факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Isavelchev-17@edu.ranepa.ru.

References

1. Antyukhova E. A. Education as a tool of "soft power" in German foreign policy // Bulletin of Tomsk State University. History [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya]. 2019. N 57. P. 41–45 (in Rus).

2. Zhivotovskaya I. G. International migration in the conditions of modern globalization: dynamics and socio-economic consequences // Globalization as a factor of social change in the modern world: Collection of reviews and references. Center for scientific and informational research of global and regional problems. Department of Global Problems, ed. by Veselovskiy S. Y. Moscow. 2012. P. 128–180 (in Rus).
3. Ilyin I. V. Fundamentals of globalistics: textbook. M. : Publishing house of Moscow University, 2021. 303 p (in Rus).
4. Kovba D. M., Gribovod E. G. International academic mobility through the prism of “soft power” theory // Education and Science [Obrazovanie i nauka]. 2019. N 21 (10). P. 9–31 (in Rus).
5. Koltakova A. A. “Brain drain” as a social problem // Sociology in the modern world: science, education, creativity [Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo]. 2021. N 13. P. 103–106 (in Rus).
6. Martynenko O. O., Zhukova N. V. Managing academic mobility in universities // University governance: practice and analysis [Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz]. 2008. N 1. P. 65–75 (in Rus).
7. Oganyan A. A. The problem of “brain drain” in the global economy // Proceedings of the Institute of Management Systems of the Samara State University of Economics [Izvestiya Instituta sistem upravleniya SGEU]. 2019. N 2 (20). P. 134–137 (in Rus).
8. Rubinskaya E. D. Highly skilled specialists as a key factor in the competitiveness of countries: world experience of attraction // State and Municipal Management. Scientific Notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski]. 2020. N 1. P. 146–153 (in Rus).
9. Rustamova L. R. Soft power and public diplomacy: textbook. Moscow: KNORUS, 2021. 252 p. (for master's and PhD studies) (in Rus).
10. Sorokin P. A. Man. Civilization. Society / Edited by A. Y. Sogomonov. Translated from English Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (in Rus).
11. Stepus' A. F. Theoretical Foundations of the Concept of “Employees’ Competitiveness” // Bulletin of Udmurtian University [Vestnik Udmurtskogo universiteta]. 2007. N 2. P. 239–254 (in Rus).
12. Torkunov A. Education as an instrument of “soft power” in Russia’s foreign policy // Russian International Affairs Council [Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)]. 2013. 27 February (in Rus).
13. Trojanskaya M. A. Migration of population: concept, types and significance of territories // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management [Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie]. 2021. N 2 (35). P. 356–360 (in Rus).
14. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
15. Bellamy C. and Weinberg A. Educational and Cultural Exchanges to Restore America’s Image // The Washington Quarterly. 2008. N 31 (3). P. 55–68.
16. Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Kalyuzhnova E. “That’ll Teach Them”: Investigating the Soft Power Conversion Model through the Case of Russian Higher Education // Higher education in Russia. 2022. N 31 (1). P. 120–140. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-120-140.
17. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order. Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
18. Gibson J., McKenzie D. The economic consequences of brain drain of the best and brightest: Microeconomic evidence from five countries // World Bank Policy Research Working Paper. 2010. 5394. P. 1–46.
19. Krasulja N., Blagojevic M., Radojevic I. Brain-drain: The positive and negative aspects of the phenomenon // Ekonomika. 2016. N 62 (3). P. 131–142.
20. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education: Globalization and Universities in China and the World. Singapore: Springer, 2018. 251 p.
21. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
22. Mulvey B. International Higher Education and Public Diplomacy: A Case Study of Ugandan Graduates from Chinese Universities. Higher Education Policy. 2020. N 33. P. 459–477.
23. Nye J. S. Bound to lead: The Changing Nature of American Power // Basic Books, A Member of Perseus Books, L. L. C. 1990. 307 p.
24. Nye J. S. Soft Power and Higher Education // Forum for the Future of Higher Education (Archives). International, Policy and Law. 2005.
25. Nye J. S. Soft Power the Means to Success in World Politics. New York : Public Affair, 2004. 216 p.

26. Nye J. S. The Future of Power. New York : Public Affair, 2011. 300 p.
27. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018. 179 p.
28. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Palgrave Macmillan, 2021. 264 p.

About the author:

Leonid A. Savelchev, Master's Student at Faculty of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); lsavelchev-17@edu.ranepa.ru

Проблема всеобщей цифровизации в зеркале российских аудиовизуальных православных СМИ (на примере телеканала «Спас»)

Горынцева Е. А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» Москва, Российская Федерация; eagoryntseva@mail.ru

РЕФЕРАТ

Данная работа посвящена разъяснению того, как в эфире российских аудиовизуальных православных СМИ осмысливается проблема цифровизации. Религиозные, в частности православные, СМИ нацелены на осмысление событий, процессов с ценностно-мировоззренческих позиций: определив позицию СМИ в отношении к цифровизации, можно выявить оценку явления с этической точки зрения. По мнению автора, наиболее репрезентативен телеканал «Спас» (конкретнее — программа «Главное»). Работа направлена на определение того, какие проявления цифровизации в жизни общества и человека обсуждаются в программе «Спаса», как телеканал оценивает всеобщее внедрение цифровых технологий.

Предполагается изучение смыслового наполнения программы, поэтому основной метод исследования — анализ медиатекстов (журналистских материалов телеканала).

В результате исследования выяснилось, что разбираются такие проявления диджитализации, как интернет и киберпространство, городские системы видеонаблюдения, биометрия, единые базы данных, искусственный интеллект, чипизация населения и цифровое обучение. Журналисты «Спаса» не дают однозначной оценки цифровой трансформации. В эфире заявлена следующая позиция: как любое явление, цифровизация производит как положительные, так и отрицательные эффекты. Преобразования могут представлять собой совершенствование в ответ на современные вызовы. Но в то же время необходимо учитывать потенциальные и реальные угрозы, которые представляет человеку и обществу диджитализация.

В виртуальной среде обостряются такие проблемы, как защищенность личной информации и личного пространства, результативность цифрового образования в сравнении с классическим очным, опережение практикой киберцивилизации развития нормативной базы и необходимость регулировать законодательство РФ для прекращения процессов, происходящих в серой правовой зоне. Киберпространство — новая сфера обитания человека, где должна быть обеспечена максимальная безопасность, в том числе личной жизни, при отсутствии чрезмерного контроля.

Ключевые слова: цифровизация, религиозные СМИ, интернет, киберпространство, чипизация, цифровое образование

Для цитирования: Горынцева Е. А. Проблема всеобщей цифровизации в зеркале российских аудиовизуальных православных СМИ (на примере телеканала «Спас») // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 142–150.

The Problem of Universal Digitalization in the Mirror of Russian Audiovisual Orthodox Media (On the Example of the Spas TV Channel)

Ekaterina A. Goryntseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; eagoryntseva@mail.ru

ABSTRACT

This scientific work is devoted to explaining how the problem of digitalization is understood in the broadcast of Russian audiovisual Orthodox media. Religious, in particular Orthodox, mass media are aimed at understanding events and processes from a value-worldview perspective: by determin-

ing the position of the media in relation to digitalization, it is possible to identify an assessment of the phenomenon from an ethical point of view. According to the author, the most representative TV channel is Spas (more specifically, the program *Glavnoye* (The Main Thing)). The paper is aimed at determining which manifestations of digitalization in the life of society and man are discussed in the channel's program, how the TV channel assesses the universal introduction of digital technologies.

It is supposed to study the semantic content of the program, therefore, the main method of research is the analysis of media texts (journalistic materials of the TV channel).

As a result of the study, it turned out that such manifestations of digitalization as the Internet and cyberspace, urban video surveillance systems, biometrics, unified databases, artificial intelligence, chipization of the population and digital learning are being analyzed by program. The journalists of Spas do not give an unambiguous assessment of digital transformation. The following position is stated on the air: like any phenomenon, digitalization produces both positive and negative effects. Transformations can represent improvements in response to modern challenges. However, at the same time, it is necessary to take into account the potential and real threats that digitalization poses to a person and society.

In the virtual environment, such problems as the security of personal information and personal space, the effectiveness of digital education in comparison with the classical face-to-face, the cybercivilization practice advance of the regulatory framework development and the need to regulate the legislation of the Russian Federation to stop the processes taking place in the gray legal zone are becoming more acute. Cyberspace is a new sphere of human habitation, where maximum security, including privacy, should be ensured in the absence of excessive control.

Keywords: digitalization, religious media, Internet, cyberspace, chipization, digital education

For citing: Goryntseva E. A. The problem of universal digitalization in the mirror of Russian audiovisual Orthodox media (on the example of the TV channel "Spas") // Administrative consulting. 2023. N 7. P. 142–150.

Введение

Современный мир идет по пути тотальной цифровизации общества. Цифровые технологии проникают в ранее офлайн-отрасли [6, с. 85], создаются новые бизнес-модели, основанные исключительно на «цифре» [2, с. 380], а участие человека в производственной деятельности минимизируется [5, с. 223; 8, с. 11]. К слову, о темпах диджитализации: в середине 2020 г. доля цифровой экономики в глобальном ВВП составила 27%, и, возможно, к 2025 г. достигнет 50% мирового ВВП¹.

Конечно, цифровизация не исчерпывается ею самой. Всеобщее внедрение цифровых технологий призвано способствовать долгосрочному росту национальных экономик [9, с. 28], обеспечить формирование глобального цифрового пространства [11, с. 7], улучшить качество жизни людей [10, с. 17].

Вместе с тем некоторые исследователи настороженно относятся к возможности проявления диджитализацией эффекта «волка в овечьей шкуре». Одни аналитики беспокоятся о цифровом неравенстве, чрезмерном контроле над личной жизнью людей со стороны государства и частных структур, более совершенных способах манипуляции человеческим сознанием [3, с. 175] — о «внешних» проявлениях. Другие обращают внимание на проявления «внутренние», а именно возникновение вопроса о сохранении «личности в информационном обществе» [3, с. 175], приобретение мышлением признаков «гипертекстуальности, полифоничности, распреде-

¹ Изменились ли горожане внутренне? Цифровые итоги — 2020 [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике: журнал Фонда исследований мировой политики. 2021. 10 января. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-czifra-2020/> (дата обращения: 07.03.2021).

ленности, мозаичности..., месседжевого характера» [1, с. 29]. То есть, по мнению исследователей, цифровизация принципиально трансформирует как связи в системе «человек — среда обитания», так и внутриличностные процессы. Притом эта трансформация оценивается не всегда положительно.

Религиозные СМИ в большей степени, нежели другие универсальные медиа, направлены на разъяснение происходящих в мире процессов, общечеловеческих проблем с ценностно-мировоззренческих позиций. Это касается и глобального социального явления цифровизации [3, с. 171]. Считаем значимым рассмотреть, какое толкование диджитализации дается в «религиозном» медиапространстве.

Объектом изучения является освещение СМИ актуальных вопросов современности. Предметом исследования стало изложение телеканалом «Спас», в частности, программой «Главное» проблемы цифровизации. Обращение к этому телеканалу обусловлено в первую очередь тем, что большинство российского населения идентифицирует себя как православные христиане¹, а также вещанием «Спаса» в составе второго мультиплекса российского цифрового телевидения². В 2020 г. хотя бы на минуту в месяц «Спас» включала почти половина населения РФ³. Выбор программы «Главное» основан на том, что события из мира цифровых технологий и их влияние на общество журналисты анализируют почти в каждом выпуске и к исследованию диджитал трансформации подходят системно.

Цель работы — определить, как в эфире телеканала «Спас» (в программе «Главное») омысливается проблема цифровизации. По ходу установления реального положения дел считаем необходимым проследить, какие проявления цифровизации в жизни общества и человека обсуждаются в программе «Спаса», выяснить, как телеканал оценивает всеобщее внедрение цифровых технологий, а также понять, дается ли, вообще, однозначная оценка цифровой трансформации. Гипотетическим результатом исследования может стать вывод о критичном осмыслении явления, фокусе как на положительные, так и на отрицательные эффекты, производимые диджитализацией.

Методы

Предполагается изучение смыслового наполнения программы, поэтому основной метод исследования — анализ медиатекстов. Источниками информации являются журналистские материалы, выпуски программы «Главное» (телеканал «Спас»). Научная достоверность обеспечивается использованием научной методики и методологии, сравнительно обширным эмпирическим материалом. Разобравшись в «тонкостях» и трудностях превращения замысла в жизнь, решились на выполнение этой в каком-то смысле сложной и оттого интересной научной работы.

Одним из проявлений цифровизации, попадающим в поле зрения программы «Главное», являются интернет и киберпространство. В выпуске от 17 января 2021 г.⁴

¹ Великий пост и религиозность [Электронный ресурс] // Левада-Центр: официальный сайт АНО «Аналитический Центр Юрия Левады». 2020. 3 марта. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/03/velikij-post-i-religioznost/> (дата обращения: 07.03.2021).

² Телеканал «Спас». Российский круглосуточный православный телеканал. Вещание телеканала [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. URL: <http://spastv.ru/about/> (дата обращения: 07.03.2021).

³ Спас в цифрах: зритель, проекты, премьеры [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2021. 5 марта. URL: <http://spastv.ru/blog/2021/03/05/spas-v-cifrah-zritel-proekty-premyery/> (дата обращения: 07.03.2021).

⁴ Митрополит Филарет / Патриарх о цифровизации и ковид-диссидентах / Церковь и пандемия / Трамп забанен [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2021. 17 января. URL: <http://spastv.ru/blog/2021/01/17/mitropolit-filaret-patriarh-o-cifrovizacii-i-kovid-dissidentah-cerkov-i-pandemija-tramp-zabanen/> (дата обращения: 07.03.2021).

поднимается проблема возникновения нового типа государств. Цифровые государства функционируют в виртуальном пространстве и существуют наряду с государствами обычными; границы электронных государств не совпадают с границами реальных стран. Приводятся слова заведующего лабораторией правовой информатики и кибернетики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Н. А. Дмитрика: «... у этих государств начинают появляться остальные признаки. Начинает появляться собственная армия... тех, кто контролирует контент. В любой крупной соцсети есть... десятки тысяч солдат..., которые могут убить любого пользователя этой сети, исключив его, заблокировав, заморозив».

В кибергосударстве не существует общепринятых законов и правил. В связи с этим в виртуальном пространстве нет и социального порядка. Появляются новые формы преступности, новые способы ведения войны — киберпреступность и кибервойна.

Для демонстрации масштаба последствий кибератак сообщается о том, что в июне 2010 г. в компьютерную сеть исследовательского ядерного центра в Натанзе (Иран) был занесен компьютерный вирус, который вывел из строя 1000 ядерных центрифуг. Вследствие этого ядерная программа Ирана была «отброшена» на несколько лет назад. А в апреле 2015 г. хакер Крис Робертс заявил о получении во время полета доступа к управлению самолетом. Авиационные эксперты пришли к выводу о невозможности совершения подобной операции, «но только пока».

Рассказывается и о другом виде киберпреступлений — использовании программ-«вымогателей». Они заражают устройства, ограничивают доступ к файлам, а после злоумышленники требуют выкуп, угрожая безвозвратным уничтожением данных. По сообщениям властей Германии, атака программы на больницу в Дюссельдорфе вызвала сбой ИТ-систем и привела к смерти женщины, нуждавшейся в транспортировке в другой город. «Вымогатели» нападают и на крупные компании, тогда атаки приобретают характер big game hunting (охоты за большими деньгами).

Переходя к анализу феномена кибервойны, необходимо отметить, что такая борьба может происходить как между государствами, переводящими свои силы в цифровую плоскость, так и между государством, национальными СМИ, отдельными политиками, с одной стороны, и транснациональной корпорацией — с другой. В первом случае «жертва» понимает, что на нее напали, но государству сложно определить, кто именно повел атаку (П. Коростелев, руководитель отдела продвижения продуктов компании-разработчика программных и аппаратных средств защиты информации). Каждая страна стремится отстоять свой суверенитет (С. Золотухин, сотрудник лаборатории компьютерной криминалистики и исследования вредоносного кода).

Противоборство между цифровыми гигантами, например, Google, Facebook Inc. (с 28 октября 2021 г. — Meta Platforms Inc.¹), и государством, организациями, личностями часто переносится в публичную сферу. Высказывается мнение, что современный интернет-рынок представляет собой олигополию; компании контролируют информационные потоки, влияя на политику, проявляют цензуру. Убедительно замечание сотрудника лаборатории компьютерной криминалистики и исследования вредоносного кода С. Золотухина по поводу угроз безопасности в киберпространстве: «... те риски, которые существуют, это не только риски каких-то атак, хищений, мошенничеств, но и риски информационного взаимодействия».

Отмечается, что вред от киберпреступности экспоненциально превышает ущерб, нанесенный стихийными бедствиями за год; при этом приносит преступникам большую прибыль, нежели общемировая торговля всеми наркотиками.

¹ Использование информации о Meta Platforms Inc. и ее ресурсах (Facebook и Instagram) подразумевает признание ее нарушающей требования российского законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

Следующими проявлениями цифровизации, на которые обращают внимание авторы программы «Главное», являются системы видеонаблюдения в городах, биометрия, единые базы данных и искусственный интеллект (ИИ). Считаем, что если рассматривать эти технологии в синтезе, то можно определить их как звенья одной цепи, стадии одного процесса.

Почти во всех городах РФ функционируют сети видеонаблюдения с камерами высокого разрешения, многие из которых подключены к системе распознавания лиц. Технологии лицевой биометрии, позволяющие мгновенно идентифицировать человека, способствуют поддержанию общественного порядка, поиску преступников. Российский предприниматель в сфере информационных технологий И. С. Ашманов видит в инновациях дискриминацию граждан цифровыми способами: «... плохо... то, что в них... используется ПО, распознающее лица и прослеживающее путь человека по городу. Это... довольно серьезное нарушение прав граждан на частную жизнь» (эфир от 18 октября 2020 г.¹). Также в эфире приводятся слова протоиерея Максима Козлова: «Религиозно я не принимаю... возможные перспективы развития. Такого рода идентификация человека по внешним признакам легко допустит его отключение от зарплаты, от источников питания, от возможности перемещения... Это мне представляется опасной... прелюдией итогу тотального контроля, который описан в Апокалипсисе».

В выпуске от 21 февраля 2021 г.² поднимается вопрос о том, какие риски несет функционирование в РФ Единой биометрической системы. Одной из основных угроз представляется возможность использования персональной информации сотрудниками организаций, имеющих доступ к Единой биометрической системе, в незаконных целях. Помимо этого, велик риск кражи данных извне. В качестве аргументации приводятся примеры хищений денег из банков мошенниками, утечек информации из Федерального реестра лиц, больных COVID-19.

Особого рассмотрения требует опыт Китая, где действует система социального рейтинга. В ее основе — анализ личных данных с применением информационных технологий. Оценка за поведение выставляется как отдельным гражданам, так и компаниям; поощрительные и штрафные баллы начисляются искусственным интеллектом. Уместно замечание И. С. Ашманова: «...нам нужен настоящий правильный цифровой кодекс, который запрещает дискриминировать граждан с помощью цифровых технологий, использовать эти технологии для ухудшения положения людей и запрещает, в частности, использовать ИИ для автономного принятия решений о людях без участия человека»³.

В 2020 г. широкий общественный резонанс вызвала тема тотальной чипизации населения. К этому проявлению цифровизации журналисты программы «Главное» относятся настороженно. В эфире от 31 мая 2020 г.⁴ рассказывается о стратегии Москвы «Умный город — 2030», а точнее о разделе программы «Человеческий

¹ Покров / Штраф за бороду / Цифровой контроль над человеком / Сергей Шаргунов / Движение против деторождения [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2020. 18 октября. URL: <http://spastv.ru/blog/2020/10/18/pokrov-shtraf-za-borodu-cifrovoy-kontrol-nad-chelovekom-sergej-shargunov-dvizhenie-protiv-detorozhdenija/> (дата обращения: 07.03.2021).

² Сретение со старцем Илием / Школа. Цифровая атака / Дзержинский. Железный палач / «Генетический код» России [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2021. 21 февраля. URL: <http://spastv.ru/blog/2021/02/21/sretenie-so-starcem-iliem-shkola-cifrovaja-ataka-dzerzhinskij-zheleznyj-palach-geneticheskij-kod-rossii/> (дата обращения: 07.03.2021).

³ Там же.

⁴ Вознесение / Цифровой контроль / Когда откроют храмы? / Вакцинация / Суррогатное материнство [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2020. 31 мая. URL: <http://spastv.ru/blog/2020/05/31/voznesenie-cifrovoy-kontrol-kogda-otkrojut-hramy-vakcinacija-surrugatnoe-materinstvo/> (дата обращения: 07.03.2021).

и социальный капитал». В нем говорится: «Для лечения когнитивных и других расстройств будут применяться нанороботы — устройства размером с клетку крови, функционирующие внутри тела человека». Ведущая передачи А. Шафран предлагает зрителям самим сформировать позицию по поводу возможного вживления «жидких чипов»: «Видимо, для всех людей Церкви настало время научиться разбираться в новых технологиях, предлагаемых нам сейчас, и постараться отделить зерна от плевел: духовные вопросы от социальных проблем, откровенные мифы... — от реальных фактов, и сделать свой выбор».

В выпуске от 6 сентября 2020 г.¹ сообщается о представлении Илоном Маском нового проекта: вживлении в голову свинье чипов, способных влиять на мозговую деятельность и лечить неврологические заболевания. А в феврале 2021 г.² авторы программы цитируют высказывание предпринимателя о чипировании обезьяны: «У нас есть обезьянка с беспроводным имплантом в черепе, она может играть в видеоигры с помощью своего разума и выглядит вполне счастливой». В программе подчеркивается: от экспериментов над животными до реально имплантируемых в человеческий мозг чипов далеко, но если Маск решит чипировать людей, то найдутся добровольцы, готовые рискнуть своим здоровьем «во имя ложно понятых ценностей технологического прогресса». Посмотреть с другого ракурса на возможности исправления человеческой природы и критически отнестись к философии трансгуманизма направляют приведенные в эфире³ слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Апгрейд» человека³ возможен, но не посредством биотехнологических преобразований, а посредством очищения своего сердца от страстей, посредством стяжания добродетелей, в первую очередь стяжания любви, уподобляющей нас Богу. Философия трансгуманизма предлагает человечеству цифровое бессмертие, а Господь подарил человеку подлинное бессмертие».

Наиболее подробно и внимательно в передаче «Главное» разбирается проблема цифровизации образования, цифрового обучения. Явление рассматривается с разных сторон.

Достоинства новой формы получения знаний заключаются в том, что, во-первых, технологии помогают за меньшее время выполнить большее количество заданий. Во-вторых, в условиях цифровой образовательной среды становится возможной демонстрация на занятиях увлекательных учебных медиапродуктов; это более эффективный способ усвоения информации детьми с клиповым мышлением [4]. В-третьих, пользуясь цифровыми сервисами, ученики знакомятся со свежими данными; образовательные интернет-платформы, в отличие от бумажных учебников, могут обновляться каждый день. И, в-четвертых, для всех школьников создаются равные условия. Как справедливо отмечает председатель комиссии по образованию и молодежной политике Общественной палаты Воронежской области Н.С. Киреченкова, «Есть дети, для которых обучение в школе составляет практически непреодолимые препятствия в силу разных причин. Для таких детей цифровое образование — это реальный выход» (эфир

¹ Чипы в мозг / Вторая волна карантина / Победа протестов в Черногории? / Библия в шведских школах [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2020. 6 сентября. URL: <http://spastv.ru/blog/2020/09/07/chipy-v-mozg-vtoraja-volna-karantina-pobeda-protestov-v-chernogorii-biblija-v-shvedskih-shkolah/> (дата обращения: 07.03.2021).

² Служение Патриарха / Чипирование / Суррогатное зло / Советские Штаты Америки? / Новомученики и исповедники [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2021. 7 февраля. URL: <http://spastv.ru/blog/2021/02/07/sluzhenie-patriarha-chipirovanie-surrogatnoe-zlo-sovetskie-shtaty-ameriki-novomucheniki-i-ispovedniki/> (дата обращения: 07.03.2021).

³ Чипы в мозг / Вторая волна карантина... URL: <http://spastv.ru/blog/2020/09/07/chipy-v-mozg-vtoraja-volna-karantina-pobeda-protestov-v-chernogorii-biblija-v-shvedskih-shkolah/> (дата обращения: 07.03.2021).

от 31 января 2021 г.¹). А по мнению директора Института развития образования НИУ ВШЭ И. В. Абанкиной, стандарт должен обновляться каждые 10 лет: «... сегодня обновление стандарта, в первую очередь, связано с так называемыми ключевыми компетенциями. Это критическое мышление, креативность, умение работать в команде, умение становиться лидером, анализировать информацию»².

В качестве аргумента в пользу недопустимости внедрения цифровизации в систему образования приводится исследование немецкого нейробиолога Манфреда Шпитцера, которое на большой выборке из разных стран показывает, что образование в полном смысле этого слова через компьютер неосуществимо. Обучение с использованием гаджетов не развивает мозг, разрушает возможность абстрактного мышления, уничтожает способность к выявлению причинно-следственных связей. Полноценное развитие ученика возможно только при «живом» общении учителя и учащегося, когда обеими сторонами взаимодействия воспринимаются эмоции, считывается мимика, осуществляется моментальная реакция. Использованием мелкой моторики обеспечивается глубокое погружение в тему.

Также большое внимание уделяется рассмотрению законодательной базы РФ, обеспечивающей внедрение цифровизации в школах. В интервью с членом экспертно-консультативного совета по вопросам семейного права Совета Федерации А. В. Швабауэр (эфир от 21 февраля 2021 г.³) указывается, что в действующем ФЗ «Об образовании в РФ» содержится норма, допускающая реализацию образовательных программ с применением исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий без разграничения по формам обучения. При этом в Китае, который широко осуществляет цифровую трансформацию, пришли к определению видеогигиены как причины деградации, снижения когнитивных способностей и приняли закон о запрете использования гаджетов в школе детьми. Авторы передачи настаивают на необходимости внесения поправки в ФЗ «Об образовании в РФ», исключающей подмену очного обучения дистанционными технологиями.

Результаты

В процессе написания научной работы при анализе выпусков религиозного СМИ появилось более глубокое понимание сути цифровизации как процесса и проблемы.

Удалось определить, что в эфире телеканала «Спас», а точнее, программы «Главное», разбираются такие проявления диджитализации, как интернет и киберпространство, городские системы видеонаблюдения, биометрия, единые базы данных, искусственный интеллект, чипизация населения и цифровое обучение. Стоит отметить, что информационно-коммуникационные технологии связаны между собой. Часто эти методы, процессы, средства основаны друг на друге и способны выполнять предназначенные им функции только благодаря некой «поддержке» другой технологии.

В одном из выпусков⁴ программы упоминаются слова преподобного Максима Исповедника: «Нет вещей, дурных по своей природе, есть вещи, дурные по

¹ Василий Лановой / Ковид-паспорта / Образование и «цифра» / Путин в Давосе / Пропаганда смены пола / Блокада [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2021. 31 января. URL: <http://spastv.ru/blog/2021/01/31/vasilij-lanovoj-kovid-pasporta-obrazovanie-i-cifra-putin-v-davose-propaganda-smeny-pola-blokada/> (дата обращения: 07.03.2021).

² Там же.

³ Сретение со старцем Илием... [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2021. 21 февраля. URL: <http://spastv.ru/blog/2021/02/21/sretenie-so-starcem-iliem-shkola-cifrovaja-ataka-dzerzhinskij-zheleznyj-palach-geneticheskij-kod-rossii/> (дата обращения: 07.03.2021)

⁴ Покров / Штраф за бороду / Цифровой контроль над человеком / Сергей Шаргунов / Движение против деторождения [Электронный ресурс] // Телеканал «СПАС»: официальный сайт. 2020. 18 октября. URL: <http://spastv.ru/blog/2020/10/18/pokrov-shtraf-za-borodu-cifrovoy-kontrolnad-chelovekom-sergej-shargunov-dvizhenie-protiv-detorozhdenija/> (дата обращения: 07.03.2021).

своему употреблению». Журналисты «Спаса» не дают однозначной оценки цифровой трансформации, прямо говорят, что не являются противниками прогресса, и отмечают, что преобразования могут представлять собой совершенствование в ответ на современные вызовы. Но обращают внимание: необходимо учитывать потенциальные и реальные угрозы, которые представляет человеку и обществу цифровизация. В целом результаты созвучны с предлагаемой гипотезой.

Выводы

Киберпространство — новая сфера обитания человека, где должна быть обеспечена максимальная безопасность, в том числе личной жизни, при отсутствии чрезмерного контроля. Право на личную информацию и личное пространство требует такой же защищенности, как право на личную физическую неприкосновенность [7, с. 112].

При внедрении новых технологий нужно помнить и о возможности копирования новаторских стандартов, в действительности чуждых носителям российского самосознания. Принцип формирования личности, заложенный в основу классического фундаментального образования, должен быть перенесен и на почву современного цифрового образования России.

Практика киберцивилизации опережает развитие нормативной базы. Необходимо регулировать законодательство РФ для того, чтобы остановить процессы, происходящие в серой правовой зоне.

Средства массовой информации часто называют зеркалом жизни общества. В то же время СМИ, отвечая на социальный запрос, направляют аудиторию к более определенному видению событий. Наблюдая за тем, как процессы отражаются в зеркале православного медиа, можно не только рассуждать о том, в чем сущность трансформации внешней среды, но и думать о том, как человеку существовать в этих условиях, сохраняя при этом мир в своей душе.

Литература

1. Грекова А. А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 12, № 1. С. 28–38.
2. Камнева В. В. Цифровая экономика, цифровизация и цифровая трансформация // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 377–381.
3. Лазар М. Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 170–181.
4. Ломбина Т. Н., Юрченко О. В. Особенности обучения детей с клиповым мышлением // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 1. С. 45–50.
5. Моисеева А. А. Условия и последствия диджитализации современного общества: социально-экономический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 216–226.
6. Никитенкова О. В. Влияние цифровизации на мировую экономику // Экономический журнал. 2020. № 1 (57). С. 84–98.
7. Скляр М. А., Кудрявцева К. В. Цифровизация: Основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 103–114.
8. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / отв. ред. Д. С. Медовников. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
9. Цифровизация экономических систем: теория и практика : монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб. : Политех-пресс, 2020.
10. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. /

- Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др. ; науч. ред. Л. М. Гохберг ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
11. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Ginebra: World Economic Forum, 2016. 172 p.

Об авторе:

Горынцева Екатерина Андреевна, магистрант факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); eagoryntseva@mail.ru

References

1. Grekova A. A. Peculiarities of thinking of representatives of the «digital generation» // Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology" [Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya]. 2019. Vol. 12, N 1. P. 28–38. (in Rus).
2. Kamneva V. V. Digital economy, digitalization and digital transformation // Skif. Questions of student science [Skif. Voprosy studencheskoi nauki]. 2020. N 2 (42). P. 377–381. (in Rus).
3. Lazar M. G. Digitalization of society, its consequences and control over the population // Problems of the activity of a scientist and research teams [Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov]. 2018. N 4 (34). P. 170–181. (in Rus).
4. Lombina T. N., Yurchenko O. V. Features of teaching children with clip thinking // Society: sociology, psychology, pedagogy [Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika]. 2018. N 1. P. 45–50. (in Rus).
5. Moiseeva A. A. Conditions and consequences of digitalization of modern society: socio-economic analysis // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya]. 2017. N 39. P. 216–226. (in Rus).
6. Nikitenkova O. V. The impact of digitalization on the world economy // Economic Journal [Ekonomicheskii zhurnal]. 2020. N 1 (57). P. 84–98. (in Rus).
7. Sklyar M. A., Kudryavtseva K. V. Digitalization: Main directions, advantages and risks // The economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2019. № 3 (61). P. 103–114. (in Rus).
8. The Digital economy: global trends and practice of Russian business / edited by D. S. Matovnikov. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. (in Rus).
9. The Digitalization of economic systems: theory and practice : monograph / edited by Doctor of Economics, Professor A. V. Babkin. Saint Petersburg : Polytechnic press, 2020. (in Rus).
10. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: the report to the XX April international Scientific Conference on problems of Economic and Social development, Moscow, 9–12 Apr. 2019 / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg et al.; scientific ed. L. M. Gokhberg; Higher School of Economics. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. (in Rus).
11. Schwab Klaus. The Fourth Industrial Revolution. Ginebra: World Economic Forum, 2016. 172 p.

About the author:

Ekaterina A. Goryntseva, Master's student of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); eagoryntseva@mail.ru

Новости

Алексей Комиссаров назначен ректором Президентской академии

На должность ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации назначен Алексей Комиссаров. Распоряжение об этом подписал Председатель Правительства Михаил Мишустин.

С 23 января 2023 г. Алексей Комиссаров был исполняющим обязанности ректора Президентской академии. Им были обозначены приоритетные задачи: повышение качества образовательных программ, а также улучшение условий обучения для слушателей. «Моя главная цель на посту ректора Президентской академии — готовить лучшие кадры для государства и бизнеса. Мы должны создать

такую среду в Академии, которая обеспечит не только высокий уровень знаний, но и воспитает руководителей нового поколения — эрудированных, с высокими моральными и волевыми качествами. Это амбициозная комплексная задача, к решению которой мы уже приступили. Уверен, благодаря слаженной работе команды Академии мы добьемся успеха. Благодарю Президента и Председателя Правительства Российской Федерации за оказанное доверие», — прокомментировал свое новое назначение Алексей Комиссаров.

В РАНХиГС Алексей Комиссаров пришел в 2017 г. Занимал пост проректора — директора Высшей школы государственного управления Академии, создавал и до настоящего времени руководил программой подготовки высшего управленческого резерва (так называемой «Школой губернаторов»). В январе 2023 г. был назначен исполняющим обязанности ректора Академии.

Коллектив РАНХиГС Санкт-Петербург поздравляет Алексея Геннадиевича Комиссарова с назначением на должность ректора Президентской академии!

В РАНХиГС Санкт-Петербург назвали ТОП-5 самых востребованных программ проекта «Содействие занятости» среди молодежи

На площадке ИА «Интерфакс Северо-Запад» состоялась пресс-конференция, посвященная вопросам трудоустройства граждан и основным тенденциям на рынке труда. Участниками встречи стали директор РАНХиГС Санкт-Петербург Андрей Хлутков, декан факультета дополнительного профессионального образования РАНХиГС Санкт-Петербург Лариса Каранатова, первый заместитель председателя Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области Тимофей Котов, президент Регионального объединения работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Ленинградской области» Александр Габитов, руководитель пресс-службы hh.ru по Северо-Западу Мария Бузунова, а также журналисты федеральных и региональных СМИ.

Директор РАНХиГС Санкт-Петербург Андрей Хлутков подчеркнул важность дополнительного обучения и переподготовки кадров в решении проблемы образовавшегося дефицита персонала. Он также отметил, что уникальность РАНХиГС — самого большого вуза нашей страны — в единых высоких стандартах качества, в реализуемых программах, представляющих собой концентрированный интеллектуальный продукт, который включает в себя все лучшее со всей территории страны.

Как рассказала декан факультета дополнительного профессионального образования РАНХиГС Санкт-Петербург Лариса Каранатова, «среди представителей молодежи наибольший интерес, по данным за первое полугодие 2023 г., вызывают программы „Юриспруденция“, „Интернет-маркетинг: цифровые технологии в продвижении“, „Управление персоналом“, „Контрактная система в сфере закупок товаров, работ и услуг“ и „Бухгалтерский учет и налогообложение“».

По словам первого заместителя председателя областного Комитета по труду и занятости населения Тимофея Котова, РАНХиГС Санкт-Петербург — лучший партнер в реализации проекта, предлагающий самые востребованные и актуальные программы. Он рассказал, что ситуация на рынке труда Ленинградской области характеризуется острой нехваткой квалифицированных кадров. «...Если взглянуть на рынок труда с точки зрения работодателей, то имеется более 50 тысяч предложений о работе по различным специальностям», — отметил он.

Руководитель пресс-службы hh.ru по Северо-Западу Мария Бузунова сообщила, что в целом положение Ленобласти среди регионов оценивается как стабильное, и подтвердила, что «по итогам июня количество новых рабочих мест и спрос на персонал выросли на 82% (год к году), на одного соискателя приходится 2–3 рабочих места».

На фото слева направо: президент ЗАО «Интерфакс — Северо-Запад» Л. Фомичева, декан факультета дополнительного профессионального образования РАНХиГС Санкт-Петербург Л. Каранатова, директор РАНХиГС Санкт-Петербург А. Хлутков, первый заместитель председателя Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области Т. Котов, руководитель пресс-службы hh.ru по Северо-Западу М. Бузунова

Федеральный проект «Содействие занятости» нацпроекта «Демография» реализуется Министерством труда и социальной защиты РФ при поддержке Министерства науки и высшего образования на период до 2024 г.

В РАНХиГС Санкт-Петербург состоялись торжественные церемонии вручения дипломов

С поздравлением и словами напутствия на церемонии вручения дипломов выпускникам факультета безопасности и таможен выступил научный руководитель РАНХиГС Санкт-Петербург, доктор экономических наук, генерал-полковник таможенной службы Владимир Шамахов. Он отметил, что всегда приятно вручать дипломы и благодарности лучшим.

Местом для знакового события в жизни вчерашних студентов стал один из красивейших залов города — Мраморный зал Российского этнографического музея.

От имени руководства Российского этнографического музея и от себя лично выпускников поздравила заместитель директора музея Ирина Донина. Среди почетных гостей церемонии присутствовали генерал-майор таможенной службы Иван Красуленко, полковник таможенной службы Сергей Лядов, руководитель регионального центра безопасности Санкт-Петербургского филиала ПАО «Промсвязьбанк» Сергей Логинов, полковник таможенной службы Сергей Дозоров, главный специалист-эксперт Управления Роспотребнадзора по Санкт-Петербургу Антон Алексеев, заместитель декана факультета, кандидат наук Надежда Тихонова, руководитель образовательного направления «Экономическая безопасность», кандидат экономических наук Татьяна Тарасова, директор образовательной программы, генерал-майор таможенной службы Алексей Петров, профессор кафедры таможенного администрирования, доктор наук Рашид Кочкаров.

Всего дипломы о высшем образовании в этот торжественный день получил 201 выпускник, в том числе 139 специалистов по таможенному делу и 62 — по экономической безопасности. 27 выпускников получили дипломы с отличием.

На фото: научный руководитель РАНХиГС Санкт-Петербург, доктор экономических наук, генерал-полковник таможенной службы Владимир Шамахов и лучший выпускник факультета безопасности и таможен 2023 г. по направлению «Таможенное дело» Марина Минина

2023. № 7(175)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.07.2023.
Подписано к печати 29.07.2023.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,42. Тираж 50 экз.
Заказ № 7/23.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72